

Драконий маг

Драконий Орден - 1

Янтарина Танжеринова

МАГ ИЗ ДРАКОНЬЕГО ОРДЕНА

ГЛАВА 1

Начало 3-го Летника 1374 года от У.Д. (Ухода Драконов), королевство Юнгирод

– Глянь, чароплётка!..

– Откуда она, а? Не было ж никого на дороге, я токо-токо глядел...

– А конь у ей дрянной!..

– А посох-то, посох! Здоровенный какой. Таким ка-ак приложит...

– Ага, тебя по спине, ежели без спросу полезешь!..

Вот-вот, усмехнулась про себя Айриэннис. У неё всегда иллюзии качественные получались. И иллюзорным посохом по спине можно запросто приложить, если нужда возникнет. А то и огнём плюнуть. Окинув неприязненным взглядом кучку галдящей деревенской ребятни, копошившейся в пыли до её эффектного появления, Айриэ въехала в деревню. Собственно, сие эффектное появление из ниоткуда вовсе даже не планировалось – Айриэ, задумавшись о своём, попросту забыла вовремя снять с себя дорожный ?отвод глаз?.

По северным меркам стояла жара; было сухо и пыльно, хотя к ночи должна была разразиться гроза, Айриэ чуяла это безо всякой магии. Начался последний летний месяц, через пару декад похолодает, но и сейчас ночи дарили измученным зноем северянам их обожаемую прохладу. Айриэннис ни жарой, ни холодом было не напугать, а нынешнюю погоду она почитала приятно тёплой и ласковой. Ещё бы воздух не был таким сухим и колким, царапающим горло. Впрочем, это легко лечится чем-нибудь приятно освежающим, дайте только добраться до местной таверны.

Кайдарах был деревней не то чтобы сильно богатой, но вполне зажиточной. Те, кто хотел и умел работать, имели крепкие дома, здоровую, холёную скотину и ухоженные огороды – как почти в любом селении в герцогстве Файханас. Герцоги хорошо заботились о своих людях и землях, прекрасно понимая, что с довольных жизнью подданных доход всегда выше, чем с несчастных и обобранных своими же правителями. Герцогство входило в состав небольшого королевства Юнгирод на северо-западе Аэданира и занимало примерно треть его территории.

О дорогах герцоги тоже заботились: все мало-мальски крупные тракты были замощены булыжниками; мощёной была и довольно широкая центральная улица Кайдараха, по которой сейчас цокали копыта невзрачного коня ?чароплётки?. Впрочем, переулки никто не мостил, и на пересечении одного из них с центральной улицей после недавних дождей образовалась огромная лужа, не успевшая высохнуть. В луже лежала абсолютно довольная жизнью чёрная свинья – таких впечатляющих размеров, что Айриэ только головой уважительно покачала. Ну и зверюга!..

Свиньи составляли изрядную статью доходов герцогства: здешние крестьяне испокон веку откармливали свиней особыми травками и желудями, отчего их мясо становилось нежным, ароматным и исключительно вкусным. Копчёная фйханасская свинина с можжевеловым дымком славилась на весь материк. Особенно уважали здешнее мясо гномы из соседнего Фиарштада, скупая едва ли не половину всех производимых в герцогстве копчёностей.

Немногочисленные встретившиеся по дороге крестьяне смотрели на приезжую с умеренным любопытством, больше интересуясь собственными делами. Очевидно, сказывалась близость к родовому гнезду Файханасов, расположенному всего в трёх милях от Кайдараха: насмотрелись здесь на всяких диковинных гостей. Подумаешь, путешествующий маг, эка невидаль. К иллюзорному посоху местные не приглядывались или попросту не знали, что означает венчающая посох драконья голова с оскаленной пастью. Кстати, не будь посох иллюзией, давно бы исколотил свою хозяйку по правой ноге, до чёрно-багровых кровоподтёков. А так висел себе и висел в иллюзорных же петлях, никому не мешая – ни магу, ни лошади.

Впереди справа показалась таверна – крепкое, недавно подновлённое строение со свежеекрашенной вывеской. Название было весьма немудрёным – «Свиная голова», а изображалась на вывеске такая счастливая, довольная жизнью чёрная свинья, что Айриэ невольно задумалась, а не послужила ли моделью для портретика та хавронья из лужи. Похожа была точь-в-точь.

Свинок было жаль. Они вели действительно счастливую, безмятежную жизнь – от рождения и до самого ножа мясника. Жили, можно сказать, полноценно и с пользой. Не всякому человеку дано, хе-хе. И бедные свинки знать не знали, ведать не ведали, что над их головами постепенно сгущаются тучи. Впрочем, это увидят разве что праправнуки нынешних подсвинков.

Айриэ окинула взором уходящий в даль ряд добротных домов и уже серьёзно подумала, что будет, действительно, очень жаль, если весь Юнгирод и герцогство Файханас в частности изменится к худшему. Не самое плохое местечко, не самые плохие люди здесь обитают. А значит, надо постараться и сделать всё, чтобы успеть вовремя распутать, рассосать набухший над головами здешних обитателей «узел». Для того, собственно, она сюда и приехала. Маг из Драконьего Ордена, ха!

Завернула к таверне, спешила и сунула поводья своего неказистого савраски мальчишке, крутящемуся у коновязи под навесом. Велела обиходить лошадь и сунула медную монетку авансом. В дверях таверны едва не столкнулась с выходящим оттуда красавчиком-менестрелем, кудрявеньким, как юный барашек. Правда, взгляд у «барашка» получился на диво цепким и внимательным, а в глубине глаз вспыхнула мгновенная искра чисто мужского интереса. Хм, в её нынешнем облике смотреть было особо не на что: угловатая, почти мальчишеская фигура, узкие плечи, узкие бёдра, узкое вытянутое личико с тонкими губами и чуть впалыми щеками. Невысокая шатенка лет под тридцать, с прямыми, жёсткими волосами до плеч и глазами цвета ореховой скорлупы. Впрочем, если Айриэннис не ошиблась, в жилах бронзоволового менестреля имелась, как минимум, четверть эльфийской крови, а следовательно, он видит не только внешность, но и суть. Ну, разглядеть её

истинную

сущность у мальчика вряд ли получится, а всё прочее... пусть смотрит, не жалко.

Однако же забавная встреча. Что здесь делает этот относительно юный менестрель? Эльфы тоже почувствовали неладное? Они могут, вот только разрулить ситуацию у них вряд ли получится, разве что сюда явится половина обитателей Альтиналя и примется старательно «лечить мир» своей магией. Неплохо бы, только местные обитатели это вряд ли оценят... На самом деле, эльфы по-настоящему сильны только на своей исконной земле. Вне Альтиналя их магия действует не настолько эффективно, особенно по сравнению с

драконьей. Но этого мальчика могли послать как наблюдателя – должны же эльфы знать, что происходит. Надо будет к нему присмотреться повнимательнее.

В таверне почти никого не было – середина дня, местные заняты уборкой урожая и хозяйственными делами. Только двое заезжих купцов за столиком неторопливо беседовали, цедя холодное пиво из запотевших, лаково блестящих деревянных кружек. За соседним столиком расположились их охранники, угощаясь тем же самым и хлебом с ломтями копчёного мяса. В помещении было чуть сумрачно, особенно после залитой солнцем улицы, но довольно чисто.

Хозяин торчал за стойкой и заинтересованно уставился на новую посетительницу, намётанным глазом оценивая её вид, наряд и платёжеспособность. Наряд у неё тоже был весьма неказистый: тёмно-серые штаны из так называемой ?троллевой кожи?, простая белая рубаша с закатанными рукавами, да лёгкие сапоги. Одежду Айриэ зачаровывала лично: от грязи и износа, от жары и холода, сапоги – от промокания. Гораздо больше одежды хозяину сказал уверенный взгляд посетительницы и властная манера держаться, выдававшая, что это не простая полуницая наёмница, а нечто большее. Айриэ уселась и небрежно кивнула хозяину, коротко глянув на потемневшую от времени и пролитых напитков деревянную поверхность стойки, усеянную хлебными крошками и украшенную мокрыми кругами – следами кружек. Стойка, повинувшись заклинанию очистки, заблестела, а крошки и кружки испарились. Сидевшие тут же трапезничающие мухи успели взлететь к потолку с раздражённым жужжанием.

– Чего изволите, мэора? – Голос хозяина, распознавшего в посетительнице мага, преисполнился почтительности.

– Холодного пива, лучше тёмного. И косицу копчёного сыра.

– Сию минуту, мэора!

Пиво оказалось весьма недурным – умный хозяин не рискнул наливать магу дешёвое или, того хуже, разбавленное. Лениво прихлёбывая холодненькое и отщипывая от косицы узкие полоски сыра, Айриэ потихоньку приходила в благодушное настроение.

– Повтори, – велела она, протягивая хозяину пустую кружку, и похвалила: – Хорошее у тебя пиво.

– А то, мэора! – приосанился низенький лысенький хозяин, сразу показавшись выше и значительнее. – Моё-то пиво брат их светлости изволили похвалить, когда намедни сюда заглянули. Я вам из того же бочонка нацедил, не сомневайтесь, мэора маг! Я ж вижу, кто особого отношения требует.

– О как! – прищёлкнула языком Айриэ. – Говоришь, сам брат герцога сюда заглядывает? И часто?

Свести знакомство с владельцем здешнего края необходимо, но лучше, если всё будет выглядеть случайностью. Если кому-то из Файханасов потребуются услуги мага, получится совсем хорошо. Пусть герцоги ищут мага, а не наоборот. Впрочем, она и не сомневалась, что приглашение в замок последует рано или поздно. Время пока терпит. Надо осмотреться для начала, а уже потом начинать охоту.

– Да когда как, – охотно поддержал разговор хозяин. – Рингиры Файханасы здесь, почитай, каждую декаду показываются – когда по делам мимо проезжают, то ко мне заворачивают горло промочить. Знают уважаемые рингиры, что я для них завсегда держу бочонок-другой хорошего пива. У меня даже гномье светлое имеется, из самого Фиарштада. Так что ежели мэора желает...

– В другой раз, – зевнула Айриэ, – мне пока двух кружек достаточно. Скажи-ка лучше, любезный хозяин, а нельзя ли у тебя комнату снять? Может, на пару декад, а может, и месяц, уж как получится.

– Я комнаты не сдаю – шумно тут по вечерам бывает, зачем же уважаемым клиентам мучиться? А вот зять мой постоянный двор держит. Хороший, чистый, спокойный, и кормят там преотменно – моя дочка сама за кухарками приглядывает, – с гордостью поведал хозяин таверны. – Вот там-то вы и можете комнату снять, мэора маг. Живите в своё удовольствие, сколько вам угодно будет. А ежели скажете, что вы от папаши Брэддора, то зять вам и цену немного скостит.

– Ну, спасибо, папаша Брэддор, – хмыкнула магесса. – Не конкурируете, выходит, с зятем?

– Да зачем же, мэора? – неподдельно удивился хозяин. – Умные люди по пустякам не лаются, а вместе выгоду ищут, тем более не чужие всё ж. Дочка моя любимая замуж вышла – я и помог молодым постоянный двор открыть. Гриллод – мужик с головой, толковый, да дочку мою любит. И руки у него не из задницы растут, чего ж с таким ругаться?

– И то правда, – снова хмыкнула Айриэ, на сей раз одобрительно.

Как не по-людски рассуждает, прелесть просто. Люди обычно как раз-таки с роднёй больше всего и враждуют. Хоть с кровной, хоть со всякими зятьями-тёщами и кто там у них ещё бывает. А тут... будто гнома слушаешь. Вот и ещё один крохотный аргументик в пользу необходимости защиты здешних земель...

– Так что вы, мэора... – хозяин глянул вопросительно, желая узнать имя собеседницы.

– Зови меня Айнура.

Этот её образ, в очередной раз вытасченный из небытия, всегда звали Айнурой, пусть так и остаётся. Капельку похоже на собственное, родное имя, которое в Акротосе знать никому не нужно. Пускай довольствуются ?рабочими?, к тому же все эти вымышленные имена давно перестали быть чужими. Просто ещё одна грань её натуры, ещё один штрих, добавленный к истинному облику.

– ...вы, мэора Айнура, не сомневайтесь: у Гриллода с Тайрой вам понравится, уезжать не захотите. – Хозяин поскрёб блестящую от пота лысину, по которой ползала назойливая муха, и добавил: – А ежели пожелаете пивка хорошего или чего покрепче – милости прошу ко мне. У Гриллода вино к столу подают, но публика там ?чистая?, всё чинно-благородно. Веселиться ко мне ходят, мэора, так что и вы заглядывайте, не побрезгуйте.

– Загляну, – пообещала Айриэ. – Смотрю, у тебя тут даже менестрель выступает? В дверях с ним столкнулись.

– Да, это мне изрядно повезло, – довольно крикнул Брэддор и взмахнул рукой, на сей раз сгоняя муху с носа. – Тианор этот на лютне бренчит знатно, а уж поёт – заслушаешься. У нас с ним уговор до праздника Урожая: он у меня в таверне выступает не меньше пяти раз в декаду, а захочет чаще – милости просим, хоть каждый вечер. Посетителей он здорово привлекает, Тианора послушать нарочно заходят. И даже сам герцог и рингиры Файханасы вроде как довольны остались, в замок к себе менестреля зазывали. Он у их светлости уже играл не единожды на пирах.

Тоже Файханасов проверяет? Интересно, что этот мальчик накопал...

– А скажи мне, папаша Брэддор, нет ли тут у вас какой работы для мага?

– Да нет вроде, – с сомнением в голосе отозвался хозяин. – Разве чего по мелочи – вроде курей от мора заговорить, так то вам, наверно, не по чину. Вы ж важная мэора, что вам наши

деревенские заморочки. У нас тут свой колдун...ой, маг то бишь, имеется, их светлостью к нашей округе приставлен.

– Маг, говоришь? – наострила уши Айриэ.

Вот мага-то нам и надо. Правда, неизвестно, тот ли это маг, но проверить необходимо.

– Ага, молодой ещё, но ничего так... колдовать умеет. Он этот, как его, ар...артек... артехватор, во! Ну, лампы там магические заряжает, шкафы холодильные чарует, чтоб еда не портилась, и всякое такое по мелочи. Герцог наш его к себе частенько зовёт, в замке чего-то колдовать. Их светлость с нас налоги берёт как полагается, за мага этого тож, но сделал такое послабление: пять штук колдовских штук в год на одну семью маг бесплатно зачаровывает, а остальное – за плату.

– Повезло вам с герцогом, – рассеянно заметила магесса, дожёвывая остатки сыра.

Артефактор, говорите?.. Ну, может, и так, самой смотреть надо. Хотя на маге не написано, что он умеет, а что нет. И умение накладывать проклятья, тем более такие изошрённые, как то, которым одарили Кайнира, никак не распознаешь, пока маг сам себя не выдаст. Однако накладывали-то проклятие не просто на человека (попробуй, прокляни короля, когда на нём защита, да и охранники-маги рядом имеются), а на некий предмет, который, собственно, и должен был нанести королю вред. Корррявое Равновесие, неужели след? Или пустышка?

– Вот что, любезный хозяин, – магесса решительно стукнула пустой кружкой о стойку, прерывая верноподданнические славословия в адрес герцога. – Поеду-ка я к твоему зятю на постоянный двор ... где он, говоришь, находится? Ага, понятно... Чудненько. А ты, уж не сочти за труд, если спрашивать местные будут, скажи, что я маг. И если нужда возникнет в чём-нибудь посерьёзней, чем подзарядка светильников, пусть смело обращаются. Мне работа нужна. Вашему местному магу я не конкурент, пусть не боится и не обижается. Я к нему как-нибудь в гости загляну, объясню, что хлеб у него отбивать не намерена.

– Скажу, мэора, конечно, меня ж всё одно про вас спрашивать будут, – ухмыльнулся хозяин. – У нас народец не то чтоб сильно любопытный, но интересоваться будут всенепременно.

– Кстати, я – драконий маг. Слышал о таких?

– Ох ты ж!.. Богини всемилостивые!.. – выпучил глаза хозяин. – Неужто из самого Драконьего Ордена, которому наш король покровительствует?.. Так вы, мэора Айнура, выходит, боевой маг?

– И боевой тоже, – улыбнулась она уголком рта. – У таких, как я, талантов много, а существуем мы для того, чтобы помогать людям. Это наш девиз!

Сахарный и белый. Аж зубы слипаются от сладости.

– Мы берём с людей посильную плату, остальное Ордену платит король. Мы, драконьи маги, призваны уничтожать зло и враждебную людям нечисть. Этим и занимаемся, как завещали нам Ушедшие Драконы.

Слезу, что ли, пустить?.. От большого умиления. Однако же язвы не язвы, а Драконий Орден – прикрытие неплохое. Да и нужная для этого мира сила. Человеческих магов надо учить пользоваться собственной магией, иначе эти неосторожные глупцы сами не заметят, как раскачают мир. Нарушат Равновесие, да так, что никакие драконы не помогут спасти Акротос, даже если вдруг появятся здесь в изрядном количестве. Этот мир и пятерых драконов разом уже не выдержит. Вот одного – можно... если осторожно.

Уже существует три так называемых Драконьих Академии под патронажем Ордена, а

постепенно их станет больше. Обязательный минимум для обучения – пять лет, всё это время обучение бесплатное. Для желающих и дальше совершенствоваться в магических искусствах, но не имеющих возможности платить за обучение предусмотрены так называемые королевские контракты: выпускник Драконьей Академии обязуется пять лет отработать на благо королевства там, куда его отправят.

Впрочем, на Аэданире существовало примерно полтора десятка Магических Школ, также занимавшихся обучением детей, имеющих магические способности, и где точно так же предлагали королевские контракты тем, кто не мог оплатить обучение. Ибо по закону, принятому ещё несколько столетий назад, все, в ком проснулся магический дар, обязаны научиться контролировать свои магические силы – под руководством наставника-мага. Пять лет обязательного бесплатного обучения (готовившего слабеньких знахарей и ?бытовиков?) и пять лет платного, но уже добровольного. Закон этот действовал в каждом из человеческих королевств Аэданира и за его соблюдением строго следили: необученный маг представлял собой нешуточную опасность для окружающих.

Главное отличие Драконьих Академий было в том, что там юных магов обучали не просто владению магией, но умению видеть и чувствовать силовые линии, которыми пронизан мир. Человеческие маги, особенно в прошлом, часто рвали магическую оболочку мира, ибо не умели по-другому брать энергию для заклинаний. Только грубо и насильно, спутывая нити, вырывая клочья силы, оставляя зияющие прорехи, которые затягивались с большим трудом. Это также вело к нарушению всемирного Равновесия, угрожало Акротосу нестабильностью и катастрофами. А уж если присовокупить к этому такие милые человеческие качества, как зависть, склочность, воинственность, неумение жить в ладу с теми, кто хоть немного от них отличался или, упасите выдуманные богини, в чём-то превосходил... получалось совсем невесело.

Выпускники Драконьих Академий хотя бы умели не вредить миру, а некоторые, наиболее способные, даже становились членами Ордена и приносили пользу в меру своих сил. Айриэннис знала пятерых человеческих магов, которые научились ?лечить мир? почти так же эффективно, как эльфы, и это было настоящим чудом. Давало Акротосу надежду на то, что он останется уютным для жизни местом, а не превратится через несколько тысячелетий в жуткое место, где все воюют со всеми – в мир без магии, в мир внутренней пустоты...

– Хорошо, папаша Брэддор, значит, договорились? Если узнаешь, что где-то есть для меня работёнка – сообщи. А это – в качестве моей ответной услуги!

Айриэ могла сделать всё необходимое, не пошевелив и бровью, однако для пускания пыли в глаза вызвала несколько безвредных искорок и заставила их покружиться под потолком таверны, а потом потрещать и исчезнуть. Вместе с назойливыми мухами.

– Ик... что это?.. – икнул напуганный хозяин, едва удержавшись от того, чтобы не спрятаться под стойкой.

– Я тебя от мух избавила, – мило улыбнулась магесса, кладя на стойку пару серебряных ?коронок?. – Можешь не благодарить, я в любом случае собираюсь сюда вернуться. Без мух у тебя будет уютнее.

– Аг-га! – с усилием подтвердил Брэддор, снова почёсывая лысину. Без мухи. И вдруг широко ухмыльнулся: – А я вам всё равно спасибо скажу, мэора Айнура! И с меня гномье пиво, когда придёте.

– Идёт! Кстати, чтоб ты знал, заклинание действует пару месяцев, а к тому времени уже

похолодает, мухи в спячку впадут.

Уходя, Айриэ поймала внимательные взгляды купцов, явно прикидывавших, а не может ли им пригодиться неожиданно объявившийся в деревне маг. Может, клиенты у неё скоро появятся, это было бы кстати. Нет, на самом деле Айриэ в деньгах не нуждалась. Она представила себе лица кое-кого из Гномьего банка при известии о том, что их давняя клиентка собирается зарабатывать себе на жизнь ?заговариванием курей от мора? – и проглотила короткий смешок. Но дело в том, что ей требовалось вести себя как обычный маг из Драконьего Ордена. Пусть их мало, пусть их обычаев никто толком не знает, пусть о них ходят разнообразнейшие слухи (изрядную долю которых Айриэ сама же и запустила) – но слухам надо соответствовать. Если она отправится к тем же гномам и возьмёт денег на текущие расходы, об этом может узнать кто не надо. И насторожится, а зачем нам это? Пусть лучше она выглядит этакой идеалисткой с авантюрным уклоном, как и весь Драконий Орден. Мол, мы – существа относительно безобидные, никому не мешаем, за большой выгодой не гонимся, работаем за гроши, в большую политику не лезем, надеемся сделать мир лучше.

На случай нужды в деньгах у Айриэннис в поясе были защиты пара десятков золотых монет, а пояс, разумеется, качественно заколдован от воровства. В общем, стоять у Лунного храма с протянутой рукой ей точно не грозило, но всё равно, лучше создать видимость легального заработка. Маги имели право заниматься своей профессиональной деятельностью в любом королевстве Аэданира, однако простые маги обязаны были отчислять некий ежегодный сбор в казну того государства, где они практиковали. Иное дело – драконьи маги. Они были освобождены от любых налогов, кроме разве что пошлины за въезд в тот или иной город. Им традиционно покровительствует корона, зато и отказаться от выполнения королевской просьбы иной раз бывает почти невозможно. Дабы не обострять отношений. Впрочем, юнгиродский король давно приучен к тому, что грязными делишками Орден не занимается, но вот если всё в рамках закона... Эта просьба была таковой, вдобавок совпала с целями самого Ордена и её, Айриэннис, в частности. ?Узел? существовал на самом деле, и навис он над территорией герцогства Файханас. В причинах его возникновения ещё следовало разобраться и проверить, виновно ли в этом недавнее покушение на короля или что иное. И как с этим связан род Файханасов.

На первый взгляд, всё было ясно. Очередного человека одолел очередной приступ жажды власти. Правда, в Юнгироде уже больше трёх веков не случалось насильственной смены династии – Доронниры правили в достаточной степени мудро, чтобы не нарваться на острое недовольство подданных. А заговорщиков, как правило, удавалось вычислить вовремя. Помимо земель, входивших в королевский домен, территория Юнгирода делилась на три относительно самостоятельных герцогства – Файханас, Сэйбаон и Торбиан, тем не менее подчинявшихся короне. В Юнгироде понимали, что лучше уж оставаться пусть небольшим, но зато независимым королевством, чем разбежаться на три отдельных герцогства, которые скорее рано, чем поздно, будут поглощены соседями – Дилианией или Лиандрией.

У короля Кайнира II пока не было наследников. Если бы покушение было успешным и король умер, в стране началась бы грызня за власть между тремя герцогскими родами. Или, возможно, не началась – если тот, кто готовил покушение, заодно хорошо продумал свои дальнейшие действия и успел бы вовремя взять власть в королевстве. Зная людей, впрочем, Айриэннис не была бы так в этом уверена, если припомнить иные, нелепые до абсурдности

покушения из других времён и эпох. Но, как бы то ни было, почти все из рода Файханасов тогда находились в столице, Юнгире, как и большинство местной знати. Покушение пришлось на празднование Начала Лета – горячее, шальное, суматошное времечко, когда все безудержно веселятся, а королевский дворец переполнен гостями, прибывшими на Большой Летний Бал.

Потом ищейки короля старательно пытались найти виновника покушения, но слабые, практически уничтоженные следы вроде бы вели и к Сэйбаонам, и к Торбианам, и к Файханасам, особенно к последним. Тем не менее, чётких доказательств причастности Файханасов к покушению не нашли, а довольствоваться подозрениями Кайнир не желал. Быть может, потому что до сих пор верил человеку, который в юности заменил ему отца – герцогу Рольниру Файханасу. В общем, король обратился за помощью в расследовании покушения к Ордену и весьма настоятельно рекомендовал представить ему веские доказательства вины герцога. Бude таковые отыщутся. Всё следовало держать в строжайшей тайне, дабы сам герцог даже не понял, что оказался под подозрением.

Для себя вопрос с виновностью Файханасов Айриэ уже решила. Скорее всего, ?узел? образовался именно поэтому. Чаша переполнилась, так сказать. В конце концов, измена никогда и нигде не считалась благим деянием, а Равновесие она сильно нарушала. Ещё сильнее нарушал его имевший какое-то отношение к герцогам маг, использовавший то грязное, очень грязное заклинание, едва не стоившее жизни Кайниру. Не будь Айриэннис связана данным королём обещанием, она бы всё выяснила за декаду. Если бы понадобилось, вырвала правду силой, уж ей бы подозрений хватило, чтобы начать действовать. Хотя некоторую осторожность следовало соблюдать, иначе это приведёт к нарушению Равновесия уже ею самой, что чревато катастрофой. Что же, будем искать потребованные королём доказательства, корррявое Равновесие!..

Подходя к навесу, где стоял её конь, Айриэ услышала дикий вопль. В два прыжка достигнув коновязи, магесса увидела скорчившегося мальчишку – того самого, кому поручила заботу о своём саврасом. Мальчишка увидел её и в ужасе отпрянул. Он побелел как кусок творога; в широко распахнутых глазах стояли слёзы, но плакать не решался, слишком был напуган. Правую руку он прятал за спину и кусал губы от боли.

– Та-ак, – зловеще протянула Айриэ, мгновенно оценив обстановку. – Ты, бестолочь мелкая, разве не знаешь, что вещи магов без спросу трогать нельзя?

Мальчишка отчаянно замотал головой, потом закивал; пыльные, слипшиеся от пота сосульками волосы летали туда-сюда в такт судорожным движениям той части тела, которой положено думать.

– Куда ты полез? – мрачно поинтересовалась магесса. – В сумку?

– Н-нет, мэора, – сипло выдавил из себя мальчишка. – Посох тронул. Дракон... он такой красивый... Я... я его коснулся, а он огнём плю-у-унул... руку обжёг...

Любитель прекрасного нашёлся, чтоб тебя приподняло и шлёпнуло! Он не удержался и всхлипнул, но тут же до крови прикусил губу, со страхом глядя на магессу и ожидая неминуемой кары. Да уж, разъярённый маг может сгоряча и в зайчика превратить, а то и вовсе в слизня какого.

– А ну, смотри мне в глаза! – приказала Айриэ. – Ты точно только хотел посмотреть посох? Не воровать полез, а?

Смаргивая слёзы с ресниц, он уставился прямо в глаза и упрямо заявил:

– Я посмотреть дракона... Я не вор!..

Мальчишка не врал. Его счастье, не то остаться бы ему с ожогами и, возможно, с искалеченной рукой. Воровства Айриэ крепко не любила и потакать вора не собиралась.

– Руку покажи, – уже миролюбиво велела она. – Да показывай, не бойся. Вылечу я тебя.

На ладони вздулись огромные волдыри, пальцы мальчишки тоже покраснели. Да уж, не буди спящего дракона... Целительство никогда не было её сильной стороной, даже когда Айриэннис была доступна

вся

её магия, а не жалкие крохи, как сейчас. Но ожоги от собственного огня лечить намного проще. Айриэ просто

попросила

забрать назад причинённый вред и осторожно подула на обожжённую ладонь.

– Ну вот и всё, – заявила она довольно.

Мальчишка, вытаращив глаза, уставился на свою неповреждённую руку и, кажется, даже забыл, что нужно дышать. Хмыкнув, Айриэ достала из кошелька серебряную ?коронку? и вручила мальчишке.

– Н-но... мэора маг... за что же? Ведь я же...

– За работу, – серьёзно сказала она. – Ты коня моего накормил и напоил, вижу. Иначе мой красавец тут бы уже всё разнёс в ярости. Так что монету ты заработал честно, держи. И, надеюсь, урок ты запомнишь: вещи мага без спросу не трогают. Никогда.

Мальчишка с жаром закивал, зажав монету в кулаке, и утёрся рукавом рубахи, размазав грязь по улыбающейся физиономии. ГЛАВА 2

Постоялый двор и впрямь оказался неплох, Айриэ понравилось. Чистое, относительно новое здание из светлого дерева, уютные номера, окна застеклены дорогими, зачарованными на прочность стёклами и украшены простенькими, но приятными глазу занавесками. Всё мило, просто и по-домашнему. И кормили вполне прилично: Тайра, весёлая кареглазая дочка папаши Брэддора, частенько сама становилась к плите, а готовить она умела и любила, как выяснилось из её же слов и подтвердилось опытным путём. Её муж Гриллод, добродушный великан с копной рыжеватых волос и гулким басом, обожал и свою жёнушку, и двоих отпрысков, и постоялый двор, в который вкладывал душу.

Первый клиент Айриэ нашёлся в тот же вечер. Один из купцов, которого магесса заметила в таверне, действительно надумал обратиться с просьбой. Жил он на том же постоялом дворе и, явившись, не стал ходить вокруг да около, а прямо за ужином подсел за столик Айриэ и попросил найти вора. Купец подозревал кого-то из своих семерых охранников в том, что они потихоньку таскают товары из повозок и продают их налево. Дело оказалось простейшим, а вором – племянничек купца, которого дядюшка никогда бы не заподозрил. Парень, как выяснилось, любил азартные игры, но азартные игры не любили его. Он часто проигрывал, а денежки, выдаваемые дядей на карманные расходы, чересчур быстро иссякали. Айриэннис, смешно сказать, даже к магии не пришлось обращаться. Племянничек сам себя выдал страхом и бегущими глазками, когда понял, кого именно нанял дядя для расследования пропажи товаров. Весьма недовольный исходом дела купец, тем не менее, честно заплатил обещанную золотую ?корону?, вздохнул и пошёл учить племянничка уму-разуму. Наутро тот щеголял фингалом под глазом и уныло почёсывал спину, по которой прошла дядюшкина плеть.

Как и собиралась, Айриэ на другой день выспросила, где обитает местный маг, и отправилась с визитом вежливости, благо предлог был хороший. Маг жил и столовался в

Кайдарaxe, у одинокой, нестарой ещё вдовы, которая явно смотрела на постояльца как на свою собственность и рьяно, как наседка, готова была защищать от посягательств. Статная, крепкая, как наливное яблочко, вдовица враждебно уставилась на завернувшую во двор магессу, десятым нюхом учуяв угрозу для своего обожаемого подопечного. А то и для себя лично.

– Отдыхает мэор Мирниас, – угрюмо пробурчала она. – Позже зайдите.

?А лучше и вовсе никогда?, – явственно читалось во взгляде. Айриэ так легко отступить не собиралась.

– Да ведь уже давно за полдень, – невинно заметила она. – Пора бы мэору и проснуться... если не хочет обед пропустить.

– Не пропустит, уж я всегда мэора накормлю, в любое время, когда ему будет угодно, – заверила вдова и набычилась ещё больше. Даже засопела угрожающе.

– Вот что, уважаемая, давайте-ка, ступайте к мэору Мирниасу и скажите, что я желаю его видеть, – непререкаемым тоном заявила Айриэ, которой надоело быть объектом вдовой ревности.

Послушалась как миленькая, куда бы она делась. Маг появился минут через десять – тощий, высоченный, заспанный и отчаянно зевающий. Светло-русые волосы были мокрыми и висели сосульками – видно, маг пытался проснуться с помощью холодной воды, но не слишком успешно. Маг был до неприличия молод, лет двадцати с небольшим, и выглядел совершенно безобидным. Что отнюдь не заставило Айриэ снять с него подозрения – внешность ещё ни о чём не говорит.

– Вы хо-о-о-тели меня видеть? – зевнул маг, пытаясь сфокусировать взгляд на визитёрше. – Простите, не выспался, поздно лёг... то есть скорее рано.

– Колдовать много пришлось? – сочувственно осведомилась Айриэ.

– Вроде того, – пробормотал маг и содрогнулся, бросив затравленный взгляд на курятник, в котором скрылась вдовица. – Я Мирниас Сидейон. У вас ко мне какое-то дело, мэора?

– Позвольте представиться, мэор Мирниас, я ваша коллега. Меня зовут Айнура.

И показала левую руку с перстнем, надетым ради этого визита. Перстень был серебряным, с изображением такой же головы дракона, как на иллюзорном посохе. Посох был откровенно бутафорским, члены Ордена таскали эту орясину исключительно для того, чтобы производить впечатление на окружающих. Как очень заметный отличительный знак – принадлежности к избранным, ха! Айриэ же, благо таланты позволяли, нагло ограничивалась иллюзией. А перстень был артефактным: являлся накопителем магической энергии плюс был способен выдать три огненных плевка. Иногда в критической ситуации это здорово выручало. У странствующих магов жизнь беспокойная...

Перстенёк парню явно был знаком. Он разом проснулся и взглянул на посетительницу с куда большим уважением.

– Так вы – из Драконьего Ордена? Редкая гостья для нашего захолустья.

– Везде люди живут, – пожалала плечами Айриэ. – А где есть люди, часто заводится опасная нечисть. И в самом глухом захолустье порой встречаются такие монстры, что волосы дыбом встают.

– Ну, это не про наше сонное болотце, – пренебрежительно махнул рукой парень и вежливо пригласил гостью в свои комнаты.

У мага имелась крохотная гостиная, она же рабочий кабинет, а позади виднелась дверка

– очевидно, ведущая в спальню. Обычная сельская комнатка с простой деревянной мебелью и пёстрыми плетёными половичками на полу. Кое-где на стенах висели пучки трав, старательно служа пылесборниками; на столе валялись разбросанные труды по магии, бумаги и гномья чернильная ручка-самописка, также покрытые тонким слоем пыли. Было заметно, что к ним редко прикасаются – очевидно, излишней склонностью к занятиям науками Мирниас не страдал.

– Прошу вас, устраивайтесь, мэора Айнура, – указал маг на стул и чуть смущённо извинился: – Прошу прощения за обстановку, у нас тут всё очень просто, без изысков.

– Ну что вы, мэор, пустяки, я привыкла во время своей бродячей жизни довольствоваться малым, – слегка усмехнулась Айриэ. – У вас же здесь вполне уютно.

Мирниас скривился, будто от зубной боли.

– Ох уж этот мне деревенский уют, – пробормотал он. – Мэора, желаете чего-нибудь выпить?

– Нет, благодарю вас. Собственно, я только зашла познакомиться и заверить вас, что не намерена перебегать вам дорогу и отнимать ваших клиентов. Я собираюсь задержаться в Кайдарахе на какое-то время и поработать здесь по специальности.

Мирниас выдавил горький смешок:

– Мэора Айнура, прошу вас, не надо издеваться. Я же понимаю, кто я – и кто вы. В ваш Орден берут только сильных магов. А я... что там скрывать, я – середнячок, если не сказать хуже. Моих способностей хватает только на то, чтобы осчастливливать крестьян бытовыми заклинаньями.

– Вы здесь по королевскому контракту?

– Да. Мне ещё четыре года отрабатывать. – В его голосе явственно слышалась тоска. – Мне кажется, я с ума сойду, если ещё раз услышу ?про курей и поросей?, которых надо заговаривать от болезней и прочих напастей.

– Хм, свинки здесь знатные, было бы жаль, если бы с ними случилась неприятность. Копчёная свинина – достояние Файханаса. Вы должны радоваться, что помогаете его сохранять, – невинно улыбнулась магесса.

– Всё-таки издеваетесь... Ну что ж, имеете право. Вы – сильный маг, так посмейтесь над жалким неудачником. – На щеках парня вспыхнули красные пятна.

– Ну-ну, не кипятитесь, молодой человек! Я просто пошутила, – примирительно сказала Айриэ. – Я не собиралась вас задевать. Не мне вам рассказывать, что вы делаете нужное дело. И в любом случае, вы отрабатываете королевский контракт. По собственному, кстати, желанию: сомневаюсь, что кто-то заставлял вас продолжать учёбу. Сами решили, сами теперь и долги отдавайте. Как взрослый человек, а не...

?...разнюнившийся мальчишка?, – мысленно окончила она фразу, но вслух произносить не стала. И так он уже волчком смотрит. Она действительно не собиралась портить отношения с... хм, коллегой, но выслушивать нытьё ленивого юнца?! Корявое Равновесие! Будто не знал, на что идёт, подписывая контракт. Надеялся на тёплое местечко, а его ?сослали? в деревню и теперь мальчик зол на весь мир? Тогда как виновник его нынешнего положения один-единственный: в зеркале может увидеть, когда туда заглянет. Кто этому юнцу мешает заниматься, а? Книги есть, времени в деревне навалом. Между прочим, даже изначально слабенькие человеческие маги могут развить собственный дар, если будут усердно тренироваться. Существует комплекс специальных упражнений на развитие магического резерва. Чем больше резерв, тем сильнее маг. Да, долго и нудно, да, тяжело и

выматывающе, но если тебя не устраивает нынешнее положение – трудись. Ныть всякий дурак умеет, дурное дело нехитрое.

Разумеется, всё это могло быть маской, скрывающей под собой опасного противника. Где-то же был тот маг, что изготовил проклятый амулет, едва не сгубивший юнгиродского короля. Если маг желает скрыть свою силу, её величину никак не определишь. Судить можно только по творимым магом заклинаниям. Но, по правде говоря, Айриэннис слабо верилось, что этот безобидный нытик может представлять опасность. Скорее всего, он тот, кто есть на самом деле: не очень сильный и довольно-таки ленивый маг, не желающий работать над собой, чтобы добиться большего.

– Вы, мэор Мирниас, за какие дела обычно берётесь? – вежливо поинтересовалась Айриэ, пояснив: – Я к тому спрашиваю, чтобы, действительно, вам ненароком дорогу не перебежать. А то невежливо как-то получится.

– А, чем хотите, тем и занимайтесь, – угрюмо отмахнулся ?коллега?. – Не мне, жалкому неумёхе, обижаться.

– Прекратите! – не сдержалась Айриэ. – К чему это самоуничижение? Я через какое-то время уеду, а вы как выполняли ваши обязанности, так и дальше будете. Хозяин таверны, к слову, вас хвалил. Я так понимаю, вы – неплохой артефактор?

Мирниас неопределённо пожал плечами.

– Ну, накладывать на предметы ?бытовые? заклинания у меня вроде бы неплохо получается... но это же ерунда! Подумаешь, великое умение, – кисло сказал он.

– А вам что, подвигов захотелось? – насмешливо хмыкнула Айриэ.

– Силёнок не хватит, – криво улыбнулся молодой маг. Глаза его были тоскливыми.

– А что, вам кто-то мешает тренироваться? Многочисленные обязанности, быть может? Отсутствие нужных знаний? Так читать, я думаю, вы всё-таки обучены. А нужные знания – вон там, третья книга сверху. Труд магистра Лоннира. Дерзайте.

Небрежно кивнув на прощание, Айриэннис удалилась. Скорее всего, этот парень не тот, кого она ищет, но окончательно снимать подозрения с него пока рано. О другом маге в здешних краях никто пока не говорил, но это не значит, что его нет. Надо осторожно поспрашивать местных, вдруг кто-нибудь что-то слышал.

Поспрашивать крестьян под видом поиска заработка не получилось. Через пару домов от обиталища мага Айриэ столкнулась с давешним менестрелем. Молодой красавчик рассиялся так, будто с ним произошло нечто на редкость прекрасное.

– Мэора магесса! Счастлив, что встретил вас. Позвольте составить вам компанию?

– Ну составляйте, – милостиво разрешила Айриэ, оглядывая миленького барашка с бронзовыми кудряшками. – Мэор Тианор, если не ошибаюсь?

– Тианориннир, если быть точным, – учтиво поклонился менестрель, придерживая висевшую за плечом лютню. – Тианор – это по-человечески, дабы не заставлять окружающих испытывать сложности с запоминанием и произношением эльфийского имени. Но вы можете звать меня как вам будет угодно, прекрасная мэора.

На ?прекрасную? Айриэ скептически хмыкнула и вздёрнула левую бровь, ожидая продолжения.

– Мэора Айнур, я слышал, вы принадлежите к некоему весьма интересному ордену? – вкрадчиво осведомился менестрель.

– Вести в деревне разносятся быстро, – заметила Айриэ. – Имя и род занятий вам уже известны. Цель приезда ещё не выяснили?..

– Только если вы сами пожелаете о ней поведать, – мурлыкнул Тианориннир, интимно склоняясь к уху магессы и щекоча шею своим горячим дыханием. – Можно только мне и на ушко... я никому вас не выдам... ни единой деревенской кумушке...

Вот правильно эльфы стараются плодить как можно меньше подобных полукровок. Ни то ни сё – ни человек, ни эльф, а не пойми бери что получилось. Чистокровный эльф давно бы уже изложил суть дела вместо плетения словесных кружев и сладострастного сопения в ухо, а это дитяtko поразвлечься решило. Дурачится, разумеется, только с какой целью? Человеческое чувство юмора не вовремя разыграло или ещё что?

Эльфа магесса спросила бы прямо, что ему удалось выяснить касаясь ?узла? и причин его возникновения. Человека она бы живенько поставила на место и разом отучила бы от дурной привычки флиртовать, когда собеседница явно не расположена выслушивать ненужные глупости. А с этим недоразумением что прикажете делать? Не обращать внимания и ждать, пока ему надоест резвиться. Тоже тактика. В конце концов, она же не девственница нещупаная, чтобы шарахаться прочь.

Айриэ всего лишь позволила себе чуть заметно поморщиться, обозначив таким образом своё неодобрение. Реакция, к её некоторому удивлению, последовала незамедлительно:

– Насколько я понимаю, вам не нравится моя маска? О, как интересно!.. – хлопнул глазками барашек. Ресницы – чёрные, длинные, густые, чуть загибающиеся кверху – порхали бабочками. А взгляд был совсем не дурашливый – внимательный такой, умный. – Но вы же почему-то подумали, что мне понравится ваша. Отвечаю любезностью на любезность, только и всего.

– А кто вам, мой милый юноша, дал полномочия смотреть
сквозь

мою маску? – приподняла брови магесса.

– Ведь я же наполовину эльф. – На его щеке появилась очаровательная ямочка. – Видеть
сквозь иллюзии – мой дар...ну или проклятие, как посмотреть.

Мальчику придётся огорчиться... и свыкнуться с мыслью, что бывают такие иллюзии, которые окажутся ему не по зубам. Вслух Айриэ этого не сказала, но он и так, похоже, понял.

Выводил её из себя намеренно, дабы посмотреть, даст ли маска трещину. Да вот досада, не вывел... Но и незаметно, чтобы сильно огорчился по сему поводу.

Наверняка увлекательная беседа продолжилась бы, но их довольно-таки бесцеремонно прервали. По соседнему проулку с гиканьем и свистом промчались несколько всадников на породистых скакунах. Промчались, распугивая кур и свиней, разбрызгивая грязь, с чавканьем летевшую из-под копыт. Вылетев на мощёную центральную улицу всадники, скорее всего, повернули бы к замку, но предводитель, щегольски одетый юноша в тёмно-синем бархатном берете, заметил менестреля и резко осадил коня, безжалостно дёрнув поводья.

– Любезный Тианориннир, – чуть манерно растягивая слова, заговорил юноша, милостиво кивнув в ответ на поклон менестреля. – Надеюсь видеть вас в замке сегодня вечером. Мы с друзьями устраиваем вечеринку.

Юноша, как и его конь, был породистым, очень. Файханас, вне всякого сомнения. Семейный высокий лоб и ястребиный нос, глаза небесной голубизны и подвитые русые волосы, решительно выдвинутый вперёд подбородок. Похож на старого герцога, которого Айриэ видеть доводилось, правда, не в её нынешнем образе, так что узнавание магессе никоим образом не грозило. Юношу её особа не заинтересовала совсем: скользнул

безразличным взглядом, наверняка посчитав заурядной наёмницей, не стоящей его высочайшего внимания. Это Айриэ устроило как нельзя более: привлекать внимание кого-то из Файханасов всё-таки следовало своими профессиональными качествами, а не нынешними весьма скромными внешними данными. Эх, ей бы какое-нибудь громкое деяние совершить... Неужели не найдётся в герцогских владениях подходящей нежити, которую следовало бы ликвидировать? При таком-то маге здесь что угодно могло завестись, от кладбищенских гулей до личей.

– Мэор, это будет честь для меня, – вновь поклонился менестрель. – Я с величайшим удовольствием спою и сыграю для вас и ваших уважаемых друзей.

Друзья одарили менестреля одобрительными репликами, и группка молодёжи умчалась к замку, поднимая по дороге клубы пыли: прошедший ночью грозовой ливень смочил землю, но исправно греющее солнце уже успело всё качественно подсушить.

– Наследник его светлости, мэор Орминд, – пояснил менестрель, подтверждая догадку Айриэ.

– Я так и поняла. Будете улаживать слух молодёжи? Хорошее дело.

Менестрель неопределённо пожал плечами и вдруг предложил:

– Мэора Айнур, хотите, представлю вас сыну герцога? Ведь вы – маг-наёмник, я правильно понимаю? То есть, как и всякий член вашего Ордена, оказываете магические услуги там, где это потребуется. Его светлость мог бы заплатить больше, чем жители этой деревни. Думаю, работа в замке для вас найдётся.

Хм, а мальчик-то произнёс это с таким нарочитым подтекстом, особенно последнюю фразу, что просто нельзя было не обратить внимания. Интересно, что он имеет в виду? Намекает, что в замке что-то нечисто и следует проверить лично? Так проверим, дайте срок.

– Благодарю за любезное предложение, мэор Тианориннир, но пока я им не воспользуюсь. Мне хочется поработать в округе, на свободе. Мы, драконьи маги – вольные птицы, за большими заработками не гонимся. Если мои услуги понадобятся его светлости, думаю, мне дадут это понять. А навязываться мне бы не хотелось.

– Ваше право, мэора, – улыбнулся полукровка. Раздосадованным он не выглядел.

– Кстати, а что, мэор, разве у герцогов в замке нет собственного мага?

– Насколько мне известно, нет. Говорят, года три назад прежний маг умер – несчастный случай. С тех пор собственного мага в Файханас-Маноре не держат. Мелкие магические услуги оказывают приезжие маги-наёмники либо же контрактник, мэор Мирниас. Он проживает здесь, в Кайдарахе.

– Да, с ним мы уже познакомились. Хм, несчастный случай, говорите?

– Так ведь сложно назвать счастливой случайностью то, что вами закусывает голодный упырь, – заметил менестрель. – А с прежним герцогским семейным магом именно это и произошло. Так говорят, меня самого здесь тогда не было.

– Возможно, маг был слабый, – предположила Айриэ.

– Возможно, – не стал спорить Тианориннир, – хотя зачем бы герцоги держали десять лет в качестве семейного мага неумёху и слабака? Ведь в столице они легко могли нанять первоклассного специалиста. Впрочем, как я уже сказал, я об этом знаю с чужих слов. Если вас интересует погибший маг, спрашивайте у очевидцев, мэора Айнур. А вас я приглашаю завтра вечером в ?Свиную голову?. Сегодня я выступаю в Файханас-Маноре, но завтра буду развлекать местных в таверне. Надеюсь, мэора, вы не откажетесь послушать мою игру?

Ресницы вновь затрепетали, тёмно-янтарные глаза смотрели пылко и вместе с тем

чуточку насмешливо. Айриэ усмехнулась в ответ:

– Не откажусь. Думаю, я в любом случае неплохо проведу время. Пиво у папаши Брэйдора отличное.

Пел менестрель хорошо. Пожалуй, даже слишком хорошо для человеческой деревеньки Кайдарах, чьи жители, привыкшие к музычке попроще, едва ли могли в должной мере оценить мастерство Тианориннира. Тем не менее, полуэльф выкладывался на все сто – наверное, как и его эльфийские родичи, просто не мог лгать песней. Айриэннис искренне наслаждалась красотой его игры и пения, когда он изредка исполнял эльфийские баллады. Когда, чтобы порадовать собравшуюся публику, он переходил к привычным для крестьян человеческим плясовым и частушкам, просто переключалась на потребление гномьего светлого пива, хотя честно отдавала должное мастерству менестреля. Айриэ подозревала, что сегодня в таверне звучало непривычно много эльфийских песен, что косвенно подтвердило удивление папаши Брэйдора по поводу репертуара Тианора. Что ж, она ничего не имеет против такого знака внимания со стороны полуэльфа. Услаждает слух.

Через какое-то время менестрель сделал перерыв, спеша промочить натруженное горло поднесённым пивом. К столику Айриэ подошёл кто-то из местных и пробасил:

– Мэора колдунья дозволит присесть?

Крестьянин выглядел внушительно и добротнo. Средних лет, круглолицый, с румянцем во всю щёку, коротко стриженный и начинающий седеть. Рубаха с вышитым воротом из тонкого полотна и щегольской пояс тиснёной кожи говорили о достатке и солидности. Скорее всего, хозяин одной из кайдарахских ферм.

Айриэ согласно кивнула и уточнила:

– Я – маг. Магесса, если угодно. – Именоваться ?колдуньей? ей не нравилось.

– Прощения просим, мэора маг, – поправился крестьянин. – Меня Нарвасом звать. Слыхал я, что мэора работу ищет по своей, колду... магической части?

Нарвас смотрел с хитрецей и вместе с тем несколько смущённо, будто заранее опасался, что ему откажут.

– А у вас есть что мне предложить, брай Нарвас?

– Да вроде как, – с некоторым сомнением отозвался потенциальный клиент, явно не уверенный в том, что ему стоит излагать свою проблему заезжей магессе. Потом крикнул, решил и подозвал подавальщицу. – Дозволите вас пивком угостить, мэора?

– Благодарю, мне хватит. – Айриэ болтнула остатками пива в кружке. Она действительно не любила выпивать больше двух кружек подряд.

– Ну как знаете, мэора маг, а я выпью... Да, так вот, дело-то моё вроде как простое, но... нечистое. Вы только не гневайтесь прежде времени, мэора маг, выслушайте, сделайте милость. А то я наемднн мэору Мирниасу было заикнулся, так он меня к свиням собачьим послал.

Айриэ насмешливо фыркнула, но заверила фермера, что непременно выслушает и гневаться не станет. Несколько успокоенный Нарвас продолжил:

– Я, мэора, как многие у нас, свинок держу и скажу не хвалясь, дело идёт отлично. Ферму я от отца унаследовал, да сам сложа руки никогда не сидел, вот и водится в карманах серебро, да и не только оно. – Нарвас многозначительно посмотрел на магессу, давая понять, что клиент он платёжеспособный. – Есть у меня преотменный хряк-производитель, рыжий, породистый, хороших кровей. За поросятами от него люди в очередь выстраиваются. Держу я его в отдельном сарайчике, на окнах там решётки, на дверях замок – самолично каждый

вечер запираю. Не то чтоб у нас воровство часто случалось, его светлость герцог за порядком следит и простой люд защищает. Но всё ж-таки и самому надо голову на плечах иметь, а на дверях – запоры крепкие, тогда и порядок будет. – Он отхлебнул пива, утёр ладонью мокрые губы и продолжил: – То есть я к тому веду, что к хряку ночью никто попасть не мог, решётки и замки целые. Но эдак с декаду назад прихожу это я утром дверь отпереть да хряка в загон выпустить и вдруг вижу: рыжий мой забился в дальний угол, дрожит и выходить отказывается, а на соломенной подстилке венок невестин лежит. Девки на выданье у нас такие плетут, непременно из белых цветов, да в праздник Начала Лета на женихов гадают, в воду венки бросают. Пригляделся я, значит, к венку, а он не простой: цветы хоть и белые, да невиданные, таких у нас не сыскать. Колокольцы на тонюсеньких стеблях, каждую жилку на просвет видать. Да вдобавок мокрые они, будто только-только из воды выловленные, и бледной зеленью отливают, тиной да тленом пахнут. Собака со мной была, так она было в дверь сунулась, да вдруг отпрянула, завывла коротко, хвост поджала и удрала прочь. А хряк ни в какую не выходил из сараюхи, пока я венки убрать не приказал. И не иначе как сами Лунные богини-то меня надоумили приказать, чтоб венки тот не руками, а палкой подцепили, унесли со двора да сожгли вместе с палкой. Я, правда, на нечисть тогда не думал, просто порчи опасался.

Айриэ вопросительно приподняла брови, честно стараясь скрыть насмешливые огоньки в глазах. Порча, которую попытались наложить на элитного хряка, впечатляла... масштабами злодейства. О, пасторальная жизнь!.. Магесса умиленно вздохнула. Нарвас пояснил:

– Мало ли, кому и где я дорожку перешёл. Люди-то разные бывают. Откуда ж мне знать, может, кто чёрным колдовством балуется, да и решил вот мне гадость сделать... Нет, мэора, я ни на кого рукой указать не могу, но венки-то в запёртом сарае не сами появились. Да не единожды, а три ночи подряд! Потом стихло всё, а может, потому, что я батракам приказал караулить ночью по очереди возле сараюхи. Три ночи они просидели, всё тихо было, и я велел бросить это – подумал, что надоело тому шутнику веселуху устраивать. Да и не подействовала порча ни на кого. Может, потому, что хватило у меня ума подброшенного венка не касаться и своим не позволять. Он, мэора, прям тошноту вызывал, до дрожи его не хотелось трогать. Грязный он будто, венки этот, да тленом попахивает, как... как с утопленницы снят или навроде того.

– А потом что? – поторопила Айриэ фермера, увлёкшегося описанием своих переживаний.

– А потом – хуже стало, мэора, – угрюмо ответил Нарвас. – Как только караульных убрали, в сарае браслет невестин появился. Из речного жемчуга, самого простенького, у нас такой невесте на свадьбу одевать положено, а после – когда первенец на свет появляется, да при именовании каждого из детей в Лунном храме. И браслет этот тоже мокрый был, сохнуть не желал, а уж воняло от него – будто точно с разложившегося трупа снят.

Крестьянина передёрнуло, он поскорее присосался к кружке, стремясь запить неприятные воспоминания. Айриэннис лениво размышляла, какая нечисть тут может развлекаться. Наверное, Нарвас, фигурально выражаясь, плюнул в ближайший водоём, вот эта русалкина родня и ополчилась на любимого хозяйского хряка. Нечисть, скорее всего, относительно безобидная и просто мстит, но проверить придётся.

– Вот, мэора магесса, я решил, что караульных сажать без толку, да и бояться стали люди-то. Две ночи после того тихо было. Хряк мой спокойно себя вёл, не пугался, ел за двоих. Да только не отвязалось от меня это лихо проклятое. В сарае на соломе фата

невестина лежала, тоже мокрая и с гнилостным духом.

Айриэ представила себе хряка в фате, жемчужном браслете и с веночком на голове – и подавилась остатками пива. Пока она смеялась-откашливалась, утирая слёзы, Нарвас на удивление серьёзно переживал приступ весёлости, одолевший магессу. Потом усмехнулся криво, устало и как-то даже испуганно, хотя за последнее Айриэ не поручилась бы.

– Я и сам знаю, мэора, что дурак-дураком выгляжу. Когда я с этим к мэору Мирниасу подкатился, он меня и послал, слушать не захотел. Да только с сыном у меня теперь, кажись, неладно. – Нарвас вздохнул. – Сам не знаю, нечисть ли в том виновата, но... судите сами, мэора маг. Мой младший, десять годков ему, позавчера с приятелями своими подрался. Ну, то дело обычное, мальчишкам без драк никак не обойтись. Да только сын работу ему порученную не выполнил, а с этим у меня строго. Я своих с малолетства к труду приучаю, мне лодырей-белоручек не надобно. Так вот, младший мой в числе прочих дел должен каждый вечер домой большую корзину ряски приносить, очень её свинки и куры уважают, да и на пользу им такой корм. А в тот день, как я говорил, мальчишка с дружкой подрался, те корзину ему сломали, и явился мой парень домой пустой, порученную работу не выполнив, да ещё пытался скрыть от меня всё. Ну, я ему крапивой всыпал за всё хорошее, да велел наутро с петухами встать и топтать за ряской. В общем, чуть засветлело, пошёл сынок как миленький куда велено, к мельнице то бишь. Там, недалеко от мельницы, у нас пруд старый имеется – большой, глубокий, в жару не пересыхает. Караси водятся, да ряской его летом всегда густо затягивает. Купаться там не купаются, вода стоячая да вонючая, а у нас речка чистая рядом; на ней, к слову, мельница и стоит.

Фермер допил пиво, но заказывать ещё кружку не стал. Помолчал немного и продолжил рассказ:

– Сын мой ряски-то набрал, как ему было велено, да только повстречался он кое-с-кем на пруду, и встреча та, боюсь, дорого ему встала. А может, просто совпало всё так, а мальчишка простуду подхватил или ещё какую хворь... В общем, вчера поутру заметил я, что сын мой будто замороженный ходит, никого вокруг не замечает, отвечает невпопад. А потом вдруг уселся в уголке и дрожмя дрожать начал, будто от холода. Я к нему с расспросами подступился, ну он и поведал, что на рассвете на берегу пруда видел деву белую, полупрозрачную, без одёжи, с прекрасным лицом. Дева косу длинную, мокрую распустила, песню нежную пела, да и сушила волосы будто, а они всё не сохли. Мальчишку моего она углядела, поманила к себе рукой, тот возьми и подойди. Говорит, не хотел идти, боязно было, а сил противиться не нашлось. Вот дева-то эта на него как глянула глазами своими зелёными, бездонными, как омуты – будто душу вынула. Протянула она ему веночек точно такой, как хряку моему подбросили. – Айриэ честно старалась сдерживать хрюканье и сидела с каменным лицом. – Да только вспомнил Бакас в последний миг, что я велел такие венки сжигать, не касаясь до них, и руку отдернуть успел. Веночек на землю шлёпнулся, а дева как осерчает! "Всё равно моим будешь!" – крикнула, топнула ножкой белой, да исчезла, как не бывало её. А потом смотрит сынок мой, а на лугу, на траве – следы девичьи, маленькие, блестящие, будто ледяные, искрятся на солнце, но не тают. Он возьми и ткни в такой след пальцем. Говорит, ледяной он и вправду, холод сразу будто до сердца дошёл, да там и угнездился. А след взял и рассыпался мелким крошевом, а потом вовсе истаял. И веночек вместе с ним. А на мальчишку будто сон колдовской наяву напал. Так и ходит со вчерашнего. А нынче ночью Бакас метаться начал, кричать, что тонет и выбраться из воды не может. Чуть взаправду не захлебнулся, это в доме-то, на втором этаже.

Айриэ, честно признаться, пребывала в некотором недоумении. Не то чтобы она досконально знала всю местную водяную нечисть, но о такой слышать вроде бы не доводилось. Если уж кто из нечисти детей или взрослых сманивает, то, во-первых, по ночам, а не когда уже рассвело. Во-вторых, сманивают сразу, затаскивают жертву в воду – и всё, поминай как звали. В третьих, нечисть, запавшая на хряка и вознамерившаяся сделать того своей невестой... это, как минимум, нетрадиционная нечисть. Если, конечно, всё это не шуточки какого-нибудь недоброжелателя Нарваса, как тот и предположил вначале. А всё прочее – фантазии. А мальчишка простудился, бывает, вот и привиделось от жара что-то кошмарное.

Магесса вполуха слушала менестреля и лениво размышляла, стоит ли соглашаться проверить самой, что случилось у Нарваса, или же последовать примеру коллеги Мирниаса. Впрочем, хочешь не хочешь, а проверить она должна. Мало ли что...

– Я, мэора магесса, боюсь, что парень мой сегодня опять во сне тонуть будет... да уже и не выплывет, – вдруг тихо признался Нарвас, и Айриэ внимательно взглянула на него. Похоже, он, рассказав о своей проблеме, внезапно проникся её серьёзностью. То есть не то чтобы совсем уж внезапно, просто до сего момента бодрился и старательно гнал от себя тоскливые мысли, до последнего надеясь на чью-то злую шутку. Не получилось. Да ещё и её, Айриэ, тревогой заразил. – Вы мне не откажете, мэора?... Я заплачу, хорошо заплачу, только согласитесь глянуть, что там такое. Помогите, мэора...

– Вы мальчика целителю показывали? Есть в Кайдарахе кому болезни лечить?

По крайней мере, небольшой храм в деревне имеется, а значит, должны быть и Лунные сёстры. Их способности к лечению болезней скромные, профессиональный маг-целитель намного сильнее, но магов мало, а жриц – гораздо больше. Их вера предписывает им заниматься лечением и утешением всех страждущих.

– Бабка-знахарка приходила, позвал её сегодня моего Бакаса посмотреть. Она его травками напоила, пошептала – Бакасу вроде легче стало, жар спал малость. Да только мне отчего-то боязно стало. Вот как вам рассказал, так и понял разом, что боюсь, как бы ночью за ним нечисть не пришла. Следа её мой сын всё ж-таки коснулся... Вдруг она, тварь эта, теперь власть над ним имеет?

– Хорошо, брай Нарвас, я попробую вам помочь. Едем сейчас. Вы далеко живёте?

– Да не, тут близко, моя ферма на окраине деревни. И бричка у меня есть, я вас мигом домчу.

Айриэ подошла к стойке расплатиться с хозяином за вторую кружку гномьего светлого, но папаша Брэддор только руками махнул – мол, это ?за мух?. То бишь за избавление от них. Видно, оценил нынешнее безмушье. Вежливо дождавшись, пока сидевший тут же у стойки менестрель допоёт очередную песню, поблагодарила его за доставленное удовольствие. Причём совершенно искренне, мастерство Тианориннира заслуживало всяческих похвал. Поэльфийски миндалевидные глаза менестреля засияли тёмным золотом от удовольствия.

– Рад, мэора Айнур, что сумел доставить вам несколько приятных минут. Надеюсь, вскоре мне вновь удастся развлечь вас своей игрой. Приходите, я буду ждать, – попросил он, бросая пылкий взгляд из-под пушистых ресниц. – Обычно я выступаю здесь через день, если, разумеется, вдруг не понадобится в Файханас-Маноре.

Выйдя во двор, Айриэ знаком велела давешнему любопытному мальчишке подвести её лошадь и привязала Шоко к задку повозки клиента. Сидевший в своей свежевыкрашенной, чистенькой бричке Нарвас сжимал в руках поводья ухоженного гнедого мерина. Он с

заметным сожалением, смешанным с недоумением, окинул взглядом неказистого, тощего, но толстоногого савраску с жиденькими гривой и хвостом. Такого конька в плуг запрячь ещё куда ни шло, но чтобы уважаемая мэора, да вдобавок маг, не побрезговала верхом сесть...

Хмыкнув про себя, магесса не стала развеивать недоумение Нарваса. На самом деле её тонконогий, стройный красавец был тёмно-игрневым: довольно редкого тёмно-шоколадного окраса со светло-рыжей гривой и волнистым хвостом чуть более яркого оттенка. Но дело даже не в масти, а изумительной сообразительности, выносливости и быстроте жеребца, которого пришлось замаскировать. Такой конь стоил дорого, слишком дорого для простого бродячего мага, перебивающегося случайными заработками. Конечно, легко можно было объяснить появление такого коня подарком какого-нибудь благодарного клиента, спасённого от страшной опасности, но куда проще было воспользоваться мороком. Как уже упоминалось, в иллюзиях Айриэ была мастером высшего класса.

ГЛАВА 3

Дом и хозяйственные постройки у Нарваса производили впечатление такой же добротности, как сам хозяин. Солидно, чисто, просторно; в хлевах сыто похрюкивают многочисленные свиньи; трое батраков неторопливо доделывают последние вечерние дела; пара женщин загоняет кур в курятник, а долговязый подросток ходит и активизирует магические светильники: становится темновато, а ночью на освещении двора у Нарваса явно не экономят. Из трубы мыльни струится дымок, а из-за неплотно прикрытых дверей слышится плеск воды, гомон молодых мужских голосов, смешки и подначивания: соседняя дверь, судя по всему, ведёт в женскую половину мыльни, оттуда доносятся взвизги и задорные выкрики в ответ.

– Батраки после работы моются, – пояснил Нарвас, заметив взгляд магессы, и усмехнулся: – Девки за перегородкой, всё слышать, но ничего не видеть.

– И много их у вас, батраков? – зачем-то спросила Айриэ.

– Десяток постоянных, да ещё почти столько же временных, до праздника Урожая нанятых. Времечко-то горячее, уборочная.

Магесса рассеянно кивнула, рассматривая подбежавших хозяйских псов – тёмно-серых с рыжими подпалинами, поджарых и мускулистых, с умным взглядом. Они было залаяли на чужачку, однако тут же умолкли, повинувшись хозяйской команде, и только бдительно принюхивались. Из коровника вышла дородная, румяная женщина с полным подойником. Заметив приехавших, она тут же передала подойник вышедшей следом батрачке, и торопливо подошла, вытирая руки о передник. Следом подтянулся долговязый подросток, занимавшийся светильниками. Судя по внешнему сходству с Нарвасом, хозяйский сын. Он с интересом рассматривал диковинную гостью и не выглядел хоть сколько-нибудь обеспокоенным, в отличие от женщины, в которой нетрудно было угадать хозяйку фермы.

– Ну что, Нарвас, привёз?.. – В голосе женщины затаённая надежда густо мешалась со страхом, лоб избороздили тревожные морщинки, а в глазах застыло чуть ли не затравленное выражение.

– Привёз, Трина. Мэора Айнуря милостиво согласилась посмотреть, что тут у нас творится.

– Вы поможете моему Бакасу, мэора? – Женщина просительно вглядывалась в лицо магессы; потом, спохватившись, поспешно, но почтительно поклонилась.

– Я постараюсь, брайя, – кивнула Айриэ в ответ, не спеша раздавать пустые обещания. – Как мальчик?

– Хуже ему опять стало, – всхлипнула женщина, нервно кусая губы. – Вот как бабка Фенра над ним пошептала – полегчало, а к вечеру жар опять поднялся. Только муж со двора выехал, так и поплохело Бакасу. Сидит, горит, трясётся весь, а ни меня, ни сестры вовсе не замечает и на оклики не отзывается. Травки, что бабка Фенра ему заварила, правда, пьёт, но толку с тех травок!.. – Женщина безнадежно махнула рукой. – Колдовство это, мэора, вот что я вам скажу. Самое что ни на есть чёрное колдовство! Порчу на моего сыночка навели.

– Всё может быть, – вежливо согласилась магесса, не собираясь вступать в дискуссию с расстроенной матерью. – Посмотрим. Я не целитель, зато в магических проклятиях разбираюсь неплохо. Показывайте, где мальчик.

Магессу провели в дом, на первом этаже которого традиционно располагались кладовка, хозяйские мыльни, кухня и просторная общая столовая с длинным столом – у Нарваса, судя по всему, батраки садились за стол вместе с хозяевами. Две служанки резво металась между кухней и столовой, сноровисто накрывая стол к ужину. Из столовой наверх вела лестница – на второй этаж, где находились хозяйские спальни.

В небольшой, но уютной комнатке, чьи стены были обшиты панелями из светлого дерева и увешаны пёстрыми ковриками, на кровати, поджав под себя ноги, сидел темноволосый мальчишка с конопушками на носу и зябко кутался в кусачее шерстяное одеяло. Рядом на краешке кровати примостилась девочка постарше с такими же тревожными глазами, как у матери. На Айриэ девчонка посмотрела с неожиданной неприязнью и брезгливо поджала губы.

– Вот, Бакас, посмотри, кого к тебе отец привёл, – стараясь говорить бодро, сообщила Трина. – Это настоящая магесса, она враз тебя вылечит.

Мальчишка не отреагировал ни на вошедших в комнату, ни на слова матери, всё так же безучастно глядя перед собой. Зато девчонка вдруг прошипела со злобой, вскакивая на ноги и делаясь похожей на взъерошенного задиристого воробушка:

– Не след всемилостивых богинь гневить! Магия – зло! От неё все беды наши, и Бакас от колдовской порчи страдает! Откуда вам знать, что эта хуже не сделает? Она, небось... Аййй!..

Мать, проворно подскочив к доченьке, наградила ту увесистым шлепком пониже спины. Девчонка, взвизгнув, схватилась за пострадавшее место, а мать грозно посулила:

– Раскрой ещё мне рот, соплюха! Твоего совета забыли спросить!.. – И чуть испуганно гостье: – Вы, мэора Айнура, простите её, не гневайтесь на дурочку. Молю, не уходите!..

– Да я и не собираюсь, – усмехнулась Айриэ. – Я не настолько пуглива, не переживайте. Однако юная противница магии на этом не успокоилась, хотя и отошла на всякий случай подальше от карающей материнской длани:

– Лунные богини нам и судьи и заступницы, а магия – чёрная сила, богомерзкая! Светлых жриц надо к Бакасу позвать, они его вылечат, а если это не в силах сестёр, так в Светлолунный мир его достойно проводят... Аййй!..

На сей раз вздорной девице прилетело от отца, и куда крепче. Да и сама она явно сообразила, что несёт что-то не то. Экая фанатичка растёт, с ума сойти. Ох уж этот подростковый максимализм... Бедные родители.

– Ну и много ему помогли твои богини? – лениво поинтересовалась у девчонки Айриэ, кивая на ?пятилунник?, болтавшийся на шее мальчишки. Такие кругляши на цепочке с вычеканенными стилизованными изображениями пяти лун обычно носили последователи Лунных богинь.

– Если бы вера его была достаточно крепка – помогли бы! – с истовой убеждённо­стью заявила девчонка.

– А если недостаточно, то так ему и надо, что ли? – приподняла брови магесса, подсаживаясь к пациенту и беря того за руку, чтобы проверить ауру. – Или пускай умрёт, лишь бы его злобный чёрный маг в моём лице не вылечил?

– Н-нет... – запинаясь, пробормотала девица, напряжённо следя за магессой. Ну точно задиристая воробиха, готовая героически сражаться за своего птенчика. Внезапно её рыжеватые бровки горестно изломились, глазки налились влагой, и она прошептала, чуть ли не всхлипывая:

– Я за душу Бакаса боюсь. Ваше колдовство её погубит...

– Боюсь тебя разочаровать, деточка, но до сих пор моя магия ещё ни одной души не погубила?, – рассеянно поведала магесса, тщательно вглядываясь магическим взором в ауру мальчишки. – Вот тел – это да, немало, только не человеческих, а всё больше нежити и нечисти. Где ты только такого бреда наслушалась, про душу?

– Выпорю!.. – грозным шёпотом пообещал Нарвас, яростно уставившись на доченьку.

– Не стоит, брай Нарвас, ваша дочь действует из добрых побуждений и всего лишь защищает брата, – усмехнулась Айриэ и уже серьёзно посоветовала девчонке: – Только на будущее запомни, деточка: не стоит оскорблять того, кто пытается помочь тебе или твоим близким. Неблагодарность – скверное качество. Такого твои богини точно не одобряют.

Девчонка густо покраснела, а магесса добавила с ласковой улыбочкой:

– И злить магов тоже не стоит. Не все такие терпеливые, как я – могут ведь и заклинанием угостить.

Через комнату метнулась маленькая, аккуратненькая молния с раздвоенным кончиком и ударила точно в нацеленное место.

– Айййййййй!

За пострадавшую попку девчонка держалась уже обеими руками, кидая на магессу ненавидящие взгляды. Однако урок она, кажется, усвоила и ротик держала закрытым. Навоевалась, видно.

Нарвас хмыкнул скорее одобрительно, чем нет, а его жена и вовсе проговорила тихо, но отчётливо:

– Так тебе и надо! Скажи спасибо мэоре за науку.

– Беда нам с ней, мэора, – извиняясь за дочь, пояснил фермер. – Вбила себе в голову, коза, что хочет к Лунным сёстрам податься, жрицей стать. Ну, я ей запретил до шестнадцати лет об уходе в храм думать – авось за три-то года дурь из головы поыветрится. Глядишь, найдёт себе мужа, деток заведёт, как все нормальные девки делают. Старшая наша уже год как замужем, и удачно. Скоро первого внука нам подарит.

– Поздравляю, – рассеянно откликнулась Айриэ, которая как раз в эту секунду нащупала в магической ауре мальчишки – багровой, тревожно пульсирующей – чужеродную ниточку, тянущуюся куда-то за пределы фермерского дома.

Определённо, это оно. Проклятие, самое настоящее – из арсенала той магии, которую в Акротосе именуют Запретной. Это и наложение проклятий, и вызов демонов и прочих чуждых этому миру сущностей, и некромантия, причём самой грязной разновидности, когда платой за заклинание является не твоя кровь и боль, как поступают честные некроманты, а чужая, взятая насильно.

Снять это дурацкое проклятие с мальчишки для мага её уровня и возможностей не

составит труда, однако гораздо важнее выследить злоумышленника. И уничтожить, разумеется. Следовательно, из детёныша придётся сделать приманку. Риск невелик, в общем-то, просто нужно соблюдать осторожность.

Прикрыв глаза и сосредоточившись, магесса попыталась проследить магическим зрением за направлением нити проклятия, но увы. Нить очень быстро истончилась и потерялась в липкой тёмной дымке. Айриэ почти физически ощутила, как влажная пелена оседает сверху, мешая восприятию, и чуть отступила, чтобы собраться и одним рывком прорвать пелену. Но чужое сторожевое заклятие успело ударить раньше, да с такой силой, что не ожидавшая подобного Айриэ на некоторое время оглохла и ослепла в магическом смысле. Впрочем, телу тоже досталось – по нему волна за волной прокатывалась острая, режущая боль, никак не желая успокаиваться. Выброшенная из магической оболочки мира, Айриэ некоторое время не владела телом, неловко съехав на пол с кровати и сжавшись в комок под ногами у встревоженного фермера и его домочадцев.

М-да, если бы не лёгкий щит, без которого Айриэ никогда не совалась проверять чужие заклятия, была бы сейчас тут одна полудохлая магесса и трупик: мальчишке наверняка тоже прилетело бы отдачей. Шипя от боли, Айриэ кое-как поднялась на ноги, взглядом отогнав сунувшегося было помочь Нарваса.

– Проклятие ударило, – коротко пояснила она в ответ на испуганные вопросы фермера и его супруги.

Силён, скотина. Но ничего, теперь Айриэ предупреждена. Щит будет ставить настоящий, боевой, да ещё с зеркалкой: чем противник ударит, тем ему обратно и прилетит, с довеском. Всё, больше никакой беспечности; маг играет всерьёз, ответим тем же.

Отдышавшись и смахнув с ресниц невольной выступившие слёзы, Айриэ вновь под села к мальчику. Взяла безвольную руку, чуть сжала, пытаясь достучаться до его затуманенного чужой недоброй силой сознания.

– Бакас, услышь меня и откликнись! – Приказ был подкреплён сгустком магической силы, но мальчишка долго не отзывался. Пришлось раз за разом посылать небольшие импульсы, пока наконец Бакас не разлепил потемневшие, запёкшиеся губы:

– Я слышу...

Голос был едва слышен, взгляд мальчишки остался всё таким же пустым, но, очевидно, полностью разбудить пациента и не получится. Ладно, отклик есть, будем работать дальше. Магесса руками опустила веки мальчика и заставила того улечься на постель.

– Спи, Бакас, – велела она.

– Я не могу, – вялым, безжизненным голосом возразил пациент. – Я боюсь спать, утону...

– Не бойся, мальчик. – Айриэ сжала горячие ладони, посылая волну прохладной, освежающей уверенности. – Вспомни, ты ведь умеешь плавать!

Наверняка – чтобы деревенский мальчишка да не умел, если рядом река имеется!.. Главное, чтобы он помнил об этом в своём нынешнем, навязанном проклятием сне.

– Умею. – В безжизненном голосе послышались нотки удивлённой радости. – Я хорошо плаваю!

– Вот видишь, – с фальшивой, но так необходимой сейчас пациенту бодростью откликнулась магесса. – Что же ты трусишь? Окажешься в воде – плыви, как привык, и ничего не бойся. Я помогу выбраться на берег.

Хвала Равновесию, помогло. Мальчишка заметно расслабился и задышал ровнее. А

магесса, недобро ухмыльнувшись, осторожно тронула ниточку проклятия, навешивая на неё неприятный магический сюрприз в качестве ответного подарочка. Как только маг потянется к Бакасу, получит в лицо заклинанием. Серьёзное на эту ниточку не повесишь, но и это неплохое, ибо воздействует не только на магическое, но и на физическое зрение. Если повезёт, мага завтра можно будет опознать по красным, слезящимся глазам и распухшей физиономии. Избавиться от последствий заклинания можно разве что с помощью эльфийской магии, а к ней доступа у неизвестного мага точно не имеется.

– Брай Нарвас, пока всё, вы можете идти. Я посижу с мальчиком этой ночью. Думаю, проклятие снимем, если только маг сунется сегодня проверять и завершить начатое. – Глаза магессы хищно сверкнули. – Уж я голубчика прижму...

– Маг? – растерянно мигнул фермер.

– Чёрный колдун, – использовала Айриэ более близкое для народа понятие. – Запретной магией балуется, сволочь.

Фермер с женой дружно охнули, получив подтверждение своих опасений, а девчонка, побледнев, схватилась за пятилунник на шее и забормотала молитвы.

– Да за что ж он на нас ополчился, мэора? – испуганно спросила Трина.

– Поймаю – спрошу, – с угрозой пообещала Айриэ.

Фермер передёрнул плечами и, ухватив жену за рукав, повёл на выход – вспомнил о просьбе магессы удалиться. Спыхватившись, спросил от дверей:

– Мэора, не угодно ли вам отужинать с нами? Окажите нам честь...

– Нет, благодарю, сейчас не хочу. Вот утром с удовольствием с вами позавтракаю, если пригласите, – подмигнула магесса, стараясь подбодрить подавленных родителей мальчишки. – Я сейчас прогуляюсь... ради удовлетворения естественных потребностей. Дочь ваша пусть тоже на ночь здесь останется. А мне кресло или хотя бы стул поудобнее принесите, больше ничего не нужно. Надо будет, девчонку пошлю.

Айриэ посетила уединённую комнатку рядом с мыльней и вышла во двор, с удовольствием вдохнув полной грудью остывший от дневного жара вечерний воздух. Под окнами дома росли пахучие ночные фиалки, резеда и душистый табак, сейчас щедро отдававшие свои ароматы, медленно плывшие по усадьбе.

Судя по всему, Мирниас оправдывал своё звание талантливого артефактора и делал качественные амулеты – уничтожители запаха скотного двора. Свиным навозом в Кайдарахе не пахло ни днём, ни ночью, хотя немалой заслугой тут являлось соблюдение чистоты хозяевами скотины. Навоз, как успела заметить Айриэ, регулярно убирали из хлевов, предварительно присыпая для уничтожения запаха торфом, привозимым с болот. Амулеты уничтожали остатки запаха, а смешанный с торфом навоз складывали на телеги и ежедневно вывозили на поля. Неудивительно, что урожай в здешних краях всегда были щедрыми, а вкус овощей – выше всяческих похвал. Это вам не ядовитыми алхимическими порошками землю посыпать, якобы для увеличения урожая. Здешние крестьяне на уловки и красочные обещания ушлых алхимиков не велись, землю порошками не травили, почвенные микроорганизмы берегли (хотя едва ли подозревали об их существовании), зато имели здоровую землю и, главное, здоровых себя самих. Айриэ в который раз одобрительно хмыкнула в адрес жителей герцогства и подданных короля Кайнира вообще. Определённо, это королевство нравилось ей с каждым днём всё больше.

Подумав, Айриэ зашла на конюшню, проведать Шоко. Разумеется, о коне магессы позаботились, хотя обихаживавший коней батрак смотрел на саврасого доходягу с жалостью.

Айриэ, усмехнувшись, протянула любимчику пучок мяты и душицы, нащипанных с грядок Трины. Ароматные травы конь обожал и полакомился с удовольствием. Подумав, Айриэ велела не запира́ть коня в деннике и оставить приоткрытой дверь конюшни. Если понадобится, Шоко в один момент окажется рядом. Отсутствие седла и поводьев для Айриэ не проблема. Шёпотом сообщив коню, что хозяйка с ним сделает, если обнаружит в огорожке Трины, Айриэ со спокойной совестью удалилась. Шоко презрительно фыркнул, но ослушаться не посмеет, без спроса конюшню не покинет. Её связь с конём, разумеется, усилена магически, но Шоко и сам очень умный, многое понимает безо всякой магии.

Вернувшись, обнаружила в комнате принесённый массивный стул с прямой высокой спинкой, пару стёганных покрывал и гору подушечек. Оставила одну и покрывало, остальное, не церемонясь, спихнула на пол. Подумав, перетащила стул поближе к окну и распахнула створки. В комнате было душно, а мальчишка всё равно будет мёрзнуть, ему хоть жаровню рядом поставь. Это холод магический, его лучше теплом человеческого тела гнать.

– Эй, лунная дева! – насмешливо окликнула магесса девчонку, приткнувшуюся на краешке кровати брата. – Раздевайся и ложись к нему, обхвати его руками. Хоть польза от тебя будет.

– Вы бы, мэора, лучше окно притворили, – угрюмо посоветовала девица, глядя исподлобья на противницу и не спеша подчиняться. – Бакас и так мёрзнет, а вы...

– А ну цыц! – прикрикнула Айриэ всё так же насмешливо. – Разговорилась деточка! Делай, что велено. Ему человеческое тепло нужно, живое, ясно тебе? А свежий воздух гораздо полезнее этой духотени. И кто только придумал, что несчастные больные должны жить в безвоздушном пространстве?..

Девчонка, сопя от злости, разделась до нательной рубахи и юркнула под одеяло к братцу, бережно прижав мальчишку к себе.

– А теперь что? – шёпотом спросила она.

– А теперь спите оба до утра, а я буду бдеть... вполглаза.

Пару часов вздремнуть можно смело, а дальше видно будет. Маг наверняка явится этой ночью. Скорее всего, не лично, а пошлёт свою ?водяную нечисть?. То ли сотворил кого, то ли вызвал из так называемых Нижних миров, там разберёмся. Тем более маг должен был почуять подозрительную активность вокруг попавшего под проклятие мальчишки, и теперь просто не может не проверить, что там такое приключилось и чем ему это грозит.

Проснувшись, Айриэ встала со стула, размяв затёкшие мышцы, и прислушалась. Всё было спокойно, Кайдарах спал: дело было уже за полночь, по внутренним ощущениям. Где-то вдруг засвистел сильно припозднившийся соловей. Сдурела птичка, дело к осени, детей надо на крыло ставить, а у него любовная дурь в голове бродит. Словно застыдившись, соловей выдал несколько неуверенных трелей и затих.

Айриэ высунулась в окно и осмотрелась. Луны сияли себе в небе, их загораживала крыша фермерского дома, поэтому неясно было, какие из пяти бегали сегодня по небосклону. Легчайший ветерок освежал совсем немного; с северо-востока наплзали лёгкие пятнышки облаков, ласково укутывая звёзды пушистыми одеяльцами.

Вот по окраине деревни промчалась тёмная тень, с шумом и сопением, сопровождаемая возмущённым брёхом собак: скорее всего, сорвавшийся с привязи дворовый пёс наслаждается неожиданной свободой и заодно дразнит своих собратьев, нагло оставляя метки возле их владений. Вскоре всё опять стихло, пёс умчался куда-то в сторону мельницы.

Детёныши, уткнувшись друг в друга, мирно сопели на кровати. Бакас дышал ровно и

больше не дрожал. Айриэ бесшумно прошлась по половичкам туда-сюда, рассеянно полюбовалась пейзажем за окном и вновь устроилась на стуле, прикрыв глаза. Она не засыпала, оставаясь на границе сна и яви. Если что, очнётся от полудрёмы мгновенно, как только услышит подозрительный шум, или запущенное вечером сторожевое заклятие почует чью-то магическую активность рядом с хозяйкой.

Ночь ползла и ползла медлительной улиткой, никак не желая заканчиваться. Хмурый, заспанный рассвет неохотно отмыл небо до мутного розово-серого цвета. Когда внизу в кухне загремела сковородками кухарка, рассвело уже окончательно, и солнечные лучи пробивались сквозь льнувший к земле молочно-белый туман. Деревня и окрестные фермы просыпались, готовясь к новому дню, а магесса, злая и не выспавшаяся, угрюмо размышляла, что проклятый маг не явился и теперь ей предстоит дежурить ещё одну ночь, скрючившись на стуле. Нет, можно было, конечно, приказать принести вторую кровать или хотя бы тюфяк, но тогда есть риск заснуть слишком крепко и потерять драгоценные секунды на то, чтобы очнуться от сна.

Недовольные размышления Айриэ прерывались хлопаньем дверей и ленивыми разговорами батраков снизу, со двора. А потом вдруг кто-то заорал – коротко, хриплым со сна басом. Крики стихли, сменившись ядрёной руганью. Как это водится у людей, упоминалось самое святое: детородные органы и секс с чужой мамой. Зачем оно им, особенно в настоящий момент, батраки простодушно не задумывались. Айриэ, впрочем, тоже. Подскочив к окну, высунулась по пояс, пытаясь понять, что так взволновало работников Нарваса. Сам хозяин, ссутулившись, стоял возле открытой двери сарая; там же сгрудились батраки – некоторые ещё босые и в одних штанах – и боязливо заглядывали внутрь. Из употреблённых слов к Всеобщему языку принадлежали лишь предлоги, междометия и одно-единственное: "Убили!.."

– Что там, мэора?

Обернувшись, Айриэ наткнулась на испуганный, недоумевающий взгляд девчонки, крепко вцепившейся в край одеяла. Бакас не проснулся, только нахмурился и перевернулся на бок, пробормотав что-то сквозь сон. А потом вдруг забарахтался, забился, раскрывая рот, будто погрузился в воду и никак не может вдохнуть. "Плыви! Ты умеешь!" – яростным шёпотом выдохнула ему в ухо магесса, посылая немного силы. Помогло, Бакас успокоился и сделал несколько движений руками, будто грёб, вырываясь из воды назад к свету и воздуху. Пара минут – и парнишка снова задышал размеренно, спокойно. Осторожно тронув проклятие, Айриэ убедилась, что её сюрприз ушёл по назначению. Наверное, маг сейчас судорожно пытается избавиться от невыносимого жжения в глазах, а значит, ему не до мальчишки. Можно пока сходить проверить, что там стряслось в сарае.

– Я вниз, а ты сиди тут с братом. Никуда не уходи! – распорядилась магесса и поспешила во двор.

Оказалось элитного хряка всё-таки настигло проклятие. Его утопили... в собственной крови. Пришедший выпускать рыжего Нарвас вместо радостно хрюкающего мужа своих свинок обнаружил фарш, иначе и не скажешь. В сарайчике остро пахло кровью и свиными внутренностями, буквально размазанными по полу. Несчастливого хряка зачем-то безжалостно покромсали на куски и оставили валяться в луже крови. Длинные, глубокие борозды от когтей виднелись на косяке и внутренней стороне двери, однако и замок, и решётки на окнах, на первый взгляд, были целыми. Оглянувшийся Нарвас заметил Айриэ и сипло спросил, пряча подрагивающие руки в карманы штанов:

– Это кто же тут поработал, мэора, как думаете? Давешняя нечисть или...

Договорить ему не дали. Сверху, из раскрытого окна комнаты Бакаса, донёлся пронзительный девчоночий визг, сменившийся жутковатым бульканьем.

– Внизу, под окнами кто-нибудь караульте! – похолодев, рывкнула Айриэ работникам и понеслась наверх, прыгая через две ступеньки. Сзади грузным медведем топотал Нарвас. Однако Трина из своей спальни успела первой. Ворвавшись в комнату Бакаса, она испустила сначала яростный вопль, потом закричала горестно, надрывно:

– Бакас!.. Тирия, доченька!..

Смятая постель была пуста, на подоконнике виднелся чуть смазанный кровавый след огромной лапы, а Трина рыдала, прижав к себе дочь. На горле девочки была рваная рана, по белой рубашонке быстро расплывалось багровое пятно.

Подскочив к окну, Айриэ увидела во дворе удирающую здоровенную страхолюдину, левой не то лапой, не то ручищей прижимавшей к косматому бурому боку безвольно висящего мальчишку. Тварь неслась на длинных задних ногах, а правой передней отмахнулась от пытавшихся её задержать работников. Блеснули длинные чёрные когти – раза в два длиннее медвежьих, и один из батраков отлетел прочь с глухим вскриком, шмякаясь на землю. Остальные сами шарахнулись в стороны, и монстр, прижав к голове короткие треугольные уши, рванул в сторону реки, однако напоследок обернулся и торжествующе, насмешливо рыкнул на вопящих ему вслед людей. На голове твари криво сидел веночек невесты из бледно-зеленоватых колокольчиков. Глаза твари слезились, нос был бесформенно-уродливым, распухшим, так что Айриэ поняла, кому достался подвешенный на мальчишкино проклятие ответный сюрприз. Жаль, что не магу, было бы проще.

Айриэ оглушительно свистнула, подзывая Шоко, и, миг поколебавшись, всё-таки решила потерять ещё несколько драгоценных секунд. Иначе шансов у девчонки не будет... Подбежала, кидая заклинание стазиса. Пару часов продержится, а к тому времени Айриэ надеялась вернуться. Крикнула Трине:

– Девчонку заклинаниями не лечить, не то умрёт! Я для неё время заморозила на два часа.

– В постель её можно, мэора? – робко спросила заплаканная мать.

– Да! – рывкнула магесса и убежала вон.

Внизу у крыльца уже ждал умница Шоко. Двинув рукой, сняла с него иллюзию: нужна быстрота, некогда жалкую клячу изображать. Ухватила за длинную светло-рыжую гриву и забросила себя на спину жеребца, срываясь с места. Улепётывавшая через скошенный луг к реке тварь ещё была видна вдалеке; надо догнать, иначе мальчишке конец. Его, скорее всего, утащат под воду, повинувшись приказу мага, и плевать, что нечисть вроде бы должна бояться текучей воды. Не везде и не всегда, а эта тварь, спокойно бегавшая при свете солнца и действовавшая чересчур разумно, скорее всего, имела искусственное, магическое происхождение. А управлял ею маг – издали, из своего безопасного гнёздышка. Знать бы ещё, хогрош это или доренг...

Стиснув тёмно-шоколадные бока коленями и держась за гриву, Айриэ мчалась, кусая губы с досады и ругая себя на все корки. Да-а, провели её знатно, как зелёного новичка, а не опытного мага с более чем полуторастолетним опытом. Тварь, повинувшись приказу, под утро растерзала несчастного хряка и затаилась поблизости, дожидаясь неизбежного переполоха при обнаружении зверского убийства. После чего проникла в комнату мальчишки и утащила

того с собой, попутно отмахнувшись когтями от пытавшейся защитить брата девчонки. А магесса послушно носилась вверх-вниз по лестнице, как и задумал таинственный маг. Талантливый наш, счёт к тебе растёт, думала Айриэ, сжимая зубы от злости.

Шоко, драгоценный ты мой, мчись, быстрее, ещё быстрее!.. С каждым мигом они настигали тварь; конь делал всё возможное, получив мысленный приказ хозяйки, и почти летел по лугу, едва касаясь стройными ногами короткой, выжженной солнцем травы. Река уже совсем рядом, но к твари они приблизились настолько, что Айриэ смогла запустить вслед обездвиживающее заклинание. Если мальчишку и заденет, хуже ему не станет, а боевыми нельзя, убьёшь спасаемого...

Первое заклинание ушло впустую – пронеслось над самой макушкой твари, но Айриэ тут же ударила снова, по мощным задним ногам. Есть!.. Тварь споткнулась, сделала несколько шагов на подгибающихся ногах и... выправила бег, с лёгкостью стряхнув чужое заклинание. Да Корррявое Равновесие же, что это за самородок такой попался?.. Шипя от ярости, Айриэ навесила на парализующее заклинание ?липучку?, препятствующую противнику избавиться от последствий магического удара. Какое-то время маг провозится, позволив догнать тварь, которая была уже почти на берегу.

Бурый косматый монстр наконец грохнулся и яростно задёргал спутанными магией ногами, стараясь освободиться. Проклятый венчик каким-то чудом продолжал висеть на башке твари, и не думая падать. Мальчишка лежал рядом, не шевелясь и уткнувшись лицом в траву. Айриэ, подсакав, запустила молнией в спину твари, но по-прежнему приходилось осторожничать из-за Бакаса. Сейчас бы мощным файерболом залепить – так, чтобы только выжженное пятно осталось... Посылая вторую молнию в злобно взывшую от боли тварь, Айриэ поняла, что таких заклинаний потребуется с десятков. Магические создания живучи, убить их непросто. Мечом из ?лунного серебра? получилось бы намного быстрее, но где же его сейчас возьмёшь. У Айриэ с собой был только кинжал в ножнах, который она всегда носила на поясе.

Увы, маг всё-таки оказался очень сильным. Он освободил своего ручного монстра от чужой магии слишком быстро, но, видимо, его сохранность была для мага важнее украденного неизвестно зачем мальчишки. Более не обращая внимания ни на свою добычу, ни на магессу, истерзанный, шатающийся бурый устремился к реке. Очередная молния пролетела мимо, ибо тварь вильнула в сторону; вздымая фонтаны брызг, успела нырнуть и скрылась под водой. Ударивший мигом позже файербол с шипением выбросил вверх столб пара и бесславно угас.

Корявое Равновесие тебе в глотку! Ушла, зараза такая, теперь не догонишь. Ладно, мага и его игрушку изловим потом, пока важнее заняться обоими детёнышами. Перевернув Бакаса, убедилась, что он относительно цел, только поцарапан, однако по-прежнему без сознания. Проклятие никуда не делось, но висело на совсем тонюсенькой нити, почти не подпитываемой силой чёрного мага. Ладно, из мальчишки приманку больше не сделаешь, маг не такой глупец, чтобы снова пытаться сюда лезть. А значит, пора убирать из ауры Бакаса чужую грязную силу. Вот тебе и никакого риска...

Развевая мерзкое проклятие, Айриэ проверила собственный магический резерв и убедилась, что сил ещё достаточно. Запас к тому же восстановится быстро, драконий маг – это вам не простой человеческий. Эх, если бы у неё не была заблокирована большая часть возможностей, мага бы удалось выследить за несколько минут. Раскинула бы большую поисковую сеть, поворожила немного, потом открыла бы портал прямо к месту обитания

чёрного гада... Снова эх. Тяжко вздохнув, Айриэ приказала себе не облизываться на сверхмогущество. В день равноденствия всё решится так или иначе, а пока поиграем по человеческим правилам. Пожалуй, так даже забавнее.

Освобождённого от чуждой силы мальчишку удалось разбудить, просто тряхнув за плечи. Открыв мутноватые серые глаза, Бакас непонимающе таращился на магессу, потом вдруг заулыбался, сморщив конопатый нос:

– А я вас помню, мэора, вы мне выплыть помогали. Я вас видел, только будто сквозь туман. Спасибо вам, вы меня спасли!..

Маленькая приятность, спасённый испытывает благодарность к спасительнице. Тогда стоит воспользоваться случаем и полечить ушибы и ссадины мальчишки, заодно избавив его от слабости и упадка сил. Из него, в том числе и по вине Айриэ, будем честны, столько жизненных сил выкачали, что в себя долго приходить будет. Справедливости ради надо бы вернуть хоть часть.

Целительская магия Айриэ имела одну особенность: необходимо было, чтобы исцеляемый испытывал приязнь к магессе, хотя бы лёгкую, иначе бесполезно, почти не подействует. Айриэ и так-то не слишком хорошо умела исцелять, она была скорее боевым магом. Помогала кровь – своя собственная. Кольнув палец кинжалом, она заставила удивлённого мальчишку слизнуть капельку. По малолетству тот отвращения никакого не испытывал, воспринимая это скорее как игру.

Сосредоточившись, Айриэ осторожно потянула за кончик свисающей из спутанного ?узла? силовой нити, потом аккуратно обрезала, получив нужное количество силы. Пропустила грязно-серую нить через себя, очищая, выжигая мерзость собственным огнём. Нить силы выходила наружу очищенная, сверкающая. Здесь, в мире магии, всё виделось не так, как в реальности; образы рисовало скорее воображение мага, а также его сила, хотя собственные законы этого места также влияли на восприятие.

По телу мальчишки пронеслась целительная энергия, и он радостно восторженно, ощущая мгновенно исчезнувшие синяки и царапины. А потом неожиданно ойкнул и схватился за живот в районе солнечного сплетения:

– Жжёт! И свербит, ой, не могу так!.. Mamochka!..

Он согнулся, прижимая к себе ладони, но боль отступила так же внезапно, как и нахлынула. Осенённая неприятной догадкой, магесса проверила ауру мальчишки и подавила смех. Поздравь себя, Айриэннис, в этом мире твоими стараниями только что стало одним магом больше. Ну вот надо же было наткнуться именно на того, в ком имелся латентный дар!.. Он бы и дальше оставался скрытым, спящим, если бы Айриэ не вздумалось зачем-то лечить мальчишку очищенной от скверны силовой нитью. Почистила магическую оболочку мира, называется. Да послала бы в Бакаса импульсом собственной силы, дар и не пробудился бы, а теперь что прикажете делать? Мальчишке придётся учиться, хотя силы в нём совсем немного. Жил бы себе в своей деревне дальше, свинок разводил, а Айриэ взяла и исковеркала ему судьбу.

– Ты, Бакас, оказывается, маг. Теперь поедешь в столицу, учиться в Магической Академии.

– Правда? Ух ты, вот здорово!.. – Конопатый нос снова наморщился, серые глазёнки восторженно засверкали.

А может, и не исковеркала. Пожалуй, такому на ферме стало бы тесновато со временем, взгляд вон какой умный. И жажда приключений вроде бы наличествует, так что, быть

может, оно и к лучшему.

Подсадив мальчишку на коня, Айриэ вскочила сама и тронула шоколадные бока каблуками. Надо было возвращаться, там девчонка в стазисе лежит, и неизвестно ещё, удастся ли её вылечить: у неё магесса добрых чувств точно не вызвала. А рана слишком большая, Лунные жрицы с такой не справятся, разве что, вот именно, ? в Светлолунный мир достойно проводят?.

Увидев въезжающую в ворота магессу, Нарвас бросился навстречу. Ухватил мальчишку, снимая с коня, с силой притиснул к себе и накрепко зажмурился:

– Живой!.. – Спустил сына на землю, взерошил ему тёмные вихры и велел, скрывая дрожь в голосе: – Беги наверх, матери покажись... Мэора, век благодарен буду!..

Магесса только отмахнулась – не стоит, мол, и прыгнула на землю. Нарочито значительно изрекла: ?Стань прежним!" и поводила руками над конём, возвращая привычную иллюзию. Пусть народ думает, что она нарочно зачаровала коня, чтобы догнать нечисть, а теперь сняла чары. Шоко, уже явно собиравшийся покрасоваться перед кайдарахскими кобылицами, возмущённо покосился на гадкую хозяйку и фыркнул.

– Не дуйся, Шоко, скоро все местные кобылки твоими будут, обещаю, – насмешливо пробормотала Айриэ и уже громко, нарочито бодро обратилась к Нарвасу: – Проклятие с мальчика снято, не переживайте. А дочери вашей я помогу. И вот ещё что... уж простите, брай Нарвас, так получилось, что моя магия разбудила в Бакасе спящую силу. Он тоже маг, как оказалось.

– Вон оно как! – удивился фермер. – Кто бы мог подумать!

– Вы же знаете, мальчика по закону обязательно следует учить управлять своей силой. Ему нужен наставник, как можно скорее, пока не натворил бед нечаянно.

Нарвас вздохнул, почесав в затылке:

– Ну что ж теперь поделаешь... Отвезу парнишку в Юнгир, к колдунам в ихнюю академию. Через полдекады поедем, мне тут с делами надо разобраться маленько. Зато выучится, свой колдун, ну... то бишь, маг в Кайдарахе будет. Мэор-то Мирниас уедет, как королевские пять лет отработает.

– Вы учтите, брай Нарвас, у мальчика дар не слишком сильный, но я бы всё равно посоветовала учить его не пять, а десять лет. Не обязательно самим платить, можно и по королевскому контракту. После получения диплома Бакас автоматически получит личное дворянство, а если послужит королю – то с правом передать потомкам.

– Так это мы моего парня только через пятнадцать лет дома увидим, – несогласно нахмурился фермер.

– Да почему же? Пусть Бакас подаст прошение отработать королевский контракт в родных местах, – пожалала плечами магесса. – В таких случаях руководство Академии охотно идёт навстречу выпускникам.

– Хорошо, мэора Айнура, там посмотрим. До этого ещё дожить надо, – мудро заметил Нарвас. Вспомнив, спросил: – Мэора, а с хряком-то что делать? Я пока велел ничего там не трогать – подумал, может, вам надо посмотреть чего, по магической части. Да и боязно, вдруг тоже какую заразу подхватишь, как мой Бакас?

– Замечательно, спасибо, брай Нарвас! Обязательно посмотрю, там наверняка магический след остался. И не переживайте, после я всё очищу, больше никто не пострадает. И вот ещё что, брай, прикажите-ка послать за Мирниасом, – попросила Айриэ, злорадно улыбнувшись. – Пусть тоже посмотрит, ему полезно. А я пока к девочке.

Уверенности в успехе Айриэ вовсе не испытывала, однако решительно двинулась наверх, в комнату Бакаса. Девчонку перенесли на постель брата и больше не трогали, как было велено. Заплаканная Трина покрывала поцелуями недовольно уворачивающегося сына.

– Вы поможете Тирии, мэора? – От надежды, горевшей в глазах женщины, Айриэ сделалось не по себе.

– Я постараюсь. Рана слишком большая... а я не целительница.

– Мэора Айнура, молю вас! Мы для вас что угодно сделаем, только помогите!.. – Трина, стиснув ладони в молитвенном жесте, тянула их к магессе, будто к Лунным богиням обращалась.

– Не надо, брайя, – поморщилась магесса, чувствуя себя почти виноватой. – Я и без ваших просьб сделаю всё, что смогу. А вы пока сходите, поговорите с мужем насчёт мальчика, вам есть что обсудить.

Выпроводив страдающую мать и любопытно таращившегося мальчишку, магесса села и мрачно уставилась на пациентку. Как прикажете лечить эту воинственную соплячку, если она по отношению к Айриэ прямо-таки ненавистью пыхала, как дракон – пламенем? Рана на шее выглядела скверно, тварь чудом не разворотила когтем трахею. Заживить, может, и получилось бы, но необходимо, чтобы девчонка, пусть ненадолго, испытывала положительные эмоции по отношению к магессе, а как этого добьёшься?.. И заклинание стазиса потихоньку истончалось, времени осталось совсем мало. Надо лечить, хочешь – не хочешь. К тому же, будем справедливы, девица пострадала из-за беспечности Айриэ. Так что надо исправлять причинённое зло: делать долги Айриэннис очень не любила.

Так, что бы такое придумать?.. Не снимая стазис, Айриэ осторожно привела девчонку в сознание, однако не до конца. То есть постаралась сделать так, чтобы та пока воспринимала действительность медленно, заторможенно, сквозь наведённый магический дурман. Кажется, братишку девица любит и искренне за него волнуется, а значит, можно попробовать это использовать.

– Эй, девочка... э-э-э, Тирия, ты слышишь меня?

– Да, а кто это? – хрипло и сонно, не открывая глаз, откликнулась девица.

– Я – та, кто помогла твоему брату Бакасу.

– Бакас!.. Его украла страшная тварь!.. – Глаза девчонки распахнулись, она тревожно уставилась на магессу.

– С ним всё в порядке, не волнуйся, малышка, – ласково зажурчала магесса, про себя давась от щедро добавленной в голос сладости. – Я его спасла, тварь больше не тронет мальчика.

Девица благодарно заулыбалась: то ли не узнала магессу спросонья, то ли всё простила за спасение братца, неважно. В любом случае, этот момент Айриэ сочла наиболее подходящим и молниеносно сняла стазис, одновременно бросая заклинание лечения на страшноватую рану, из которой снова брызнула кровь. Девчонка дёрнулась и захрипела от боли, а магесса полоснула себя кинжалом по левой ладони. Здесь капелькой не обойдёшься, девице пришлось сделать несколько глотков, хотя она едва ли представляла себе, что пьёт. Вскоре ?лунная дева? расслабилась и заснула. Айриэ тоже впору было упасть и отключиться: в лечение девицы пришлось вбухать столько сил, что на это ушёл почти весь магический резерв. Зато рана затянулась, всё получилось!

Ох, корявое Равновесие, калечить проще, чем лечить, но собственные ошибки исправлять надо. Хмыкнув, Айриэ потянулась к ?узлу? и позаимствовала ещё кусок

спутанной, запачканной грязноватой магией силовой нити. Очищенная, та немного подпитала резерв самой магессы и заживила ранку на ладони, но большая часть ушла к девчонке: убрать уродливый, бугристый рубец с шеи. Остался только тонкий след, который окончательно исчезнет примерно через декаду.

Встав и устало подвигав плечами – мышцы сводило от напряжения, магесса уныло подвела итоги. М-да-а-а... Ничья... с отчётливым привкусом поражения. Хорошо хоть, обоих детёнышей удалось спасти. Пострадали они исключительно оттого, что Айриэ не приняла мага всерьёз. Теперь следовало действовать гораздо осторожнее.

ГЛАВА 4

Недоумевающий и ещё более заспанный, чем при первой встрече, Мирниас появился, когда Айриэ обследовала двор в поисках магических следов. Пострадавшего батрака, пытавшегося остановить тварь, унесли к Лунным жрицам: раны не были слишком опасными, сёстры справятся с лечением.

– Что-то случилось? – сонно хлопая ресницами, спросил Мирниас и, спохватившись, поздоровался, заодно пытаясь скрыть зевок: – Доброе утро, мэора Айнура-а-а!

– И вам того же, – небрежно кивнула Айриэ. – Вас-то мне и надо... коллега. Случилось, ещё как случилось. Идите-ка сюда, полюбуйтесь.

Притащенный в сарайчик Мирниас оторопело уставился на бранные останки, размазанные по полу, позеленел, сдавленно булькнул и выбежал во двор. Выйдя следом, Айриэ со злорадством полюбовалась, как юнец шумно извергает из себя вчерашний ужин. Позавтракать-то он вряд ли успел, слишком быстро появился. Ну, ему же легче.

Посматривавший с брезгливой жалостью старшенький Нарваса принёс магу воды в ковше, полил на руки. Мирниас умылся и прополоскал рот, кивком поблагодарив подростка. Подойдя к магессе и стараясь не смотреть в сторону сараюшки, помялся, раскраснелся, но всё-таки сипло признался:

– Я к таким... кровавым зрелищам не привык. Простите за слабость, мэора Айнура. Что там такое стряслось?

– Небрежность ваша стряслась, мэор, – безжалостно сообщила магесса.

– Вы о чём? – непонимающе нахмурился юнец, покрутив тощей шеей. С намокших кончиков волос на его щёки наползали капли воды, и он нетерпеливо отёр их ладонью, будто отмахнулся от чего-то.

– Мирниас, это же вы отказались проверить слова брая Нарваса, хотя он просил о помощи!

– Да ведь этот фермер какую-то чушь нёс, про хряка и невесту, – сконфузившись, пробормотал Мирниас. Его скулы и уши прямо-таки пламенели. – Я думал...

– Надо было не думать, потому что вам явно нечем было в тот момент! – рывкнула Айриэ. – Вы маг на королевской службе! Вы обязаны проверять все такие происшествия, как бы нелепо они не выглядели! Вы, кроме того, обязаны защищать живущих рядом людей и не имеете права отказываться рассматривать случаи подозрительной магической активности. Какой из вас маг, если вы ведёте себя как безответственный юнец? О подвигах ему мечтается, ноет он, что ему, видите ли, скучно в сонном болоте, а заведшегося здесь чёрного мага проморгал. Из-за вашей беспечности могли погибнуть двое детей, а может, и ещё кто-то из обитателей фермы!

Ну, допустим, детёныши пострадали, главным образом, из-за неё самой, но об этом магесса скромно умолчала. Распекая сопливого мага, Айриэ преследовала две цели. Во-

первых, сбить с толку Мирниаса и дать понять, что она его не подозревает, если окажется, что злоумышленник – всё-таки он. Нет, это крайне сомнительно, но мало ли. Тошнило его качественно, не притворялся, но, может, маг потому и пакостил издали, с помощью управляемой им нечисти, что был слишком брезглив?.. Ну а если Мирниас невиновен в убийении хряка, то сей разнос пойдёт ему только на пользу. В конце концов, Айриэннис ничего не выдумала, Мирниас действительно находился на королевской службе и обязан был проверять все подозрительные случаи, а не отмахиваться от просьбы Нарваса. Мало ли кому что показалось, лучше перебдеть, чем прозевать появление опасной нечисти и допустить гибель людей. Как минимум, сопляк получил бы плату за вызов, и не имел ни малейшего права воротить нос. Это Айриэ могла выбирать, она-то никому, кроме себя, не служит.

Мирниас ненавидяще уставился на магессу, попеременно то бледнел, то краснел, стискивая кулаки, но молчал. Да и что он мог сказать? Пожалуйся на него Айриэ хоть местному герцогу, юнца моментально выгнали бы отсюда. А на нём висит долг короне – четырёхлетний контракт или огромная неустойка, выплатить которую парню явно будет затруднительно, на человека богатого он не похож. Найти новое место уволенному за нежелание выполнять свои обязанности магу будет нелегко, к тому же он обязан трудоустроиться или выплатить долг короне в определённый срок. Дважды уволенного без вариантов ждёт долговая тюрьма, где тоже придётся отрабатывать своими магическими талантами, но на значительно менее комфортных условиях.

Правда, Айриэ пока что жаловаться на Мирниаса не планировала, хватит с него нагоняя. Но сам Мирниас об этом знать не мог, поэтому покорно дождался окончания нотации. Глубоко дыша и пытаясь сдержать ярость, выговорил, глядя в сторону:

– Благодарю, мэора... за указание на мои ошибки! Позвольте спросить, что вы намереваетесь делать дальше? И не могу ли я оказаться вам чем-нибудь полезным?

Сразу видно, от чистого сердца... и скрежета зубовного предлагает худой мир, который лучше, да. Впрочем, пусть повернется рядом, авось и сгодится на что-нибудь. Предупредила:

– Учтите, Мирниас, я собираюсь обследовать сарайчик со свиным фаршем. Можете побыть со мной, но если вам трудно и тянет блевать, лучше уберите сразу.

– Я выдержу, – напряжённо, сквозь зубы ответил он.

Ну-ну, уязвлённое самолюбие ему в помощь. Равнодушно пожав плечами, магесса отправилась в сарайчик. Она добросовестно изучила останки хряка и возможный путь проникновения твари. Увы, утешительного ничего не имелось. Стало окончательно ясно, что тварь, будучи магической, двигалась по ниточке проклятия, по ней проникала в сарай и только там воплощалась, согласно задумке своего создателя. Чтобы наложить проклятие на хряка, магу достаточно было, например, скормить что-нибудь заранее зачатое – кусок хлеба, яблоко, да что угодно. Естественно, злоумышленнику не обязательно было кормить хряка собственноручно, но, с другой стороны, он мог, проходя мимо загончика, незаметно уронить туда отравленное лакомство.

Айриэ размышляла вслух – специально, ради слегка позеленевшего, но мужественно державшегося Мирниаса, и тот не подвёл, выдав ещё версию:

– А может, он тварь эту свою просто подослал к загону, яблочко подбросить. Раз она магическая и дневного света не боится...

– Вот-вот, запросто, – мрачно поддакнула магесса. – Следовательно, бесполезно пытаться выяснить, каким путём был злодейски проклят покойный элитный хряк. Зачем нужны были эти веночки с браслетами, я не представляю, но, может, это у нашего

неизвестного мага чувство юмора такое затейливое.

– А этот ф-фарш зачем? – нервно сглотнул юнец.

– Чтобы отвлечь одну слишком самоуверенную магессу, – ещё мрачнее поведала Айриэ в приступе самокритичности. – Кстати, Мирниас, ловите магическую картинку. Хотя бы будете знать, с чем столкнётесь, если вдруг доведётся.

Айриэннис извлекла из собственных воспоминаний изображение твари, и на фоне дощатой стены сарая появилась чёткая, цветная магическая картинка. Мирниас внимательно её рассматривал, запоминая.

– В жизни не видел ничего подобного, – признался он недоумённо.

– Аналогично, хотя я постарше вас буду, – усмехнулась магесса. – Но этот монстр – штучный экземпляр. Его выдумал наш таинственный маг – тот, который тварью управлял. Точнее, он выдумал облик монстра, способ же создания подобных... магических питомцев изобретён ещё в древности. К счастью, почти забыт, но крупницы сведений нет-нет да и всплывают непрошено.

– Он очень талантлив, выходит, – со странными нотками в голосе протянул Мирниас.

– Не без этого. Мирниас, эта тварь может оказаться относительно безобидным доренгом, который не питается ничем, кроме магической силы своего хозяина. Доренги не слишком агрессивны, они были задуманы скорее как защитники. А вот если это хогрош.. тогда скверно. Хогроши агрессивны, и им нужна свежая кровь раз в несколько дней. Значит, он будет охотиться.

– На кого?

– Хороший вопрос. Хогрошу, чтобы поддерживать жизнь, достаточно крови животных, но он будет сильнее, если попробует человеческую.

– Вот же мохнатая орочья задница!.. – ругнулся Мирниас. – Кто он, этот маг, как вы думаете, мэора Айнура? И зачем ему этот... жестокий фарс?

– Кто – понятия не имею, но рассчитываю найти. Помните, к какому Ордену я принадлежу? Раз уж я здесь оказалась в тот момент, когда наш маг... счёл нужным проявиться, то теперь найти его – моя задача. Вам, Мирниас, вовсе не обязательно участвовать.

– Потому что я слабак и дал повод заподозрить себя в трусости? – Он вскинул голову, раздувая ноздри, однако попытка выглядеть величественным провалилась. Айриэ трудно было впечатлить позами и гримасами.

– Потому что вы – хороший артефактор, а можете стать ещё лучше, – совершенно спокойно ответила она. – И для вас будет полезнее заниматься тем, что у вас получается. Впрочем, если вас снедает жажда приключений, можете остаться. Если не смогу вас больше выносить, вы об этом узнаете первым.

– Благодарю, мэора, за столь лестное мнение. – Долговязый маг старался быть саркастичным, но получалось плоховато, смотрелся он скорее забавно. И голосок обиженно срывался.

Но магессе было не до мальчиговых обид. Она размышляла, что предпринять дальше. Пожалуй, надо бы наладить контакты с местными речными обитателями. Русалки должны знать хотя бы, куда делась нечисть и где именно она выбралась из воды.

– Мирниас, вы как, с местными русалками дружите?

– Что? – вытаращился он. – З-зачем? Они же враждебны магам. То есть заклинанию призыва подчиняются как миленькие – куда им деться от древнего договора, но зато потом...

На любой приказ носом крутят и посылают откуда пришёл. Дружить ещё с этими... полурыбинами.

– Ну да, что это я, в самом деле, – устало выдохнула Айриэ. – Русалки – безусловное зло, ибо смеют нагло защищать свой дом от посягательств людей и магов. Ладно, не забивайте себе голову ненужными сведениями. Лучше скажите, вы не слышали, чтобы в Кайдарaxe имелся кто-нибудь с зачаточными магическими способностями? Кроме той бабки-знахарки, которую приглашали лечить сына Нарваса?

– Нет, не слышал, – в задумчивости наморщил лоб Мирниас. – Бабка Фенра – единственная. Кстати, говорят, её давным-давно обследовали маги и даже не сочли нужным обучать владению даром, настолько он слабенький. Знахарка умеет только лечить, да и то совсем немного. Но травы знает замечательно, её отвары и мази помогают безо всякой магии.

– Больше никого?

– Нет. В Кайдарaxe я был единственным магом... до вашего приезда, – криво улыбнулся он. – Так что я тут – самый подозрительный. Не меня ли ищете, мэора?

– Вам виднее, – отмахнулась Айриэ от его попытки пошутить.

– Что, этим неизвестным магом действительно может оказаться любой?

– Теоретически – да. Единственное, что я могу сказать с уверенностью, – это мужчина, по магическому следу чувствуется.

Мирниас немедленно сунулся проверять и кисло сообщил:

– А я бы его пол не определил. Потому что у меня силёнок мало?

– Или у мага – способности значительно выше средних. К тому же, не переживайте, далеко не каждый маг способен что-то определить по оставленному чужому следу. У меня это природный талант, моих заслуг тут нет.

– Мэора Айнура, но ведь этот маг не может быть необученным? То есть он же непременно должен был окончить одну из магических академий?

– Ну окончил, и что дальше? Мы же не знаем, где и когда. Допустим, учился не в Юнгироде, а где-то ещё. Сюда прибыл вообще под видом обычного человека и ни разу не выдал, что владеет магией. Вот и скажите мне, Мирниас, как вы определите, что маг – это маг, если он не колдует у вас на глазах? И о дипломе своём скромно молчит? Вот то-то и оно, что никак. Вы не знаете, кстати, кого-нибудь подходящего? Поселился в Кайдарaxe недавно – скажем, в течение последнего года. Возможно, имеет дворянское происхождение, но не обязательно.

– Нет вроде бы, – с сомнением протянул молодой маг. – Я никого подходящего не припоминаю. Но я вообще не очень хорошо знаю местных жителей. Вы лучше хозяина таверны спросите, вот уж кладёшь всяческих местных новостей.

– А среди обитателей Файханас-Манора? – рискнула спросить Айриэ, хотя, в общем-то, не следовало подавать идею, что она может подозревать кого-либо из герцогской семьи.

– Кузены его светлости живут в замке постоянно. Ещё есть друзья мэора Орминда – приезжают, уезжают, гостят, порой месяцами. А что, мэора Айнура, вы всерьёз думаете, что это кто-то из замка? – с любопытством поинтересовался Мирниас.

– Нет, что вы, я просто на всякий случай интересуюсь, – безмятежно откликнулась магесса. – Ну ладно, здесь мне больше делать нечего. Я к реке, побеседовать с русалками. Вы со мной, Мирниас?

– Если не возражаете, мэора. Только я пешком...

– Что же вы коня не взяли?

– У меня его нет. – Молодой маг постарался сказать это небрежно, но уши предательски покраснели. Отметив про себя довольно потёртую одежду Мирниаса, Айриэ пришла к выводу, что он, скорее всего, сидит без денег. Обычная история, наделал долгов во время учёбы – книги там всякие, редкие компоненты для зелий, студенческие шалости и прочее. Теперь почти всё невеликое жалование контрактника уходит на оплату долгов. А крестьяне имеют обыкновение оплачивать работу мага натурой, поэтому голодным он сидеть не будет, но денег на лошадь накопит не скоро.

– Ну ничего, поедете со мной, тут же недалеко.

Подошедший Нарвас услышал их разговор и понятливо отправил сына оседлать коня магессы. Айриэ, вспомнив об обещании прибраться, запустила обычное заклинание очистки, уничтожившее ?фарш? и следы крови. Только магии пришлось использовать гораздо больше обычного. Проклятие, наложенное на хряка, в сущности, перестало существовать в момент его смерти, а остаточный след вскоре должен был развеяться. Так что новому обитателю сараюшки, равно как и его хозяевам, ничто не угрожало, но наглядности ради магесса использовала ?спецэффекты?: клубы зелёного дыма, якобы очистившие сарайчик от ?зла?. Фермер и батраки уважительно покивали, Мирниас едва слышно хмыкнул. Нарвас дождался, когда дым развеется, и с благодарностями протянул магессе мешочек с монетами. Та, прикинув вес на ладони, развязала кошель и отсчитала себе пяток золотых ?корон?, остальное решительно вернула хозяину:

– Вы переплатили, брай Нарвас, мои услуги столько не стоят.

– Но как же, мэора Айнура...

– Драконьему Ордену золото даёт король, с людей мы берём небольшую плату, – напомнила Айриэ официальную версию. На самом деле, Орден содержал себя сам, зарабатывая деньги разнообразными, вполне легальными способами. Не хватало ещё от властителей зависеть: если понадобится, Драконий Орден диктует свою волю, а не наоборот. Магесса подмигнула искренне огорчённому фермеру: – Давайте, брай, вы мне лучше копчёного мяса пришлёте – к Гриллоду на постоянный двор.

– Сделаем в лучшем виде, мэора! – повеселел Нарвас.

– Мэора Айнура, вы уверены, что ваш конь выдержит двоих? – с сомнением осмотрев саврасое недоразумение, спросил Мирниас. – Может, я лучше пешком? Тем более что я с лошадьми не очень...

– Полезайте в седло, я впереди сяду, – недовольно приказала Айриэ, первоначально намеревавшаяся устроиться в седле сама, а мага посадить сзади. Но если грохнетя по дороге, проблем будет больше. Ей-то что, она удержится. Ухватив поводья, распорядилась: – Держитесь за меня как следует, что вы жеманитесь, Мирниас? Женщину никогда за талию не брали? Не хватало мне, чтоб вы свалились по дороге.

Долговязый юнец сдавленно пробормотал что-то неприветливое; его длинные пальцы сжались на тонкой талии магессы, однако держался он всё равно скованно, напряжённо. Неужели так лошадей боится? Чему только этих юнцов в Магической Академии учат...

Оказавшись снова на берегу, Айриэ спустилась к воде и, погрузив пальцы в воду, послала заклятие призыва. Примерно через четверть часа из воды появилась русалка: зеленоглазая, с зеленоватыми шелковистыми волосами до талии, с роскошными крепенькими грудками – естественно, ничем не прикрытыми. Мирниас с большим интересом уставился на русалочьи богатства, несмотря на давешние рассуждения о

?полурыбинах?. Мокрый хвост с силой шлёпнул по воде, его обладательница недовольно прищурилась:

– Кому тут из сухопутных так утопнуть не терпится? Я солнца не люблю, за призыв днём и впрямь ведь утопить могу...

– Я тебе не обычный человек, чтоб мне водоросли на уши вешать. – Угрозы водяной девы оставили магессу совершенно равнодушной. – Солнце тебе ничем не мешает. А у меня дело есть, потому и призвала. Некогда мне вечера ждать, след исчезнет.

– С чего ты взяла, что я тебя вообще слушать буду?

Русалки традиционно считались нечистью, не слишком дружественной к людям, но на самом деле были практически безобидными. Развлекались светлыми летними ночами с молодыми парнями, но никого против воли с собой не тащили. Другое дело, какой же нормальный мужчина устоит перед хоть и мокрой, но весьма привлекательной особой, недвусмысленно желающей поразвлечься? Русалки честно возвращали мужчин наутро – живых, но хорошо отлюбленных. Дело в том, что своих мужчин у них не имелось, так что сексуальное удовлетворение совмещалось с заботами о продолжении рода. И не от всех мужчин русалки могли зачать, так что попыток приходилось делать немало... ко взаимному удовольствию. Русалки первыми никогда не нападали, и если не причинять им вреда, никого утопить не пытались, вопреки распространённому мнению. Впрочем, злобные слухи о русалках ходили по вине ревнивых человеческих женщин, мужчины-то скромно помалкивали и только блаженно жмурились, с благодарностью вспоминая молодость и жаркие летние ночки.

Маги – не все, правда, а только самые разумные – с русалками старались не ссориться, но водяные девы их всё равно встречали не слишком приветливо. Заклинание призыва заставляло русалку против воли бросать все дела и мчаться на зов, а свободолобивым зеленоволосым девам принуждение было не по нраву. Хотя сотрудничество с магами приносило русалкам ценнейшие для них амулеты – очистители воды. Дело в том, что русалки могли жить только в кристально-чистой воде, но вынуждены были держаться поближе к человеческим поселениям. А там, где живут люди, вода, увы, редко бывает по-настоящему чистой, вот поэтому русалкам приходилось пользоваться амулетами.

– Так я не задаром поговорить хочу. Пять очистителей заряджу, идёт? Каждый не меньше года проработает.

Русалка недоверчиво прищурилась:

– С чего это вдруг такая щедрость?

– Мне нетрудно, а вам приятно. Я настроена на взаимовыгодное сотрудничество, – благодушно поведала Айриэ, ничуть не покривив душой.

– А взамен что попросишь?

– Ничего, что вы бы не могли выполнить. И успокойся, чешуек ваших и волос мне не нужно. Просто сведения, ничего больше. – Чешуйки и волосы русалок считались редкими и ценными компонентами некоторых магических зелий. Из-за них-то маги, главным образом, и сотрудничали с водяной нечистью, которая чешуйки отдавать не любила, даже за заряженные амулеты. – Давай, неси очистители, заряджу их тебе... авансом.

– А не боишься, что обману? – захохотала зеленоволосая.

– Напугала ёжика приспущенными штанишками! – насмешливо хмыкнула магесса. – А то я не знаю, что русалкам самоуважение дороже.

– Много знаешь, – буркнула зеленоволосая, но в голосе звучало одобрение, а вовсе не

порицание.

– Меня, кстати, можешь называть Айнурой. А к тебе как обращаться, русалочка?

– Хм, не та ли Айнура, что помогла моей родне из озера Брайхан, что возле Юнгира? –

Прозрачные зелёные глаза впервые смотрели по-настоящему приветливо, даже, пожалуй, с уважением.

– Было дело, – не стала отпираться магесса. В начале лета ей довелось ловить в озере Брайхан поселившегося там монстра, успевшего убить трёх русалок и пятерых людей. Дело происходило, кстати, неподалёку от летней резиденции герцогов Сэйбаон. Что никоим образом не говорило о причастности Сэйбаонов, хотя точно так же не доказывало и обратное. – Я смотрю, в воде новости разносятся быстро.

– Я – Таллани, – представилась русалка и заявила: – Я буду иметь с тобой дело, но пришла ты в очень неподходящей компании. Значит так, я сейчас сплаваю за амулетами, а когда вернусь, чтобы вот его и духу здесь не было. При нём разговаривать не стану.

Мирниас, в которого русалка невежливо ткнула пальцем, зло сощурился и опять запламенел ушами.

– Что он тебе сделал? – удивилась магесса.

– Не мне, одной из нас. Он знает, – презрительно процедила русалка.

– Послушай, Таллани, поищи, пожалуйста, магический след, оставленный одной тварью, а то он совсем скоро развеется, – попросила Айриэ. – Сможешь проследить, куда ведёт?

– Это той твари, за которой ты недавно гналась? Смогу, конечно.

– А кто тварью управлял, может, сумеешь сказать?

– А вот это не в моих силах, уж извини, Айнура. Даже если вон этот управлял, – насмешливо глянула она на молодого мага, – и то не опознаю. Всё, пусть убирается, хватит ему у нашей реки торчать!

Айриэ развела руками:

– Слышали, Мирниас? Уж не обессудьте. В конце концов, вам виднее, что вы с русалками не поделили, но это было крайне недальновидно.

– Вашего совета я не спрашивал! – грубо огрызнулся маг и, круто развернувшись, зло зашагал прочь.

Немедленно выкинув вздорного юнца из головы, Айриэ занялась проблемами гораздо более важными. Как сообщила Таллани, тварь выбралась из воды возле мельницы. Больше никакой ценной информации магессе не перепало, если не считать показанного русалкой удобного для купания местечка.

Прижимая к себе заряженные очистители, русалка напоследок посоветовала, загадочно улыбнувшись:

– Поговори с мельничихой. Тебе будет интересно. И поможет найти то, что ты ищешь.

Плеснула хвостом и была такова. А магесса, в задумчивости постояв на солнцепёке и послушав крики местной ребятни, купавшейся на мелководье чуть выше по течению, решительно повернула в противоположную сторону, к мельнице, чья буровато-красная черепичная крыша возвышалась вдалеке над прибрежными плакучими ивами. Подошедший сзади Шоко ткнулся хозяйке в плечо: мол, а я на что? Усмехнувшись и легонько потрепав коня по бархатному носу, магесса всё-таки взобралась в седло и неторопливо потрусила к мельнице. Не доезжая ярдов ста до старого, но крепкого, по-гномьи добротного выстроенного сооружения, магесса вновь спешила и заткнула поводья за луку седла. Шоко можно было

совершенно спокойно отпускать бродить вокруг, никуда он от хозяйки не денется, а чужого к себе вообще близко не подпустит. Иногда Айриэ казалось, что, даже не будь между ними магической связи, Шоко хватало бы природного ума, чтобы быть достойным, надёжным спутником странствующего мага.

– Жди здесь, никуда не уходи, – приказала коню магесса, оставляя его посреди лужайки с сочной молодой отавой, а сама двинулась к мельнице. Вокруг никого не было видно, мельников двор был пуст и безлюден, но глазастая магесса заметила на противоположном берегу какое-то движение в кустах. Подумав, не стала окликать хозяев, а перешла реку по мосткам у запруды и бесшумно двинулась в лесок, где заметила две фигуры, выделявшиеся своими светлыми одеждами в зеленоватом полумраке, среди высоких замшелых стволов.

Молодая женщина – тоненькая, в белой крестьянской блузе и длинной, но лёгкой голубовато-серой юбке; её светловолосый спутник – в белой рубашке с закатанными рукавами и тёмно-зелёных штанах, заправленных в высокие сапоги. Простолюдинка и дворянин (вероятно, один из Файханасов) на тайном свидании? Дело житейское, но русалочка намекала на что-то интересное. Пойти подслушать, что ли? Не слишком приятное занятие, по правде говоря...

Лениво двинувшись в ту сторону, где скрылась парочка, Айриэ не озаботилась даже набрасыванием ?отвода глаз?. Она и так умеет бесшумно ходить по лесу, не хуже эльфов, да и близко подходить не станет. Только послушает немного, о чём беседуют влюблённые – вдруг русалка права, это окажется чем-то полезным. Чужие интрижки Айриэ, признаться, волновали мало, да и вообще, женщина была слишком молода. Вряд ли это мельникова жена, скорее уж дочь: виденному мельком в деревне мельнику было лет пятьдесят, не меньше.

Свидание проходило на маленькой полянке, светлые одежды просвечивали сквозь густую зелень. Ближе магесса подходить не стала: остановилась, как только слова стали ясно различимыми. Девушка говорила совсем даже не кокетливо, скорее чуточку устало и чересчур серьёзно для легкомысленного свидания посреди пронизанного солнцем леса. Выговор у неё был чужой для этих мест – похоже на то, как говорят уроженцы Лиандрии или севера Картивии. Мужской голос был очень молодой, приятный, без заносчивости и высокомерия, хотя его собеседница, вне всякого сомнения, была гораздо ниже по положению. Видимо, юноша был очарован гораздо сильнее, чем она – им.

– ... нет, мэр, прошу вас...

– Ну что ты, Зари? Не бойся, глупенькая, я никогда не сделаю то, что тебе будет неприятно.

– Я знаю, мэр, вы хороший... Только...

– Ну что, Зари, что ты?.. Ну, возьми же цветок, не бойся! Тебе ведь понравилось?

– Он красивый, мэр... спасибо... Только не для меня...

– Да почему же, глупышка? Ты такая же красивая, как эта роза!

Голос девушки дрогнул от сдерживаемого смеха, но и кокетливость в нём наконец послышалась:

– Ну вы и скажете, мэр, прямо уж! Да где же вы во мне красоту разглядели-то?

– Может быть, я просто очень внимательно рассматривал? – Мужской голос нежно мурлыкал; ещё немного – и собеседница неизбежно уступит, куда она денется.

Но внезапно молодая женщина воспротивилась, будто разом стряхнув с себя наваждение:

– Нет, мэр, пустите, прошу вас! Простите меня, простите, но я не могу!.. Я мужа

люблю... И мне пора... мне домой надо, а ещё трав насобирать...

В ответе прозвучала некоторая досада, но не более того. ?Мэор? не рассердился на отказ простолюдинки.

– Как хочешь, Зари. Что с тобой поделаешь, ступай. Или, может быть, тебе помочь?

– Нет, мэор, я сама наберу, благодарствую.

Юноша вздохнул:

– Хорошо, иди тогда. А завтра придёшь? В это же время!

– Мэор, зачем?.. Не мучьте вы меня, не могу я!.. Ну ладно, приду, только... зря вы это...

Айриэ, наслушавшись любовного лепета по самое горлышко, бесшумно и быстро отступила к реке. Вскоре к мельнице прошла молодая женщина, держа в руках пучок какой-то зелени. На мостках у запруды женщина остановилась, поднесла к носу яркий цветок и на некоторое время замерла, вдыхая аромат. Потом размахнулась и безжалостно бросила цветок в воду. Видимо, это была подаренная роза, и от улики очень благоразумно, хотя не без колебания, избавились.

Забавно, какие тут страсти кипят. Неужели это всё-таки была мельничиха? Пока что верная жена, но мельник был в летах, пухленький и румяный как свежесдобитый хлебушек, и лысоватый вдобавок. Не сравнить с юным ?мэором?, который умело подтачивал добродетель молодой женщины. Скоро, наверное, эта крепость падёт, но Айриэ-то какая разница? Чем это может помочь найти таинственного мага, она пока не видела.

Стало совсем жарко, и Айриэ решила совершить омовение. Немного выше по течению от мельницы, имелось спокойное, укромное местечко, указанное русалкой. По обоим берегам росли высокие ивы, полоскавшие в воде изящные ветви. Течение здесь было совсем сонное, незаметное, будто убаюканное тишиной и прохладной, густой тенью. Дно оказалось чистым, песчаным, без мути, а глубина и ширина реки – вполне достаточной, чтобы хорошо поплавать.

Скинув с себя всё, вплоть до белья, Айриэ с наслаждением окунулась в зеленоватую прохладу. Никто не нарушал её уединения, кроме снующих над водой сверкающих стрекоз, да стыдливо напевающих в ивах птичек. Их песенки были совсем незамысловатые, но какие-то мятно-освежающие, чудесно гармонизировавшие с таким ленивым днём, истекающим потихоньку подходящей к концу летней жарой.

Айриэннис полностью расслабилась, поддавшись царившей вокруг безмятежности. Наверное, поэтому он смог появиться настолько внезапно. Тоже, видимо, умел ходить по-эльфийски бесшумно... Айриэ ненадолго отвела глаза от берега, а когда повернулась, то возле её вещей стоял юноша, раздвинув тонкую завесу ивовых ветвей. Айриэ нащупала ногами дно и выпрямилась, хладнокровно рассматривая пришельца, стоявшего от неё в нескольких ярдах. С её обнажённой груди стекали капли воды, что заставило юношу сглотнуть и почти не моргая, уставиться на магессу с таким восхищением, что непонятно становилось: что он там такого необычного мог увидеть?

Юноша был тоненький, изящный, чуть выше шести футов, с гривой из золотистых, чуть вьющихся волос, длиной до середины шеи, и открывавших высокий лоб. Скулы немного резковаты, глаза большущие, серые, но медленно потемневшие до серо-лилового цвета, какими бывают иногда облака на закате или перед грозой. Взгляд юноши выражал самые различные эмоции, от ошеломления до восхищения, но, самое главное, он был

живым

и отражал внутренний мир, который у этого человека, вне всякого сомнения, был

богатым, несмотря на явную молодость. Людей с пустыми глазами, которых никогда не озаряли подлинные эмоции и искренняя улыбка, Айриэ откровенно не любила. Именно взгляд побудил её быть непривычно снисходительной и придержать свой злой язык, спокойно дожидаясь реакции незнакомца.

На вид он казался не старше двадцати и чем-то неуловимо напоминал герцога Рольнира Файханаса, а потому был несомненным представителем этого славного рода. Одет он был в белую рубашку с воротом на шнуровке, тёмно-зелёные штаны и высокие сапоги. Выходит, это и есть тот пылкий кавалер, что недавно пытался соблазнить симпатичную мельничиху? Когда он заговорил, сомнения Айриэ рассеялись: голоса она запоминала хорошо.

– Прошу прощения, мэора, за неподобающее поведение. Я, было, принял вас за русалку.

– Как видите, я не она, – пожалала плечами магесса, выбираясь из воды на берег. Юноша с усилием заставил себя вежливо отвести глаза, и она щедро позволила: – Да смотрите, кто вам не даёт. Меня вы никоим образом не стесните.

Признаться, она рассчитывала, что юнец покраснеет до ушей и в ужасе сбежит. А он взял и воспользовался разрешением. Правда, скулы всё-таки чуть заметно порозовели, но больше никаких признаков смущения в нём не обнаружилось. Наглости тоже не наблюдалось, только немного сексуального вожделения и искреннее восхищение, а ещё задумчивость и что-то такое в глазах, что трудно поддавалось определению. Впрочем, магесса к детальному анализу не стремилась: его личное дело, что хочет, то и чувствует.

– Благодарю вас, мэора, и с радостью воспользуюсь вашим разрешением. – Не сразу ответил он. Его глаза уже смеялись.

Однако же хм-м-м... мальчик, определённо, начал ей нравиться, и Айриэ твёрдо решила в его присутствии поменьше кусаться и язвить. Естественность и непринуждённость, а ещё искренность – неподражаемый коктейль, его надо смаковать медленно и с наслаждением. Покусать можно и кого другого, теща свой, в общем-то, гадкий (Айриэ это честно признавала) характер.

Активировав заклинание просушки, магесса быстро обсохла, оставив волосы чуть влажными, так прохладнее. Юноша дождался, пока магесса оденется, и только тогда учтиво наклонил голову:

– Позвольте представиться, мэора, Фирниор Ниарас, двоюродный племянник герцога.

– Айнура, странствующий маг, – коротко представилась она.

Глаза юноши расширились:

– Насколько мне известно, лишь самые могущественные маги пользуются одним именем, без фамилии.

– Если я напишу нетленный труд по магии, я обязательно подпишу его именем и фамилией, – заверила его магесса. – Но в повседневной жизни мне хватает и этого. А теперь позвольте откланяться, рингир Ниарас.

– Вы уже уходите, мэора? – кажется, искренне огорчился он. – Надеюсь иметь счастье лицезреть вас в Файханас-Маноре.

– Если его светлости или кому-то из обитателей замка понадобятся мои услуги, буду рада. Насколько мне известно, у герцога нет личного мага?

Ей показалось, при этом вопросе в глазах юноши промелькнула тень, он чуть нахмурился.

– Нет, мэора Айнура, мы обходимся услугами кайдарахского мага-контрактника, мэора Мирниаса Сидейона. Он ?бытовик? – артефактор. Но если его светлости понадобится что-то особенное, он наверняка обратится к вам. Как долго вы планируете пробыть в Кайдарахе?

– Примерно месяц. Если понадобится, я живу на постоялом дворе брая Гриллода, – сообщила Айриэ, несколько не сомневаясь, что самому герцогу уже известно о появлении в его владениях драконьего мага и месте его проживания.

ГЛАВА 5

Магесса отправилась к мельнице. Во дворе дома мельника на сей раз находилась девушка лет шестнадцати или постарше, и Айриэ окликнула её. Хозяин оказался дома, и на мельнице немедленно поднялся маленький переполох: гостья была невиданная, редкостная, и хозяевам не хотелось ударить в грязь лицом.

– Не надо суеты ради меня, брай, – попросила магесса хозяина. – Мне бы только холодненького чего-нибудь выпить – сидру, например. Жарко сегодня.

– Это да, мэора, – мельник степенно качнул лысеющей макушкой, поддерживая разговор и одновременно делая рукой знак жене и дочери принести требуемое. Подумал и почесал свой мясистый нос с крупными, тёмными порами, выдав глубокомысленно: – Но скоро уж зной спадёт, дело-то к осени.

Увлекательная беседа о погоде продолжалась, пока жена мельника не принесла не то из погреба, не то из холодильного шкафа запотевший кувшин. Следовавшая за ней по пятам девушка доставила кружки. Крутившийся возле стола круглоглазый мальчишка любопытно тарасился на гостью и едва не вышиб из рук мельничихи кувшин, за что схлопотал от отца подзатыльник и горестно зашмыгал носом, размышляя – зареветь или нет.

– Не тронь его, Нэйс, – попросила мельничиха и, поставив кувшин на стол, притянула к себе мальчика. – Он ведь не хотел ничего дурного, правда, Ройби?

– Я нечаянно, Зари, прости! – Мальчишка улыбнулся и, как котёнок, ткнул мачехе головой в бок.

– Зари, ты о нашей уважаемой гостье забыла, – с притворной грозностью напомнил мельник, но видно было, что он не сердится по-настоящему.

Мельник с улыбкой и даже с каким-то умилением смотрел на хлопоты своей юной жены. Её никак нельзя было назвать красивой: невысокая, худенькая, серенькая мышка с остреньким носиком и мышиноного же цвета волосами. Улыбалась она робко, быстро, открывая неровные, выступавшие вперёд передние зубы. Но зато когда улыбка медленно

докатывалась до глаз – голубых в жёлтую крапинку, казавшихся чересчур большими для такого маленького личика – то вокруг будто солнышко начинало сиять. Неяркое, тёплое и очень ласковое, сумевшее согреть и немолодого мельника, и неродных детей, смотревших на свою юную мачеху с обожанием.

Пожалуй, Айриэ могла понять, почему юный, довольно симпатичный Фирниор Ниарас так заинтересовался этой, казалось бы, невзрачной малышкой. Он смотрел внутрь и видел то настоящее, что скрыто в этой тихой, доброй девочке. Но ловить тут юноше, пожалуй, было нечего. Зари действительно любила своего некрасивого, лысеющего и немолодого супруга, хотя это казалось невероятным. Впрочем, Айриэннис на своём веку повидала многое, чтобы сейчас удивляться неподдельной нежности, с какой Зари относилась к мельнику. Значит, было за что, и это в её глазах явно перевешивало молодость и привлекательность блестящего, богатого и щедрого мэора из герцогской семьи. Айриэ неожиданно поймала себя на мысли, что ей будет искренне жаль, если неосторожный юноша своим капризом разрушит это тихое, ласковое, но такое удивительно настоящее счастье.

Выпив кружку холодного, вкусного сидра, с добавленными свежими листьями мяты и монарды, магесса с удовольствием похвалила хозяйку. Жена мельника вспыхнула от удовольствия:

– Благодарю, мэора, рада, что вам мой сидр приглянулся. Я для мужа делала, это его любимый, с мятой.

Мельник ласково усадил жену рядом с собой, чмокнул в гладко причёсанную макушку, а Зари улыбнулась застенчиво и притулилась головой к плечу мужа, пряча покрасневшее личико. Потом, окончательно засмутившись, убежала на кухню и загремела там посудой, а через некоторое время вместе с дочкой мельника вышла во двор.

– Давно вы женаты? – из вежливости поинтересовалась магесса.

– Да три года уж, – с удовольствием ответил мельник и вдруг помрачнел. – Я мою Зари у её тётки перекупил. Та, дрянь бессердечная, таверну с постоянным двором держала, а Зари у неё с утра до ночи надрывалась, посетителей обслуживая. Да, видно, упырихе старой мало показалось, хотела девчонку посетителям продать. Кто, мол, больше, заплатит, тому и девственность её достанется. А я как раз в той таверне остановился, увидел такое дело, ну и... не смог мимо пройти. Зари там стояла, сжавшись, как мышка напуганная, только глазищи в пол-лица сверкают да слёзы катятся. Моя-то дочка немногим младше... В общем, наорал я на упыриху старую, отсыпал ей десяток золотых ?корон?, да и забрал Зари с собой. Дело в Лиандрии было, я туда по наследственным делам ездил. У нас бы герцог такого nepотребства ни в жизнь не допустил – чтоб девчонками, как рабынями, торговали.

Айриэ сочувствующе хмыкнула, чтобы поддержать разговор. Хотя в общем и целом была согласна. Вот то-то и оно, управлять своими землями герцог Файханас умел превосходно. Не выбери он такой неприглядный способ избавиться от короля Кайнира и не увеличь тем самым нестабильность магической оболочки мира, Орден, скорее всего, не стал бы вмешиваться. Цинично, но практично. Просто потому, что драконьих магов ничтожно мало, на всех не хватит, а Айриэннис и вовсе тут одна такая... Однако Запретная магия – то, что без внимания не оставишь, слишком большую опасность она несёт для всего Акротоса. Маги, способные использовать эти грязные заклинания, к счастью для этого мира, рождались редко, даже не каждое столетие. Но любого чёрного мага необходимо было выследить и уничтожить как можно скорее.

Усмехнувшись смущённо, мельник продолжил:

– Я тогда уже несколько лет как вдовел, но хозяйку новую в дом брать не хотел. А Зари, думал, служанкой будет, потом замуж за кого-нибудь пристроим. Я-то стар для неё слишком... а она, вишь, меня выбрала. Да не ради денег, она и тогда от моих подарков отнекивалась, и сейчас обновок с побрякушками не просит. Так как-то оно у нас само сладилось, Зари – она же как котёнок ласковый, доверчивый. Ей не золото с серебром ценно, а доброе отношение. За то и полюбила, говорит... Детям моим если не матерью, так сестрой старшей стала, они в ней души не чают. Повезло нам с ней, мэора, она ж как солнышко в дом наш вошла.

Айриэ кивнула, а мельник, спохватившись, извинился:

– Совсем заболтал я вас, мэора, а ведь вы, наверно уж, не мои рассказы послушать пришли. Простите, что докучаю. У вас какое-то дело ко мне, мэора?

– Да не то чтобы дело, спросить хотела, брай мельник, а не замечали вы в последнее время ничего необычного? Слышали, что на ферме брая Нарваса случилось?

– Был я с утра в лавке, так там об этом лишь и треплются. И каждый своё рассказывает, а толком-то никто ничего не знает. Но вы-то, мэора, лучше всех знать должны...

Айриэ коротко рассказала о случившемся и добавила:

– Та тварь, что Бакаса похитила, ушла под воду, а вынырнула, судя по магическому следу, где-то возле вашей мельницы. Вот я и хочу спросить, не видели вы ничего... странного?

Мельник насупился и снова почесал нос, на сей раз чуть ли не с ожесточением.

– Вы, мэора, уж не меня ли, часом, подозреваете, что я эту тварь прикормил, да на людей спускаю?

– Да богини с вами, брай, и в мыслях не было! – замахала руками магесса.

– А-а, – чуть подобрел мельник, – а то я уж подумал... У людей же, сами знаете, про мельников всегда куча баек припасена. И с нечистой-то силой мы знаем, и колдовские дела всякие на мельницах творятся... тьфу!

– Брай, а знаете, сколько баек про магов рассказывают, ещё почище тех, что про мельницы сочиняют? – усмехнулась Айриэ. – И ничего, живём как-то. Если все глупости, что люди от нечего делать придумывают, близко к сердцу принимать, так и жить некогда будет!

– Ваша правда, мэора. Пусть их болтают, – хохотнул мельник. – Ну а касаясь вашего вопроса, так не видел я ничего странного. Но если уж, как вы говорите, нечисть начала среди бела дня шастать, злые времена наступят.

– Нечисть я выслежу и уничтожу, но ещё больше хочется побеседовать с её хозяином, – прищурилась магесса. – Знать бы ещё, кто он... Вы как, брай, не знаете случайно, кто в Кайдарахе может магией баловаться? Ничего такого не слышали?

– Разве что про меня брешут, я уж говорил, – криво улыбнулся мельник. – А так не слышал, мэора. Знахарка у нас, так она сроду людям вредить не думала, всю жизнь только добро от неё и видели. Лечит она больных травками, да слабенькими заговорами, вот и всё колдовство. Ну а про мэора Мирниаса сами знаете, наверно.

– Ну и как он вам? – с любопытством спросила магесса.

– Ну как... – неопределённо побряхтел мельник, трогая нос. – Он у нас, конечно, всего год живёт, но видно, что человек вроде неплохой. Молодой ещё, так это пройдёт. Не сказать, чтоб он сильно усердствовал в работе, но магические штуки заряжает, они исправно работают, а чего ещё от мага надо? А про то, чтоб он каким чёрным колдовством баловался,

так я не слышал, да и кто другой – навряд ли.

– А что прежний маг, который герцогам служил?

– Магистр Стейриг? Так он умер, года три уж как. Но маг был хороший, сильный, только вот перед деревенскими немного нос задирает, не на всякую работу соглашался. Как же, сам из благородных, да ещё герцог наш его чуть не за родню свою держал, оно и понятно. Раньше-то, в молодости, мэрор Стейриг, говорят, немало всякой нечисти истребил – на севере Дилиании, в болотном краю порезвился. А у нас тут, богини миловали, спокойно было до сих пор. Мэрор Стейриг герцогам долго служил, лет десять. А потом завёлся какой-то упырь в старом герцогском склепе – опасный, говорят, особенно если б ему в силу войти дали. Мэрор упыря того убил, раньше чем люди пострадали, но и сам жизнь геройски положил. Про упыря-то и узнали потом только, когда маг погиб, а его светлость мэрора Стейрига героем объявил.

Мельник помолчал и помялся, словно размышляя, рассказывать дальше или нет. Магесса его не торопила, рассчитывая, что так мужчина быстрее решится.

– Так, мэрора, вроде всё гладко да складно выходит. Да только служила в замке племянница моей покойной жены, кухарке помогала. И вот сказывала девка матери своей, будто нечисто в замке что-то. В подвалах древних под замком, куда слугам хода нет, вой иногда раздаётся по ночам, а то и крики нечеловеческие... Оно, конечно, может, это всё девка придумала, или просто со страху померещилось чего, в коридорах-то тёмных. Ну или подшутил кто, из озорства.

– Всё может быть.

– Ну да, мэрора. Только слышал я те рассказы, и сдаётся мне, девка верила в то, что говорила. А ещё, всё там одно к одному, мэрор Стейриг часто запирался где-то в тех подвалах. Говорили, мол, своими колдунскими опытами занимается, чтоб, значит, лучше герцогу служить и защищать замок в случае нужды. Мастерство, дескать, повышал.

– И что, он сам монстров создавал, чтобы потом уничтожать... для тренировки? – невинно осведомилась магесса.

– Да нет, мэрора, о таком никто не болтал, – неохотно признал мельник. – У нас раньше нечисть по Кайдараху днём не бегала. Вот в давние времена, да, было дело, если сказки не врут, а потом повывели, редко какие твари страшные появляются. Да только знаете что, мэрора, ведь если так подумать, то вроде неоткуда тому упырю в склепе завестись было. Ладно б, умер кто недавно, да не просто, а дурной смертью, тогда да. А так всё тихо-мирно было, мы ж о том упыре вообще задним числом узнали. Он никого не убил, никого не порвал... собаки какие разве бродячие пропадали, так кто ж их считает? Откуда же мэрор Стейриг о нечисти узнал? Заранее, что ли, угадал? Так после смотритель кладбищенский, который заодно и за герцогским склепом фамильным приглядывает, говорил, что ничего, мол, не видал и не слыхал. Ни на кладбище, ни в самом склепе. Кому и знать, как не ему.

– А погибшего мага где нашли?

– Так в склепе же герцогском. Упырь его сильно порвал, но лицо почти не тронул, так что мага сразу признали. Крови там было немало... ну и упырь дохлый рядом валялся. Сам я не видел, – поспешил отговориться мельник, – рассказывали. Смотритель кладбищенский и рассказал, мы с ним в таверне у папаши Брэддора любим посидеть порой, поболтать. Его светлости доложили, он сам всё осмотрел, да наследнику показал. А после прислал солдат гарнизонных, они всё там подчистили, мага вынесли, да и похоронили тут же на кладбище. Сам герцог речь прочувствованную сказал – мол, погиб мэрор как герой, но защитил людей от

страшного упыря. Вот на том дело и кончилось, а нового мага в замок так и не позвали.

Размышляя об услышанном, магесса потихоньку двинулась в деревню. Шоко двигался неторопливо, разленившись на жару, и хозяйка его не понукала. Хм, таинственные звуки и завывания в замковых подвалах – дело такое, не обязательно происходившее в реальности, особенно если о них рассказывает юная дева с богатым воображением. Это в том случае, если у племянницы мельника имелось богатое воображение. А если девушка говорила правду, то в наличии у мага специально оборудованной лаборатории для опытов нет ничего странного, равно как и в доносящихся оттуда странных звуках. В конце концов, магистр мог разрабатывать сторожевые заклинания – ?пугалки? и прочие, вот вам и источник завываний.

С другой стороны, Стейриг мог быть искомым магом, если бы не маленькая загвоздка. Собственную смерть можно, конечно, инсценировать, но подделать собственный труп сложнее. Если бы магесса услышала о том, что лицо убитого магистра пострадало от когтей монстра, то это было бы совсем другое дело. Можно было бы выстроить гипотезу о том, что прежний герцогский маг притворился погибшим и теперь укрылся где-нибудь в замке (да вот хоть в тех же древних подвалах) и продолжает верно служить Файханасам. Но сложность тут в том, что на труп иллюзию не набросишь. И наложенная при жизни иллюзия тоже слетит после гибели, так что для инсценировки смерти магистру Стейригу требовался бы двойник. Ну и зачем тогда, спрашивается, такие сложности, если можно было взять любого человека, похожего на мага телосложением, и изуродовать труп лица? Мол, упырь порвал, и точка.

Надо будет потом ещё поспрашивать осторожно, хоть того же кладбищенского зрителя, он-то очевидец тех событий, а не пересказчик чужих слов. Но чутьё подсказывало магессе, что этот путь неверный. Зачем бы зрителю лгать в таком вопросе? Попросили? Если, скажем, его светлость велел... Или всё значительно проще, старый маг действительно погиб и похоронен три года назад, а сейчас действует кто-то другой.

Айриэ отправилась в таверну и просидела там несколько часов, охотно вступая в разговоры с любопытствующими селянами, под различными предлогами заскакивавшими к папаше Брэддору. Если до обеда крестьяне ещё занимались уборочными работами, то в послеобеденное время нечисть одержала безоговорочную победу. Точнее, не она сама, а утренние события на ферме Нарваса. Взбудораженные кайдарахцы ни о чём другом и не говорили, кроме как о нападении наглой нечисти. Айриэ это было только на руку, благо она спокойно могла расспрашивать жителей деревни. Впрочем, получив массу ненужных сведений обо всём, что когда-либо происходило или, по мнению кайдарахцев,

могло бы

происходить, магесса уже не была так довольна.

В общем и целом сегодняшней улов сводился к следующему: про затаившегося и пакостящего людям мага никто не слышал, хотя, вон, у Борласа жена, говорят, ведьма... На свою тещу посмотри, трепло, вот уж кто ведьма настоящая... А ты вообще дурак! И твоя жёнушка кузнецу на Празднике Начала Лета глазки строила!.. Это ты со зла языком треплешь, что она на тебя, пузана, смотреть не захотела, а моя супружница мне верность блюдёт... А про мельника что думаете? Подозрительный он, живёт на отшибе, да жену свою любит... а чего там любить, спрашивается? Ни кожи, ни рожи... А мельничиха-то покойная и вовсе зимой на метле летала совсем даже голая – и не мёрзла. Не, я сам не видал, зато кум мой сказывал... И да здравствует его светлость герцог, пусть богини даруют ему долгие лета и крепких внуков!..

В общем, чем больше пива было выпито, тем красочнее становились гипотезы?. Иного, впрочем, магесса и не ждала, хотя, что скрывать, надеялась, вдруг да и проскользнёт в словах жителей деревни что-нибудь полезное. Маг маскировался настолько хорошо, что о нём никто не слышал. Впрочем, оно и неудивительно, учитывая специфику его магии и то, что он был заочно приговорён к смертной казни, как только использовал своё первое запретное заклинание. Магу, естественно, помогали Файханасы, но чтобы взять их за горло и заставить признаться, придётся немного подождать.

Айриэннис, чтобы не огорчить короля Кайнира и не заставить его разочароваться в Драконьем Ордене, пришлось изображать бурную деятельность и ехать добывать доказательства виновности герцога. Впрочем, пожить немного на природе, в таком приятном месте, и развлечься игрой в прятки с неизвестным магом тоже было весьма неплохо. Магессе нравились такие игры, иногда. Просто сидеть и ждать осени было бы невероятно скучно, а значит, будем развлекаться.

Сам король, безусловно, не порадовался бы, узнав, что дело его жизни и смерти – всего лишь игра для магессы. Впрочем, Айриэ не имела в виду ничего оскорбительного для юнгиродского короля, а про развлечение, разумеется, никогда не сказала бы вслух. Она хорошо относилась к молодому монарху и взялась помогать не из ложного чувства долга, но потому, что хотела помочь.

Кайнира едва не убило некое затейливое проклятие – порождение извращённого ума. Неизвестный пока маг сделал примерно так: поймал и замучил до смерти беременную женщину, скорее всего, ожидавшую первенца. При этом нерождённый плод с соблюдением определённых ритуалов убивали прямо в утробе, пока сама мать была жива. После чего медленно и мучительно умерщвлялась женщина, а её дух и дух нерождённого маг привязывал к некому предмету, не давая развеяться и влиться в энергетическую оболочку мира, как происходит со всеми умершими. В данном случае предметом была щётка для волос, украденная, а затем подброшенная обратно в опочивальню короля Кайнира. Слугу, который, очевидно, выполнил это за некое вознаграждение, а потом внезапно пропал из дворца, так и не нашли. Вероятнее всего, его труп сбросили в реку, чтобы оборвать след, ведущий к магу. Удалось выяснить лишь, что слуга был родом из герцогства Торбиан и в далёкой юности служил тамошним герцогам, но это ещё ни о чём не говорило.

Непосредственно накануне бала король решил добавить последний штрих в свой и так безупречный облик, и схватился за щётку, приглаживая волосы. Дело в том, что его величество, как раз недавно сменивший фаворитку, ещё не наигрался новой игрушкой и был весьма пылок. Чтобы не портить костюм и причёску – как свой, так и его дамы – король перед выходом всего лишь позволил себе страстный поцелуй, но шаловливые пальчики фаворитки чуточку растрепали тщательно уложенные волосы Кайнира. Король оцарапался о миниатюрный шип, торчащий из подброшенной слугой щётки, но даже не заметил этого, поглощённый мыслями о бале и грядущих развлечениях. На щётке для волос осталось крохотное пятнышко крови Кайнира, что и послужило активацией проклятия. Это заодно говорило о том, что магу хорошо известно о привычках короля. Тот не любил лишних нянек?, одеваться и причёсываться предпочитал самостоятельно, без помощи слуг.

После бала король должен был почувствовать себя плохо, потом слёг бы в постель и скончался от неизвестной болезни за три дня. Всё бы так и произошло, но Кайниру повезло, даже дважды. Первая удача состояла в том, что он с юных лет понял все выгоды дружбы с Драконьим Орденом. Его отец драконьих магов недолюбливал и общался весьма холодно:

собственное самолюбие не позволяло смириться с абсолютной независимостью Ордена от королевской власти. Не говоря уже о возмутительной, с точки зрения старого короля, манере магов держаться с ним на равных. Никаких тебе знаков почтения, низких поклонов и ?вашего величества?. На ?вы? и по имени, вежливо, как с равным, а такое не всякий король потерпит, хоть бы и только в разговорах наедине. Надо сказать, этим члены Драконьего Ордена, во-первых, давали понять монархам, что никакая власть абсолютной не является и ненавязчиво напоминали о собственной независимости. Орден жил по принципу ?мы не трогаем, пока не трогают нас?. И ещё: ?нам не нужна власть, но власти над собой мы не потерпим?. Ну, а во-вторых, это был своеобразный тест на ?разумность?, и Кайнир в своё время сдал его блестяще. Потому и получил помощь незамедлительно.

Один из драконьих магов, постоянно живший при королевском дворе, осмотрел Кайнира, когда тот почувствовал странное недомогание, и заподозрил неладное. К слову, простые маги и даже целители терялись в догадках, не понимая, что вызвало болезнь. Будь там эльф, тот бы сразу определил проклятие из арсенала Запретной магии, однако помочь королю всё равно не смог бы. Но эльфа там не имелось, зато, как уже говорилось, был маг, относительно недавно окончивший Драконью Академию и отличавшийся пытливым умом, наблюдательностью и отсутствием глупого гонора. Быстро поняв, что здесь требуется опыт, каким сам он пока не обладал, молодой маг обратился к Высшим Магистрам Ордена. А те известили Драконниар – точнее, Совет Наблюдателей. Поскольку Айриэннис совсем недавно бывала в Юнгире (и ещё нескольких королевствах, но это к делу не относится), ей предложили разобраться с тамошними событиями. Она дала согласие, и появилась в юнгиродской столице – правда, в другом облике, не нынешнем.

Второе, в чём несказанно повезло Кайниру, это то, что бал состоялся накануне дня летнего солнцестояния. Король почувствовал себя плохо ночью, когда уже наступили следующие сутки. День, особый для некоторых магов, к коим относилась и Айриэннис. Благодаря дню солнцестояния она сумела прибыть в Юнгир очень быстро и с обидной для придворных целителей лёгкостью расправилась с королевской болезнью. После чего магесса лично изготовила королю защитный ?драконий? амулет, чтобы защитить от Запретной магии. В Акротосе о ней чуть ли не два с половиной столетия не слышали...

Проклятие не успело нанести вреда Кайниру, однако и выяснить по остаточному магическому следу, кто же это такой затейник, Айриэ сразу не удалось. Равно как и королевским дознавателям, но уже по следам обычным, оставленным в реальном мире.

Пустившись в воспоминания, Айриэ отрешилась от происходящего в таверне, но сразу очнулась, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд. Через три столика от неё сидел, очевидно, недавно появившийся человек в чёрно-зелёном мундире герцогской гвардии, с вышитым серебряным ястребом Файханасов на левом плече. Судя по нашивке, командир гвардейцев. Уже в годах, с обильной сединой в каштановых волосах, крепкий, подтянутый и слегка настороженный. Взгляд был изучающий, открытый, и Айриэ спокойно ответила тем же. Человек чуть дёрнул правым уголком рта, поднялся со своего места и, прихватив кружку, подошёл к её столику.

– Мэора Айнура. – Вежливо склонил голову в приветствии. – Позвольте присесть и немного поболтать? Доррош Паурен, капитан гвардейцев Файханас-Манора.

– Прощу, – приветственно махнула Айриэ, указывая кружкой на пустующий стул напротив.

Любопытно. Проявляет рвение самостоятельно – а он кажется достаточно умным для

этого – или всё же выполняет приказ герцога, которого насторожило появление драконьего мага?

– Мэора, разрешите вас угостить?

– Нет, капитан, благодарю, – в очередной раз отказалась магесса, выслушавшая за сегодня таких предложений десятка полтора, не меньше. Да если бы она со всяким желающим угостить выпила хоть по кружке пива, она бы впервые в жизни нализалась до скотского состояния. Однако же пить магесса умела, прекрасно зная меру. Смягчая отказ, одарила капитана чуточку извиняющейся улыбкой: – Боюсь, я теперь несколько дней не захочу пива. Местные жители так добры и гостеприимны...

Капитан Паурен усмехнулся понимающе и не стал звать хозяина, хотя тот услужливо крутился неподалёку, бдительно поглядывая на важных клиентов.

– Тогда, мэора, с вашего разрешения, мы немного побеседуем. Если не возражаете, я бы попросил вас поставить ?полог тишины?. Не то чтобы я собирался сказать нечто секретное, просто его светлость не любит посвящать в свои дела всех подряд.

Согласно кивнув, магесса активировала заклинание.

– Я поставила ?глушитель?. Теперь любопытствующие, как бы они ни старались, слышат только неясный гул наших голосов, не слова. На мой вкус, ?полог? – это немного чересчур для обычного, несекретного, – подчеркнула она, – разговора в таверне.

– Как скажете, мэора, – не стал спорить Паурен. – Итак, во-первых, его светлость герцог Файханас уполномочил меня передать вам, что рад приветствовать в своих владениях драконьего мага и что он приказал своим людям оказывать вам всяческое содействие.

– Содействие? – с притворным изумлением расширила глаза магесса. – Но... в чём, собственно? Ах, то есть, прошу вас, пожалуйста, передайте его светлости мою благодарность, но, боюсь, я не совсем понимаю... Ведь я – всего лишь странствующий маг, что бродит по дорогам королевства и помогает людям решать вопросы магического характера. Вообще, насколько я поняла, ваше герцогство – очень спокойное, мирное место, здесь не работать – отдыхать хочется. Что я, собственно, и намереваюсь сделать, тем более на дорогах сейчас слишком жарко и пыльно. Останусь здесь до Праздника Начала Осени или чуть дольше, изредка буду заниматься милыми деревенскими проблемками.

– Ну, я бы не назвал ?милой проблемкой? то, чем вы, мэора Айнура, занимались сегодня на ферме Нарваса, – приподнял брови капитан. Брови были густые, мохнатые и седеющие, получилось очень выразительно. – Насколько мне известно, там едва не случилась трагедия. Его светлость заботится о благополучии тех, кто называет себя его подданными, и естественно, его крайне встревожило произошедшее.

– Нарвасу и его детям больше ничто не угрожает. Кстати, вы знаете, оказывается, младший сын фермера имеет магический дар. Мальчика необходимо как можно скорее отправить в столицу, его отец поедет туда через несколько дней. Но мальчику нужно выправить необходимые бумаги.

– Да, мэора, я доложу его светлости, и секретарь герцога займётся этим незамедлительно. Завтра же бумаги доставят Нарвасу. Однако же вопрос с нападением нечисти не решён. Вы сами, насколько мне известно, утверждаете, что нечисть была науськана неизвестным магом.

Хороший властитель всегда знает, что происходит в его владениях. Уже и разговоры магессы с местными жителями до герцога успели донести, не прошло и нескольких часов. Впрочем, если бы Айриэ намеревалась скрыть информацию о затаившемся маге-

злоумышленнике, она бы молчала. Капитан меж тем продолжал:

– Нападение на мирных жителей – преступление, этот маг должен быть пойман и примерно наказан. Его светлость надеется, что вы, мэора, займётесь этим делом, потому и распорядился оказывать вам всяческое содействие. Например, если пожелаете, герцогские гвардейцы будут оказывать вам помощь в поимке преступника. Вам нужно только сообщить в замок, что требуется подмога, людей вам предоставят.

А ещё хороший властитель всегда показывает, что заботится о подданных. И неважно, что маг резвится в деревне с его же подачи. Зачем, кстати? Чтобы запугать жителей и показать, как сильно они зависят от защиты Файханасов? Или же герцог не настолько хорошо контролирует собственного мага? Хотя в любом случае было бы подозрительно, если его светлость, зная о маге-преступнике и ловящей его ?мэоре Айнуре?, не предложил бы магессе помощь.

– Я очень признательна герцогу за это. Впрочем, мне не кажется, что дело настолько серьёзное, – с намеренным пренебрежением ответила Айриэ. – Думаю, справлюсь своими силами. Какие-то у этого злодея намерения несерьёзные, вы не находите? Сглазить элитного хряка, потом порубить его же в мелкий фаршик... Да, он пытался похитить мальчика посредством своего ручного монстра, однако же мне думается, это было сделано из-за того, что маг узнал о магическом даре Бакаса. Возможно, хотел взять себе ученика, особенно если это колдун-самоучка. Отщепенцам необходимы соратники и помощники, а кто подходит на эту роль лучше собственного ученика?

Вот в чём Айриэ была уверена, так это в том, что ?маг-враг? никоим образом не смог бы учуять в Бакасе наличие скрытых магических способностей. Слишком слабый дар, и если бы не её собственная кровь, мальчишка так и прожил бы жизнь обычного селянина. Но ей хотелось дать понять герцогу, что она не считает неизвестного мага серьёзным противником. И уж тем более никоим образом не подозревает его в связях с Файханас-Манором.

– Думаю, этот тип просто безумец. Бывают заклинания и зелья, которые воздействуют на психику мага не лучшим образом. Человек умный воздержится от их употребления, понимая, что ни могущество, ни продолжительность жизни с их помощью не увеличишь. По крайней мере, надолго, чтобы это хоть как-то оправдывало риск потерять рассудок. Мне представляется, что наш злоумышленник из этих несчастных. Обычно они очень хитры и способны умело скрываться, но, как правило, достаточно безобидны. Рано или поздно он себя выдаст, и я его поймаю. Однако если мне понадобится помощь его светлости, я её с благодарностью приму, – заверила гвардейца Айриэ.

– Мэора Айнура, обращайтесь в любой момент. Второе, что просил передать его светлость мэор Рольнир – это приглашение посетить Файханас-Манор. Герцог желал бы лично обсудить с вами вопрос о преступном маге. Разумеется, он не ждёт, что вы прибудете сегодня – у вас была тяжёлая ночь и весьма насыщенное утро, и его светлость понимает, что вам необходим отдых. Однако будет весьма рад, если вы сочтёте возможным посетить его завтра или в любой другой удобный для вас день.

– Пожалуйста, передайте герцогу, что я благодарю его за оказанную честь, – учтиво ответила магесса, – и непременно приму его приглашение в самое ближайшее время.

– Что вы, мэора Айнура, его светлость просил подчеркнуть, что это ваш визит – честь для него. Его светлости хорошо известно об особом положении драконьих магов, – очень серьёзно ответил капитан Паурен.

Да, а также это известно его доверенному воину, отметила про себя Айриэ. Насчёт герцога она и не сомневалась, тот занимал слишком высокое положение в королевстве, чтобы не знать подобных вещей. В десяти королевствах Аэданира драконьи маги стояли выше любых законов. Они подчинялись только самому Ордену – точнее, Высшим Магистрам. Ну, была ещё сама Айриэннис... хм, на особом положении, но это к делу не относится. Драконьи маги были неподсудны никому из властителей и неприкосновенны. За вред, нанесённый любому из членов Ордена, драконьи маги брали страшную цену. Им не нужно было разыскивать виновника: за них это делало так называемое ?ответное проклятие?, медленно и мучительно убивавшее того, кто напал на драконьего мага. За убийство мага уничтожался вдобавок весь род преступника и все, кто был ему дорог или любил его. Если мага убивали чужими руками, ?ответное проклятие? неотвратимо настигало и исполнителя, и заказчика. Когда Драконий Орден только был основан, больше двух столетий назад, то естественно, нашлись недоверчивые, решившие проверить магов на прочность. Получилось очень наглядно и убедительно. После полной и весьма мучительной гибели нескольких знатных семейств, по глупости связавшихся с наёмными убийцами, а также самих элитных гильдейцев, больше никому не захотелось повторять их ошибки. По всем королевствам Аэданира (а может, и по Стайфарру, кто там этих серпентесов разберёт) гуляла фразочка: ?Не буди спящего дракона, и он тебя не проклянёт?.

Представителям самых знатных дворянских родов было известно об особости и неприкосновенности драконьих магов. Короли знали намного больше, но их обязывала молчать особая магическая клятва, так что Орден мог не опасаться разглашения своих тайн. Так что, даже окажись сам герцог искомым магом, во что магесса не верила, Айриэ могла не бояться посещения Файханас-Манора. И в герцогских землях ей, в сущности, ничего не грозило, даже несчастный случай. Ибо проклятие сработает при любом раскладе, его не обманешь, как дознавателей, мнимой непричастностью, лживыми показаниями свидетелей или подстроенным алиби. Нет, герцог не настолько глуп, чтобы пытаться навредить магессе и рисковать собой и родом. Другое дело, что и помогать он не станет. На словах – сколько угодно, и даже воинов своих даст, хоть всех до единого. А мага-преступника – укроет, особенно если это член семьи; мешать Айриэннис герцогу никто не запретит.

Командир герцогских гвардейцев вроде бы сказал всё, что поручил его господин, однако медлил уходить. Хмурясь, взбалтывал остатки пива в своей кружке и смотрел так, будто в этом занятии имелось нечто чрезвычайно интересное. Мохнатые брови сошлись на переносице, губы были плотно стиснуты, пока наконец капитан, будто решившись, не поднял глаза на магессу:

– Мэора Айнура, я хотел бы поговорить с вами по личному вопросу.

– Я слушаю вас, капитан, – подбодрила его магесса.

– Это касается моей дочери, мэора. Ей всего шесть, и она... плохо себя чувствует.

– И её болезнь не из тех, с которыми может справиться целитель? – предположила она.

– Да, мэора. Видите ли, мне кажется, что... девочку прокляли, сглазили или как это называется, я в магии не разбираюсь. Хотя, возможно, я ошибаюсь, но замковый целитель почти уверен, что это не простая болезнь.

– Хорошо, я посмотрю, – согласилась Айриэ, про себя прощаясь с мечтами об отдыхе. Ладно, может, ей повезёт и это ненадолго. – Едем.

– Прямо сейчас? Но вам ведь надо отдохнуть, мэора Айнура, – неуверенно возразил он, но было понятно, что на самом деле капитан сильно опасается, что магесса откажется ехать.

– Я не настолько сильно устала, – вежливо ответила Айриэ. – Куда ехать? В замок?

– Благодарю вас, мэора!.. Нет, не в замок, я отправил дочь с женой к родне. Опасался, что это может быть опасно для обитателей Файханас-Манора. – В последней фразе магессе почудилась лёгкая нотка лжи, хотя она могла и ошибиться. Она же не эльфийка, чтобы безошибочно чуют ложь. А капитан пояснил: – Моя жена – простого сословия, да я и сам имею только личное дворянство, его светлость пожаловал за службу. Так вот, отец моей жены – бывший торговец, он ушёл на покой и приобрёл небольшую ферму в окрестностях Кайдараха. До неё ехать с полчаса...

– Тогда вперёд, капитан! – Айриэ развеяла ?глушитель? и оставила на столике пару серебряных ?коронок?, чего с лихвой хватило бы на оплату и её, и капитанского пива, однако гвардеец неуступчиво добавил несколько медяков от себя. Впрочем, его дело.

ГЛАВА 6

Ферма была расположена среди живописных зелёных холмов в уютной долине, перечёркнутой серебристой лентой узенькой речушки, скорее, даже ручья. Бывший торговец с супругой приобрели ферму скорее для души, а не для заработка, ну и чтобы иметь к столу свежие продукты и овощи. За несколькими коровами, птицей и огородом ухаживали наёмные работники, а пожилая чета просто тихо наслаждалась жизнью, да ждала визитов любимых дочери и внуков – у Пауренов имелся ещё сын постарше.

Супруга капитана оказалась женщиной значительно моложе своего мужа, полноватой, симпатичной, с быстрыми жестами и речью. Она выглядела бодрой и весёлой – очевидно, ради дочери и своих родителей, но весёлость явно отдавала наигранностью.

Вежливо поздоровавшись с обитателями фермы, магесса попросила провести её к девочке. В светлой комнатке со стенами, обитыми тканью с какими-то весёленькими цветочками, всё выглядело мирным и радостным. В креслице у окна, обложенная пледами, подушками и игрушками, сидела девчушка, румяная и пухленькая, с тёмными волосами, завивающимися крупными кольцами. Картинка была настолько сладенько-умилительной, что у магессы немедленно запершило в горле и захотелось водички с лостренским лимоном. Бабушка девочки, шедшая впереди, уже начала что-то говорить внучке, когда внутри Айриэ взвыло её родовое чутьё. Под всеми масками и личинами всегда остаётся что-то, внутренняя суть, которая делает эльфа – эльфом, человека – человеком, а дракона – драконом.

Девчушка лепетала что-то в ответ и тянулась рукой к большой кукле, сидевшей перед ней на маленьком столике. Кукла была очень дорогой – пожалуй, даже слишком дорогой для людей среднего достатка, какими являлись родные девчонки. Хотя, безусловно, любящие родственники могли бы потратиться, если бы чадушко сильно возжелало игрушку. Кукла была добротной гномьей работы, с фарфоровыми личиком и гибкими конечностями, с роскошным персиковым платьем и причёской придворной дамы. Такие игрушки внешне выглядели хрупкими, но на самом деле были зачарованы так, что не ломались и не пачкались, что бы милые детки с ними ни творили. Естественно, подобные куклы были очень дорогими, дарили их обычно детям знатных и богатых родителей, кто мог позволить себе подобные траты.

И не было бы Айриэннис ни малейшего дела до игрушек девчонки, если бы не вышеупомянутое чутьё, уловившее опасность чуть раньше, чем проснулось подлое заклинание, впихнутое в куклу всё тем же з-затейником, чтоб его Равновесие на атомы распылило! Благодаря чутью заклинание сформировалось на кончиках пальцев едва ли не раньше, чем Айриэ успела сообразить, что происходит. Огненный шар, небольшой, но очень

мощный, ударил в злосчастную куклу, от чего та на миг вспыхнула, посылая во все стороны волны жара, а потом медленно осыпалась хлопьями пепла на обуглившийся столик. Чёрное заклинание чуть-чуть не достроилось и бесславно развеялось, так и не успев дотянуться до намеченной жертвы. Девчонка затрясла своей пухлой рукой, обожжённой до красноты, и разразилась отчаянным рёвом, прямо-таки захлёбываясь от боли и обиды.

Магесса на всякий случай рявкнула: "Стоять! Уже всё в порядке!" – чтобы обезопасить себя от действий встревоженных родственников, могущих подумать, будто она намеревалась причинить вред их драгоценному чадушку. Айриэ быстро метнулась к девчонке и залечила ожоги, вновь забрав назад зло, причинённое её собственным огнём. Увы, даже избавившись от боли в руке, девчонка реветь не перестала: надо думать, потеря любимой куклы была прямо-таки невосполнимой. Морщась от пронзительного рёва, магесса хмуро кивнула капитану, неизвестно каким чудом всё-таки удержавшемуся от нападения. Видимо, помнил об "ответном проклятии", уже хорошо. Вот что значит военная выучка, приятно иметь дело с таким человеком. Однако ярость Паурена выдавали стиснутые кулаки и напряжённый, рычащий голос, когда он процедил сквозь зубы:

– Жду объяснений, мэора.

– Дождётесь, не переживайте. В конце концов, я вам дочь спасла, – проворчала магесса устало. Ох, какие же мерзкие существа эти дети, особенно когда ревут!.. Пронзительный рёв вызывал головную боль. – Слушайте, чем бы её заткнуть, а?..

Чуть расслабившийся капитан кивнул жене, та кинулась с утешениями, вызвавшими, кажется, ещё больший поток слёз и противных завываний.

– Это её любимая кукла, у Бэлли никогда такой раньше не было, – хмуро пояснил Паурен, которому вопли дочери, кажется, тоже особого наслаждения не доставляли.

Недружелюбно покосившись на девчонку, магесса сдалась и распорядилась:

– Принесите какую-нибудь из её игрушек, лучше сломанную и старую. Не хватало ещё, чтобы она громче разоралась, потеряв что-то любимое, у меня и так уже голова раскалывается.

Требуемое моментально принесла любящая бабуля: нечто обтрёпанное, кудлатое – не то мишка, не то пёсик. Плевать, хоть крокодил. Прикрыв глаза, Айриэ сосредоточилась и создала иллюзию. Окружающие, включая наконец-то заткнувшуюся капитанскую доченьку, зачарованно уставились на дивное творение. Кукла получилась наподобие погибшей от фэйрбола, только с золотыми волосами, нежным прекрасным личиком и глазами, как цветущий иссоп – густо-синими, большими, чуточку лукавыми. Платье было в тон глазам, нечто серебристо-синее, затейливое, с кружевами – подсмотренное на недавнем королевском балу в Юнгире, ибо сама Айриэ платьями не интересовалась и изобразить что-то оригинальное не смогла бы под страхом смертной казни. Последним штрихом стала собственная кровь: надрезав палец своим кинжальчиком, магесса позволила капле крови бесследно впитаться в куклу. Ну, вроде готово, заклинание достроилось. Пожалуй, вышло не хуже, чем у гномов. Удовлетворённо хмыкнув, Айриэ сунула куклу онемевшей от восторга девчонке:

– Держи, она твоя. Только не реви больше. – Не слушая благодарных и восхищённых визгов, какими решила одарить магессу девчонка, пояснила её изумлённым родственникам: – Это иллюзия, но очень качественная. Можете не бояться, она лет двадцать продержится. И можете быть уверены, на

эту

куклу никакое проклятие не наложишь. А теперь, капитан, я бы хотела побеседовать с вами о случившемся. Наедине.

Капитан Паурен вежливо пригласил магессу пройти в гостиную, прочие остались в комнате девчонки.

– Итак, что же случилось, мэора Айнура? – спросил капитан, едва они устроились в креслах, обитых бледно-жёлтой полосатой тканью. Гостиная была отделана в золотистых тонах, поэтому казалась залитой солнечным светом, хотя и находилась в тени, с северо-восточной стороны дома. – Прошу простить, если я был непозволительно груб, но пожалуйста, поймите меня, мэора, я очень люблю дочь и просто испугался за неё.

– Я всё понимаю, рингир, не беспокойтесь, – заверила его Айриэ. – А теперь скажите мне, в чём же заключалась болезнь девочки? Кстати, не переживайте, сейчас с ней всё в порядке. Повезло, что я успела вовремя.

– Некоторое время назад Бэлли стала выглядеть... больной. Нет, мэора, я понимаю, по ней не скажешь – щёчки румяные, не похудела, не побледнела. Но мы-то с женой видели: она стала быстро уставать, перестала бегать и прыгать, почти не смеялась, очень плохо спала – ей начали сниться кошмары. Выходит, я был прав, дочь сглазили...

Заклинание из арсенала Запретной магии, наложенное уже знакомой рукой. Оно медленно и неотвратимо убивало детёныша, по капле высасывая из него жизнь. Самое подлое заключалось в том, что заклинание работало очень медленно, но резко активировалось, как только рядом с девчонкой (и куклой) оказался бы маг. Что, собственно, и произошло недавно. Если бы к девчонке пригласили мага-целителя, он получил бы детский трупик, едва зайдя в комнату. К счастью для капитанского семейства, Айриэ была боевым магом с отменной реакцией и превосходным чутьём на опасность, поэтому успела раньше. Она поведала капитану, какой опасности избегла его дочь.

– Богини Лунные, да если бы мы только могли предположить, что дело в ней... – простонал капитан, побледнев. – Главное, Бэлли не расставалась с этой проклятой игрушкой! Кто же знал...

– Как давно кукла появилась у девочки? Мне нужно знать, каким образом было наложено проклятие, – пояснила магесса. – А главное, кто это сделал...

– Я не знаю, мэора. Не помню, откуда кукла... – сосредоточенно сдвинул брови капитан, якобы пытаясь припомнить, но тут уж Айриэ безошибочно почувала ложь.

Он что-то скрывал и, скорее всего, это было связано с кем-то из Файханасов. Паурен, в конце концов, клялся герцогу в верности, и если кто-то из герцогской семьи поступил с дочерью капитана подобным образом, то капитан должен вначале обратиться за защитой к своему господину, как требует вассальная клятва, а не вмешивать посторонних. И только в том случае, если герцог откажется покарать обидчика, Паурен получает нечто вроде морального права мстить самостоятельно. Можно спорить на что угодно, герцог откажется наказывать виновника и даже просто искать его, если он капитану неизвестен. Паурен может подозревать, но не знать точно. А Рольнир Файханас, скорее всего, просто откупится от капитана чем-нибудь, деньгами там или должностью.

– Капитан, возможно, ваша супруга помнит лучше? – приподняла брови магесса. – Или мы можем спросить у самой девочки.

– Хорошо, я сейчас позову жену, – сдался капитан, поскольку не мог же он отказываться отвечать на вопросы магессы и запрещать это своим домочадцам.

Вернулся он почти мгновенно, так что, если и успел дать жене инструкции касаемо

того, что отвечать магессе, то совсем короткие. Женщина уселась в кресло, бросая быстрые взгляды на мужа, который отошёл к окну и уставился на клумбы с цветами.

– Брайя, откуда у девочки эта кукла? Если муж вам не сказал, то именно в игрушке причина болезни вашей дочери. На неё было наложено смертельное проклятие, которое я уничтожила в последний момент.

Женщина ахнула, испуганно расширив глаза, и прикрыла рот задрожавшими пальцами.

– Мэора, спасибо вам!.. Да благословят вас Лунные богини!.. – Она всхлипнула. – Если бы наша Бэлли пострадала...

– Брайя Паурен, кукла, – терпеливо напомнила магесса.

В глазах женщины стоял запоздалый страх за дочь и что-то ещё, трудно поддающееся определению. Она медлила, снова метнув быстрый взгляд на, казалось, окаменевшую спину мужа, молча смотрящего в окно.

– Куклу дочке подарили, мэора. Игрушка слишком дорогая, мы бы себе не могли такую позволить...

– Кто подарил?

Женщина быстро поправилась:

– Я не так сказала, мэора... Куклу ей отдали... Бэлли была очень благодарна, и мы тоже.

– Хорошо, кто отдал? – Айриэ начинала злиться.

Да что же такое, каждое слово из неё хоть клещами вытаскивай! Можно подумать, они не хотят, чтобы преступный маг, едва не убивший их дочь, понёс наказание. Хотя, если им известно, кто он, или они хотя бы подозревают... Тогда, вполне возможно, они действительно не хотят поимки мага. И предпочтут принять компенсацию от герцога – не ради выгоды, но ради безопасности, как своей собственной, так и дочери.

– Понимаете, мэора, моя Бэлли – она такая резвая девчушка, непоседа, за ней прямо не уследить. И ещё она любит ходить хвостиком за замковой челядью, и помогать экономке, и, главное, путаться у всех под ногами. – Жена капитана слабо улыбнулась. – Ну, со слугами ей общаться, может, и не стоило бы, всё-таки дочь командира гвардии, однако мы не снобы и не видим в этом ничего плохого... А уж общение с мэорой Кландирой, экономкой, и вовсе – честь для девочки. Экономка – дальняя родственница его светлости, женщина почтенная и благовоспитанная, такой пример для нашей Бэлли. Она очень благосклонно относится к нашей дочке, даже учит её попутно ведению домашнего хозяйства. Но, простите, мэора магесса, я отвлеклась, – виновато затараторила женщина, нарвавшись на выразительный взгляд Айриэ. – В общем, в тот день, с декаду назад или больше, мэора Кландира наводила порядок, разбирая какой-то старый хлам, а Бэлли снова увязалась сзади. И где-то углядела эту проклятую куклу, буквально вцепилась в неё, отказываясь расстаться. Просто дочка слишком маленькая, она не понимала истинной стоимости игрушки. Разумеется, мэора Кландира никогда бы не позволила себе распоряжаться герцогским имуществом. О том, чтобы подарить куклу Бэлли, и речи быть не могло. Однако случилось так, что экономке позволили отдать игрушку девочке. Мэора Кландира сама заверила нас с мужем, что всё в порядке, Бэлли может оставить себе куклу.

– Кто позволил экономке отдать куклу? – медленно и предельно кротко спросила Айриэ, глядя в глаза женщине.

Та замялась, кусая губы, в очередной раз спросила совета у мужниной спины (что она там видит, хотелось бы знать?..), но решила хранить верность Файханасам до конца.

– Меня ведь при этом не было, мэора магесса... Это был кто-то из родственников его

светлости.

С иронией покосившись на чуть расслабившуюся капитанскую спину, Айриэ сказала довольно добродушно:

– Как вам будет угодно, узнаю у экономки. Не переживайте, капитан, я понимаю ваше щекотливое положение.

Паурен стремительно обернулся:

– Мэора, я вам действительно благодарен и искренне желал бы помочь, но...

– Ни слова больше. Я всё равно найду этого затейника. А сейчас пойдёмте к девочке, я хочу её осмотреть, на всякий случай. Вдруг там какая-нибудь остаточная магия найдётся, мало ли что.

Осмотрев детёныша, Айриэ убедилась, что от грязной магии в ауре девчонки следов не осталось, но зато слабость и упадок сил преследовали бы её ещё с месяц. Предотвратить это можно было неким зельем, и Айриэ, слегка поморщившись, всё-таки пересилила собственную лень. Сказала капитану:

– Рингир, чтобы ваша дочь окончательно выздоровела, ей необходимо принять одно снадобье. Я его изготовлю, завтра к вечеру пришлите кого-нибудь к Гриллоду.

Отмахиваясь от благодарностей родных девочки, Айриэ обозначила сумму своего гонорара в пять золотых ?корон?. Выспросив, где именно живёт старая знахарка, отправилась туда, мечтая лишь поскорее добраться до своей комнаты и отдохнуть.

На деле бабка Фенра оказалась не такой уж и старой, очень бодрой и крепкой пожилой женщиной, явно проводившей много времени на свежем воздухе и тренировавшей организм долгими пешими прогулками. Сбор целебных трав – дело, полезное не только для пациентов, но и для самого сборщика. Айриэннис интересовало, где растёт некое растение, которого ей не хватало для зелья, и она подумала, что уж местная знахарка должна это знать. На вопрос знахарки, чего изволит благородная мэора, та спросила:

– Знаете, уважаемая брайя, где в окрестностях Кайдараха растёт лизиаллиния? – Наткнувшись на непонимающий взгляд – всё же знахарка была самоучкой, откуда ей знать эльфийские названия – поправилась: – Лиловый шишкоцветник, я хотела сказать.

– А-а, мэора, вот вы о чём!.. – сообразила знахарка. – Его ещё ?духогоном? кличут, за то, что дух нечистый от больного отгоняет и злые помыслы, если кто порчу надумал наложить. А какой шишкоцветник вам нужен, свежий или сухой? А то у меня есть засушенный, возьмите.

– Да нет, брайя, мне его собственноручно надо собирать, это для одного зелья. Иначе не подействует.

Понятливо кивнув, знахарка объяснила:

– На той стороне реки его много. Вот как у мельницы через мостки у запруды на тот берег перейдёте, так и идите прямо с полмили. Там хорошие леса, с полянами, где много травок целебных растёт, я часто хожу. И лиловый шишкоцветник есть, полянками. Он сейчас ещё не весь отцвёл, легко найдёте. А то, хотите, мэора, я вас сама провожу?

– Да нет, спасибо, сама найду, пожалуй, – отказалась Айриэ, вновь вступая в поединок с ленью. На сей раз та победила, и магесса решила отложить поход в лес до завтрашнего утра.

Задав между делом несколько вопросов знахарке касавшего неизвестного мага и уже ожидаемо не получив никаких ценных сведений, магесса решительно направилась в сторону постоянного двора.

Достигнув желанной цели, магесса попросила Тайру принести еду в её комнату и с

наслаждением посетила мыльню. Поскольку ей отчего-то захотелось нежности и сладости, выбрала сегодня бутылёк жидкого мыла с запахом ванили. Айриэ питала слабость к хорошему жидкому мылу, а лучшее в Акротосе делали, разумеется, гномы. Эльфийское было бы ещё восхитительнее, но эльфы обеспечивали только себя, а гномы, в отличие от них, делали мыло на продажу. Вдобавок они достигали замечательных результатов, практически не используя магию – разве что для работы различных приспособлений.

У Гриллода женская и мужская мыльни для постояльцев располагались на первом этаже, внутри каждой имелись отдельные закутки для мытья, чтобы постояльцы не стесняли друг друга. Воду закачивали и грели недавно установленные гномьи магическо-механические устройства – предмет особой гордости хозяина. Втайне Гриллод мечтал оборудовать индивидуальные мыльни с ваннами в каждом номере, но прекрасно понимал, что это роскошь, недоступная для обычного деревенского постоялого двора.

– Ну, может, дети мои начнут, а внуки продолжают, – вздыхал он. – Вот смотрите, мэора Айнура, я ведь как рассуждаю? Само собой, потратился я на эти гномьи штуkenции изрядно, долги ещё лет пять отдавать буду. Но зато уже сейчас экономлю на дровах. Ни покупать их не надо, ни колоть, ни носить. И печи топить не требуется без конца – нагревательные камни тепло дают, и воду из колодца не таскать, то есть слуг надо меньше и платить им, стало быть, придётся куда как меньше. В итоге оно выгоднее получается...

Благоухая нежным ванильным мылом, жмурясь от удовольствия и приятнейшего ощущения чистоты, Айриэ поужинала тушёным мясом с пряными травами и рисом. Трапезу дополнил ломоть свежеспечённого хлеба с копчёной свининой: Нарвас уже постарался выразить благодарность. Тайра сказала, фермер обещался пополнять запасы раз в несколько дней всё время, пока магесса собирается жить в Кайдарахе. Прихлёбывая чай с молоком (без молока Айриэ этот напиток принципиально не употребляла, а сахар в нём просто не выносила), магесса думала, что гномы не зря любят местные копчёности, есть за что. Свинина вкусно пахла можжевелевым дымком, от одного запаха слюнки текли, а как она нежно ласкала рецепторы вкуса!.. Не-е-е-ет, решено окончательно, на защиту здешних свинок и их хозяев Айриэннис встанет грудью и никому не позволит их обидеть!.. Свиньи – животные священные, потому что вкусные. И чистоплотные, в отличие от некоторых. Завершив ужин большим пирожным с заварным кремом и слизав с губ последние капельки чая с молоком, Айриэннис пришла в благодушнейшее настроение.

Повалявшись в постели с книжкой (Айриэ всегда старалась путешествовать в компании облегчённого магией сундучка с парой десятков книг), магесса поняла, что невыносимо хочет спать. Хотя не было ещё и девяти вечера, она обычно ложилась гораздо позже, но сказывались предыдущая бессонная ночь и весьма насыщенный событиями день.

Дезактивировав магический светильник, Айриэ прикрыла глаза и блаженно закачалась на волнах сна. Увы, сон оказался до неприличия коротким, потому что некоторое время спустя какому-то... неумному типу вздумалось распевать любовные серенады в саду под окном. Окна комнаты Айриэ, находившейся на втором этаже, как раз и выходили в сад, откуда доносились неуместные вопли. Нет, само пение было вполне качественным и даже вовсе профессиональным, но любовная баллада – дурацкая, и певцу она от души пожелала, чтоб того приподняло и шлёпнуло. Натягивая на ухо одеяло, Айриэ попыталась снова уснуть, но тут проклятый певун перешёл к конкретике, и выяснилось, что серенада предназначена именно ей. Во всяком случае, слова: "Сойди ко мне, прекрасная Айнура!" – не допускают двойного толкования, не правда ли? Вряд ли у Гриллода проживает ещё одна дама с таким

же именем.

Сопя от злости, Айриэ сбросила с себя одеяло. Спала она, как всегда, обнажённой, а если уж мёрзла, предпочитала одежде в постели ещё одно тёплое одеяло или живую грелку. Натянула на плечи рубашку: если устраивать стриптиз, так не бесплатно же! Пение дурного менестреля она достойной оплатой не считала. Магесса ринулась к окну, как... разъярённый дракон, и высунулась наружу. В залитом лунным светом саду ожидаемо обнаружился Тианор с лютней и несколько зрителей. Если считать по головам, в том числе торчащим из окон, набиралось не меньше десятка.

– Любезный Тианоринир, вам напомнить девиз моего Орррдена? – с рычащей ласковостью спросила магесса.

Менестрель поперхнулся и пение прекратил, но зато снова рассиялся и разулыбался.

– Моя дорогая мэора Айнура, только не говорите мне, что я вас разбудил! Нет мне прощения!

– Вот я в вас сейчас файерболом кину, тогда и прощу... посмертно, – мрачно пообещала Айриэ. – Какого орка лысого вы у меня под окнами разорались?

– Мэора, я вас обожаю и хотел выразить свои чувства песней! – с придыханием сообщил менестрель, для пущей убедительности и выразительности прижав руку к груди.

– Мэор, я вас не обожаю и хотела бы выразить свои чувства боевым заклинанием! И если вы сию же минуту не уберётесь прочь, моё выражение чувств вас настигнет, гарантирую.

Совершенно не думая пугаться, проклятый полуэльф заулыбался ещё восторженнее.

– Вы так горячи, Айнура! Я просто с ума схожу от таких женщин!

Вместо ответа Айриэ послала ему под ноги небольшой файербольчик. Тот взорвался с грохотом, но реакция у менестреля была отличная, он успел вовремя отскочить. Зрителей заметно поубавилось, а те, что остались, старательно делали вид, что они любят цветочками в лунном свете и вообще дышат воздухом перед сном.

– Прекрасная Айнура, ну дайте же мне слово молвить! – как ни в чём не бывало продолжил ломать комедию Тианор. – Не будьте столь жестоки к несчастному менестрелю, что воспылал к вам искренней страстью!

– И надолго? – лениво поинтересовалась Айриэ.

– Что надолго? – не понял поклонник.

– Воспылал надолго или на сегодняшний вечер?

– Снизойдите же ко мне, прекрасная Айнура, и мы обсудим этот вопрос, а также множество других, не менее захватывающих, – мурлыкнул менестрель, тряхнув кудряшками, красиво переливавшимися в лунном свете.

– Если я снизойду – в сад, вы, мэор, научитесь летать. Увы, ненадолго. Но чтобы перелететь через ограду, вам хватит.

Правду сказать, разговор начал Айриэ забавлять, раз уж она всё равно проснулась. Интересно знать, зачем Тианору понадобилось устраивать сие представление?

– Вы безжалостны, о дама моего сердца! Позвольте же тогда мне подняться до недостижимых высот!

– В мою комнату, что ли?

– Да, моя несравненная!

– Ну лезьте, – разрешила магесса, ставя локти на подоконник, водружая на руки подбородок, и с интересом приготовилась наблюдать за процессом.

– Иду, моя Айнура!..

Тианориннир, закинув лютню за спину, неожиданно наклонился и принялся шарить в кустах. Вскоре он извлёк довольно большой, но кривоватый букет роз – словно ломали стебли наспех, торопясь, пока не застучал садовник. Оно и неудивительно, в здешних краях розы росли лишь в герцогском саду, а садовник его светлости, по слухам, был свиреп аки дракон, сидящий на куче золота. Хотя зачем дракону сидеть в пещере и охранять сокровища, Айриэ и предположить не могла. На такое даже её бурной фантазии не хватало. К слову, за всю жизнь ей ни разу не довелось встречать такого... свихнувшегося дракона, и она подозревала, что и не встретит.

Вернувшись от мыслей о драконах к наблюдению за менестрелем, она обнаружила, что Тианор смело подошёл к стене и таки намеревается подняться к даме по стене, проигнорировав садовую лестницу. Лёгкую заминку вызвал букет. ?Если посмеет взять его в зубы и обслюнявить, получит своим венником по морде?, – лениво подумала магесса. Однако полуэльф оказался более находчив. Сноровисто скрепив букет оторванной от костюма ленточкой и привязав к лютне за спиной, менестрель начал восхождение. В общем-то, лезть было всего ничего, а у Тианора явно имелся богатейший опыт в деле проникновения в покои своих пассий именно через окна. Так что он, используя как опору раму и ставни окна на первом этаже, легко вскарабкался, подтянулся и вскоре оказался сидящим на подоконнике рядом с любезно подвинувшейся магессой.

– А вот и я, моя красавица! – обжёг он горячим дыханием ушко Айриэннис.

– Ну и что с вами делать прикажете? – поинтересовалась охмуряемая ?красавица?. – Отлюбить хорошенько и вышвырнуть в окно?

– Вы действительно способны на подобную жестокость?

– И не на такую тоже!

– Дайте же мне шанс! – взмолился менестрель, окончательно влезая в комнату.

Вспомнив про букет, менестрель распутал ленточку и вручил цветы даме. Розы оказались душистыми, благородного оранжевого оттенка с розовыми переливами.

– Садовник вас побьёт. Лопатой и граблями. И не жалко вам герцогских роз? Зачем было кусты обдирать? – насмешливо спросила Айриэ.

– Там ещё много осталось! Не мог же я явиться к даме без букета.

– К даме – нет, а я здесь при чём?

– Но это же именно вас я соблазняю! – возмутился полуэльф. – Могли бы хоть немного пойти мне навстречу и притвориться, что поддаётесь.

– Зачем? – приподняла брови магесса, запихнув розы в кувшин с водой для умывания. – Чтобы повисить вашу самооценку записного сердцеда? Без моих восторгов прекрасно обойдётесь.

– Чтобы сделать приятное себе, прежде всего. Мы ведь ведём любовную игру и...

– Это вы играете, – зевнула магесса. – А мне лень. Я, между прочим, спать хочу, а вы мне мешаете.

– До чего же вы вредная и кусачая, мэора! – печально поникнув, менестрель опустился на стул.

Насмешливо хмыкнув и ни капельки не впечатлившись очередным притворством, Айриэннис захлопнула окно и поставила ?полог тишины?. Сказала уже серьёзно:

– Ну, мальчик, наигрался? Давай теперь выкладывай, что тебе от меня понадобилось.

Глуповатый барашек моментально преобразился в умного молодого мужчину, которого

не портили даже пышные бронзовые кудряшки: взгляд, ироничный и внимательный, скрашивал первое поверхностное впечатление.

– У меня действительно к вам дело, мэора Айнура.

– Слушаю. И давай на ?ты?... воздыхатель.

– Как скажешь, о несравненная! – Янтарные глаза насмешливо сверкнули, но голос менестреля стал серьёзным. – Айнура, я хотел спросить: ты в Кайдарахе из-за этого ?узла??

– Ты можешь его видеть?

– Не очень хорошо, – поморщился Тианориннир. – Мои способности к эльфийской магии слишком слабые, чтобы я чётко видел силовые нити мира. А уж пользоваться ими у меня вообще получается через раз. Я не маг, одно название только. Бытовые заклинания вроде чистки одежды получаются, волосы там подсушить, себя подлечить, и то приходится у деревьев энергию брать, чтобы восстанавливаться.

Чувствовалось, что рассказывать ему об этом неприятно, но, видимо, решил, что откровенность в данном случае важнее задетого самолюбия. Знает, с кем лучше не хитрить: ложь Айриэ определит, и доброго сотрудничества уже не получится.

– ?Узел? есть, и его надо распутывать, – подтвердила Айриэ.

– А причины его возникновения ты уже выяснила? – Видя, что она медлит отвечать, спросил, давая понять о собственной осведомлённости: – Это ведь кто-то из герцогской семьи?

– Или из тех, кто им верно служит.

– Ну да... И ты здесь, чтобы это выяснить, разумеется. Это ведь как-то связано с... недавней болезнью короля? – с намёком спросил полуэльф.

О покушении на Кайнира знали те, кому по должности положено знать. Для всех прочих это была болезнь, от которой короля вылечили маги. Но слухи, само собой, ходили, причём самые разнообразные.

– Болезни королей много с чем связаны, – туманно ответила магесса, не спеша делиться сведениями.

– Айнура, мне известно, что это было покушение, – прямо сказал Тианор. – Естественно, не мне одному. Ты же не думаешь, что подобную информацию можно было сохранить в тайне? Три герцога имеют своих осведомителей среди королевских дознавателей, да и прочие значительные фигуры при юнгиродском дворе тоже.

Ещё бы Айриэ об этом не знала! Естественно, все трое – Файханас, Сэйбаон и Торбиан – интересовались причинами королевской болезни и последующим расследованием, причём делали это, не особо скрываясь. Ибо как раз отсутствие подобного интереса с головой выдавало виновного. Герцог Рольнир Файханас был слишком умён, чтобы допустить подобную нелепую ошибку. Наоборот, он постарался, чтобы интерес его шпионов заметили те, кому положено. Как бы ни был умён Кайнир, для него это стало ещё одним крохотным зёрнышком на той чаше весов, где лежала предполагаемая невинность Файханаса. Умом-то король всё понимал, но сердце кричало и требовало доверия к человеку, которого Кайнир любил, как отца. Пока время терпело, пока ещё король мог позволить себе эту сознательную наивность, требуя чётких доказательств вины герцога. Как уже говорилось, Айриэ собиралась потакать Кайниру только до дня осеннего равноденствия.

– Айнура, ты здесь, потому что думаешь о причастности рода Файханас к покушению?

– Думать мало, столь серьёзные обвинения должны быть хорошо обоснованы.

– Этим ты и занимаешься? Розыском доказательств? – И предложил: – Мы могли бы

стать союзниками, Айнура.

– Ты послан Альтиналем? – спросила магесса, с любопытством ожидая, что ответит мальчик.

– Меня попросил отец. Эльф, – уточнил он.

– И давно ты сюда приехал?

– Почти полтора месяца назад. В герцогство – два месяца назад. Пожил немножко там, немножко сям, решил перебраться поближе к родовому замку герцога – его светлость хорошо платит. Я ведь бродячий менестрель, – подмигнул он, – я песенками себе на жизнь зарабатываю. А также собираю всевозможные слухи и сплетни. Самые интересные передаю отцу. Я не расследую покушение, я просто помогаю... по-родственному.

– Ясно, дело хорошее, – согласилась магесса добродушно. – Думаю, мы вполне можем объединиться. И делиться друг с другом некоторыми сведениями.

– А ещё нам просто необходимо стать любовниками, – мурлыкнул он, перебираясь к сидящей на краю постели магессе. – Для правдоподобия. Сможем свободно встречаться, не вызывая подозрений в сговоре против его светлости.

– Если будешь ухаживать так топорно, как сегодня, вызовешь подозрения в здравости собственного рассудка.

– Почему это? – деланно обиделся менестрель. – Всем вокруг известно, что я хулиганистый шалопай, но при этом невероятно обаятельный. Я люблю шумные, озорные ухаживания, если дама того стоит. Айнура, ты – один из самых лакомых кусочков в округе, я просто не мог на тебя не клюнуть! Сама посуди: молодая, умная, симпатичная, вдобавок ты – маг из самого таинственного ордена, оваянного столькими слухами и легендами.

– К тому же простолюдинки менее интересны, а охотиться в герцогских владениях опасно, – насмешливо добавила магесса.

Менестрель показательно вздохнул и продемонстрировал ямочки на щёчках и подбородке:

– Сорванные герцогские розы мне легко простят, но за поцелуй, сорванный с уст женщины из рода Файханасов, я платить не готов. Боюсь, уж очень высокой окажется цена. Я, конечно, ?мэор?, но исключительно потому, что отец – эльф, а эльфы по положению в обществе приравнены к титулованным дворянам. На деле же я – безродный бродячий музыкант, не имеющий ни денег, ни титула. Я знаю своё место, и его светлость это устраивает. Но мы сейчас не о герцоге, а о тебе, о моя обаятельная магесса. Прошу, не хмурься так скептически, я же наполовину эльф, я способен понять, что это – не твоё настоящее лицо. Но неважно, каков твой истинный облик. Ты всегда загадочная и притягательная, тебя окутывает аромат тайны, ты в моих глазах – просто обворожительна!

Сделав сей вывод (интересно, кого он больше убеждал, себя или даму?), менестрель придвинулся ещё теснее и собрался нежно обнять Айриэ.

– Руки мыл?

Менестрель снова поперхнулся и ошалело уставился на магессу.

– Тианориннир, ты по стене лез? Лез, – вкрадчиво напомнила Айриэ. – А она, между прочим, грязная. А я, наоборот, только помылась. И вообще, не люблю, когда по мне невымытыми руками шарят.

Менестрель открыл было рот, но слов не нашёл и со стуком его захлопнул. Обиженно взглянув на магессу, гордо прошествовал к рукомойнику в углу. У Гриллода такие стояли в каждом номере; вода из раковины по общей трубе выводилась наружу, с задней стороны

дома. По утрам служанки приносили постояльцам два кувшина, с тёплой и холодной водой для умывания. Правда, Айриэ ненавидела мыть лицо и руки тёплой водой, поэтому неизменно требовала воды похолоднее, лучше и вовсе прямо из колодца. По вечерам же она предпочитала вымыться целиком, посетив мыльню.

– Надеюсь, теперь мои руки достойны прикоснуться к вашему телу, мэора? – чуточку обиженно, но большей частью насмешливо осведомился менестрель.

Ну и чудненько, что мальчик не стал дуться, это говорит о его уме. Хотя в уме Тианора магесса и не сомневалась. Да и не такой уж мальчик, он явно старше, чем выглядит.

– Иди сюда, сейчас проверим, – сверкнула зубами Айриэ. – Только ещё один момент проясним...

Ей никоим образом не грозила опасность обзавестись нежеланным потомством ни от эльфа, ни от человека, но упоминать об этом она не собиралась.

– Противозачаточное заклинание на меня наложено, я за этим слежу, – понятно откликнулся менестрель.

– Человеческое или эльфийское?

– А какая разница? – непонимающе взмахнул длинными ресницами полукровка.

Назывались так эти заклинания не по школе магии – оба могли использоваться как человеческими, так и эльфийскими магами – а по способу предохранения. Люди как-то больше предпочитали первый, когда мужское семя делалось стерильным, а эльфы – второй, когда семя мгновенно и незаметно уничтожалось... хм, при вылете.

Айриэннис ответила абсолютно честно:

– Терпеть не могу, когда в меня впрыскивают посторонние жидкости.

Ответом ей был долгий, печальный взгляд тёмно-янтарных глаз.

– Умеешь же ты весь романтический настрой с мужчины сбить, – наконец грустно вымолвил Тианор.

– Уже не хочется? – сочувственно поинтересовалась Айриэ. – Ну ничего, тогда давай спать ложиться. Я умираю от усталости.

Полуэльф секунду смотрел на неё с непередаваемым выражением, потом расхохотался, громко и искренне.

– Айнура, ты меня специально доводила, да? Проверяла... на терпеливость?

Проверяла, а как же. Наличие ума и чувства юмора у потенциального любовника – дело, конечно, хорошее, хотя и не сказать, чтобы обязательное. Но раз уж Айриэ собралась провести с ним долгое время, аж больше двух декад подряд, то пусть будут.

– Кстати, к вопросу о противозачаточном заклинании... У меня человеческое.

– Уже нет, – хладнокровно уведомила его магесса, скидывая с плеч рубашку. – Действуй.

Действовал он умело и весьма, весьма приятно. Давно ей здесь такого хорошего партнёра не попадалось. Всё потому, что спала она, в основном, с людьми, больше никого подходящего и не подворачивалось. Эльфы, к примеру, любовники почти что идеальные, но ведь сидят, заразы, по своим лесам – попробуй, излови и отлюби. У людей же надо постараться, чтобы найти тонко чувствующего мир вокруг себя, эмоции и желания партнёрши. Не каждый десятый и даже не каждый двадцатый сможет. Полукровка в этом отношении оказался гораздо лучше, хотя тоже не без недостатков. Впрочем, в силу своего гадкого характера, усмехнулась про себя Айриэ, она в каждом найдёт к чему придраться, было бы настроение. А справедливость требовала признать, что Тианориннир хорош, очень хорош.. м-м-м, надо его поощрить и приласкать как следует... чтобы голову потерял... Играем, милый мальчик, играем...

Когда, наигравшись всласть, они немного отдохнули и выровняли дыхание, Тианор вспомнил о делах. Правда, с заметным усилием: взгляд ещё долго оставался затуманенным, ручки шаловливо шарили по телу магессы, а слова подбирались с некоторым трудом.

– Э-э-э, Айнура, я тебя хотел попросить... нет, не забыл, просто хотелось ещё разок тебя поцеловать... Да помню я!.. Понимаешь, мне письма надо получать – желательно, втайне. Прости, сейчас объясню чётче... отвлекаться от тебя не хочется, – честно признался он. – Так вот, Айнура, я тебе говорил, что отправляю собранные любопытные слухи и факты о Файханасах и о том, что делается в их владениях. Ну и ответы получаю, само собой... точнее,

сначала я получаю письмо, потом отправляю ответ. Мне присылают магических ?письмоносцев?, многоразовых, а для простого бродячего менестреля это несколько подозрительно. Сразу наводит на мысли о шпионстве, а нас, менестрелей, и так в нём традиционно обвиняют.

Тианор усмехнулся. Что скрывать, из менестрелей порой получались почти идеальные шпионы, но далеко не каждый был способен этим заниматься. Люди творческие – народ особый, чувствительный, мараться шпионством не всякий захочет. Правда, бывает так, что выбора не остаётся, но у Тианора, похоже, не тот случай.

– Я не профессиональный шпион, вообще это дело не люблю и согласился только потому, что попросили, я говорил.

– Охотно верю.

– Если честно, я ужасно боюсь попасться.

– В чём? – приподняла брови магесса. – В краже тайных документов, в подделке печатей, в передаче тайных сведений об обеденных пристрастиях герцога злобному соседнему королевству?

– Не смешно, – кисло сказал он и поёрзал в постели, будто под него хлебная крошка попала. – Я, правда, боюсь, хотя ничего такого вроде бы не делаю. Подумаешь, болтаю со служаночками или пью с герцогскими гвардейцами, они ребята компанейские.

– Ну вот видишь, сам признаёшь, что не занимаешься ничем предосудительным.

– Да, а герцог или его сыночек ненаглядный иной раз так посмотрят... будто всего меня насквозь видят. Впрочем, сыночек вряд ли, это он просто отца копирует и фамильный взгляд с прищуром тренирует, а вот его светлость – человек умный и проницательный. В общем, не хотелось бы вызвать его подозрения и потом отвечать на разные неприятные вопросы. Трусоват я для шпионской деятельности, как оказалось, – с кривоватой улыбочкой признался он и даже слегка покраснел. – А эти проклятые ?письмоносцы? способны доставить мне проблемы. Мы договорились переписываться раз в пять дней, если нет ничего срочного. Если случится что-то непредвиденное, так у меня с собой несколько заготовок ?письмоносцев?, сам я их создавать так и не научился. Несколько раз мне специально присылали розовенькие, надушенные ?письмоносцы?, якобы от моей слегка заброшенной дамы сердца. Я же ветреный и непостоянный.

Менестрель лукаво улыбнулся, отчего на щеках опять заиграли ямочки. В последнее время среди знатных дам появилась новая мода: ?письмоносцы?, которыми они пользовались, были разноцветными, чаще пламенно-красными или романтично-розовыми, вдобавок магические конвертики можно было ароматизировать собственными духами.

– Я старался получать такие письма в присутствии других людей. У нас оговорено примерное время прибытия ?письмоносца?, так что я в это время сидел со своими гвардейскими приятелями или находился в таверне. Надушенные письма хорошо получать изредка, но если они будут приходить регулярно, то это уже подозрительно. В остальное время я уходил куда-нибудь в лес, чтобы никто не мог увидеть, как ко мне прилетает ?письмоносец?. Живу я в деревне, снимаю комнату у пожилой пары. Они люди неплохие, но ужасно любопытные и сплетничать обожают, так что про мои письма на другой день пол-Кайдараха знало бы. Вот поэтому я хотел попросить тебя о помощи, Айнура. Если я буду получать ?письмоносцы?, когда нахожусь у тебя, это никого не удивит. Все будут думать, что письма приходят к тебе. Ты же маг, такой способ переписки для тебя – обыденность, а не дорогая экзотика, как для меня. Ты как, не возражаешь?

– Да пожалуйста, мне не жалко. Когда следующее письмо?

– Завтра около пяти вечера. Так что, если тебя это не стеснит, я снова нанесу тебе визит.

Буду в четыре, дождусь ?письмоносца? – и в ?Свиную голову?, петь.

– Если вздумаешь опять верещать у меня под окнами, испепелю, – любезно предупредила его Айриэ.

– Ка-а-ак, тебе не понравилась самая модная в этом году любовная песенка? Да её и при дворе поют! Дамы в восторге, между прочим! – шутливо возмутился менестрель. В его глазах прыгали весёлые золотистые искорки.

– Вот пусть и дальше восторгаются. Без меня, – категорично отрезала магесса и потянулась погасить магический светильник.

– Айнура, любовь моя, а ты не хочешь ещё разок... – начал было менестрель ласково-насмешливо, но был безжалостно прерван.

– Завтра утром. Если буду в настроении.

Ответом ей послужил нарочито тяжкий вздох любовника, но его рука бережно обвила талию магессы и притянула даму поближе. Отодвигаться Айриэ было лень, так она и уснула.

ГЛАВА 7

На следующий день Айриэ отправилась к мельнице, опять оставив Шоко пастись на берегу реки. Мельник был дома и занят своим непосредственным делом. Возле мельницы стояли три телеги, нагруженные мешками с зерном, которые несколько работников таскали на самый верх мельницы. Зерно по жёлобу сыпалось вниз, на жернова, откуда, уже в виде муки, просеивалось и шло по другому жёлобу на нижний этаж, в подготовленные мешки. Во дворе крутилась дочка мельника, которой магесса приветственно махнула рукой. Лесок на другой стороне был зелен, свеж и спокоен, даруя желанную прохладу после пыльной, залитой солнцем дороги.

Бродила она по лесу больше часа: лизиаллиния нашлась далеко не сразу, да и торопиться было некуда, зелье готовится недолго. В лесу было сухо, но приятно пахло разогретой смолой и вереском. Набредя на кусты ежевики, Айриэ с радостью освежилась кисловатыми тёмно-фиолетовыми ягодами. Из грибов попадались разве что мумифицировавшиеся на корню сыроежки, а жаль: магесса не побрезговала бы самолично насобирать грибочков, чтобы потом отдать Тайре, приготовить на ужин. Но грибов теперь не будет до осени, пока землю не промочат как следует обильные, частые и короткие осенние дожди.

Шла Айриэ неторопливо и, по привычке, бесшумно. Поэтому её не услышали, а она уловила два голоса, мужской и женский, и только теперь вспомнила, что юный ухажёр мельничихи уговаривался встретиться на другой день. Поняв, что вышла к вчерашней полянке, Айриэ решила обойти парочку по широкой дуге: вчера их разговоров наслушалась, а вмешиваться в чужие дела она не намеревалась. Однако в женском голосе вдруг прорезалась тревога, перешедшая в откровенный испуг:

– Нет, мэор!.. Не-е-е-т!.. Да пустите же меня, что вы сегодня?..

Хмыкнув, Айриэ всё-таки решила подойти ближе и раздумывала, стоит ли вмешиваться, или мельничиха справится своими силами.

– Нет, мэор, я сказала же, что люблю мужа! Я думала, вы добрый, а вы... Уходите, я сюда больше не приду! Вы мне не нужны!..

– Ну нет, милая, не так быстро! – В мужском голосе слышалась откровенная злость. – Сначала подаришь мне поцелуйчик, потом катись куда хочешь,мышь несчастная!

– Нет!..

– Что ж, как хочешь... дорогуша. Ты сама выбрала. Ты ещё пожалеешь об этом!..

Айриэ только диву давалась. Куда делся вчерашний приятный мальчик? Голос принадлежал, несомненно, юному Фирниору, но вот злобные, угрожающие, крайне неприятные интонации магессу откровенно удивили. На чистую, честную злость он явно был способен, на злобу – не похоже. По крайней мере, Айриэ вчера так показалось. Ну и перепады настроения случаются порой у юношей!..

Затрещали кусты, мужские тяжёлые шаги удалились вглубь леса, женские лёгкие ножки почти побежали к мельнице. Выждав некоторое время, магесса также перебралась через реку, и выбросила из головы все эти мельничные страсти.

Вечером она отдала готовое зелье присланному за ним мальчишке – наверное, сыну капитана. Велела передать его отцу совет оставить девочку пожить пока у дедушки с бабушкой, на ферме. Впрочем, она почти не сомневалась, что Паурен и сам сообразит держать дочь вдали от замка.

Наутро магесса решила наконец посетить владельца здешнего края, и около полудня прибыла в Файханас-Манор. Принимали её по-королевски, герцог встречал дорогую гостью на ступенях у парадного входа, во внутреннем дворе замка.

Родовое гнездо древнего семейства было выстроено не на века даже – на тысячелетия. Несмотря на то, что войны теперь случались редко, мощные крепостные стены, ров и подъёмный мост поддерживались в идеальном порядке. С развитием боевой магии такие укрепления перестали играть важную роль: осада подобного замка не заняла бы много времени, заклинания разрушили бы даже эти мощные, высокие стены. Но использование боевой магии во время войн было строго ограничено Магическим Куполом – советом сильнейших магов Акротоса. Чтобы получить разрешение Купола на использование боевых заклинаний массового поражения, требовались очень веские основания. А войско, прибегнувшее к несанкционированной помощи боевых магов, ждала встреча с разъярённым Магическим Куполом и уничтожение командиров, отдавших приказ. Самих проштрафившихся магов, разумеется, тоже убивали. К счастью, в своё время основатель Драконьего Ордена сумел донести до человеческих магов опасность использования мощных боевых заклинаний массового поражения, ибо это ?раскачивало? мир и сильно нарушало Равновесие.

Что касается Файханас-Манора, то сам замок был построен, кажется, ещё при драконах; стены и все постройки укреплены гномьей магией, не позволявшей им ветшать. Везде был идеальный порядок; старый герцог не терпел в своих людях расхлябанности и пренебрежения обязанностями.

?Мэору Айнуру? с почётом препроводили в парадную гостиную и угостили превосходным выдержанным лостренским вином. Рольнир Файханас был вежлив и любезен, оказавшись на редкость приятным собеседником. Выглядел он внушительно – высокий, чуть погрузневший с возрастом, с благородным профилем, так и просившимся быть запечатлённым на монетах. Бледно-голубые глаза смотрели пронзительно и чуточку хищно, по-ястребиному. Он держался просто, но величественно и даже, пожалуй, по-королевски.

Отдав минимальную дань вежливой светской болтовне, он перешёл к делу, лично пообещав магессе свою поддержку. Герцог был не только воином, но и отменным политиком, он давно научился превосходно лгать. Пытаясь уловить в его словах ложь, Айриэ натыкалась на некий барьер, не дававший понять, что герцог чувствует на самом деле.

Причём барьер был ни в коем случае не магического свойства, но щитом, созданным силой духа этого незаурядного человека. Что бы он ни чувствовал, посторонних впускать в свой внутренний мир он явно не собирался. Это вызывало уважение, и Айриэннис признала за ним право сохранить свои тайны в неприкосновенности. Существовала, конечно, ментальная магия, но использовать её против чьей-либо воли означало опустить себя до уровня того подловатого неизвестного мага.

– Так что, мэора Айнура, если у вас в возникнет нужда в чём-либо, смело обращайтесь. Сделаю всё, что смогу, – сказал герцог. – Например, если вам, мэора, потребуется быстрота передвижения, все лошади из моих конюшен в вашем распоряжении. Прошу вас, выбирайте любую, за исключением личных коней членов моего семейства.

Айриэ оценила тактичность его светлости. Он ни единым словом не коснулся сомнительного умения магессы выбрать себе лошадь, равно как его отменно вышколенные слуги не позволили себе ни одного косога взгляда в сторону невзрачного савраски.

– Мэор Рольнир, благодарю за столь щедрое предложение. Но мой конь изменён магически, и если понадобится, может обогнать любого породистого скакуна.

– Ах вот оно что... Понимаю, мэора. – Герцог вежливо склонил голову и более к теме лошадей не возвращался. – Но если есть что-то ещё, чем я могу помочь, я и мои люди к вашим услугам. Не скрою, мэора, меня очень беспокоит сложившаяся ситуация. Мне не нравится, что кто-то позволяет себе нападения на моих подданных. Я клялся защищать этих людей.

Вот здесь он не лгал, ему это действительно сильно не нравилось. Возможно, герцог счёл ?шалости? мага вызовом своей власти или же просто ощущал вину за то, что не мог удержать его в узде. Похоже, он чувствовал ответственность за людей, живших на его землях, и заботился об их защите, как и подобает хорошему правителю. Но чёрный маг, резвившийся у него под боком, скорее всего, не мог считаться психически нормальным. Магом в той или иной степени уже овладело безумие: неизбежная плата за использование Запретной магии. Удержать безумца от новых ?шуточек? герцогу будет крайне сложно, но ради его же подданных Айриэ надеялась, что Рольниру Файханасу это удастся.

В дверь вежливо стукнули пару раз, она распахнулась, и в гостиную стремительно ворвался стройный, легконогий, порывистый юноша, в котором магесса узнала Орминда Файханаса.

– Отец, ты передал, чтобы я зашёл к тебе, как только вернусь.

Герцог с затаённой гордостью представил своего наследника. Как говорили, сына он очень любит и, пожалуй, балует больше всех прочих, во что охотно верилось: была в юноше некоторая, едва заметная капризность. Внешне герцог был строг и суров, но вряд ли мог скрыть от сына любовь, чем тот беззастенчиво пользовался. То, что герцог не прощал ни себе, ни брату, ни кузенам, Орминду частенько сходило с рук. В столице поговаривали, что некоторые выходки герцогского наследника и его дружков были злыми и даже жестокими, но его светлость редко останавливал сына. Считал, что молодёжи нужно перебеситься, а затащенной в постель против своей воли служанке или нёсшему поднос с едой слуге, которому подставили подножку, можно просто хорошенько заплатить ?за обиду?. Иногда герцог терял терпение, и Орминду доставалось за свои шалости. Громкий разнос и чистка конюшен ненадолго охлаждали пыл наследничка, но вскоре он вновь принимался за старое.

Орминд был единственным сыном герцога. Его жена давно умерла: случился выкидыш, и второй сын герцога так и не появился на свет, а герцогиня потеряла слишком много крови.

Герцогиня Файханас, находившаяся тогда в своём приморском поместье, гуляла вдоль моря и, оступившись, упала с невысокого обрыва. Всё происходило на глазах троих доверенных слуг, однако пока герцогиню подняли и доставили в ближайший Лунный храм, она успела истечь кровью. Герцог долго оплакивал любимую жену и так и остался вдовцом; его сыну было в то время лет шесть – семь.

– Итак, мэора Айнура, как я уже говорил, мне очень не нравится происходящее, – продолжил герцог. – Это нападение на фермера и его свинью представляется мне на редкость глупой выходкой.

Орминд Файханас презрительно скривил уголок своих красиво очерченных губ: очевидно, разделял мнение герцога о происшествии на ферме.

– Однако глупая выходка легко могла закончиться трагедией, – заметила магесса. – Жизнь двоих детей Нарваса подверглась опасности.

Герцог едва заметно поморщился.

– Прошу вас, мэора, если сможете, постарайтесь найти этого злоумышленника.

– Приложу все усилия, – заверила магесса. – Используя Запретную магию, он поставил себя вне закона и подписал себе смертный приговор.

– За убийство кабанчика? – насмешливо вскинул брови наследник герцога, сидевший на подлокотнике кресла и беззаботно болтавший ногой.

– Нет, мэор, за то, что науськал на незащищенных людей свою ручную нечисть, – серьёзно ответила магесса. – И за наложенное на детскую куклу смертельное проклятие, едва не убившее дочь капитана Паурена.

– Что? – резко подался вперёд герцог. – О чём вы говорите, мэора Айнура?

Айриэ коротко пояснила. Герцог метнул грозный взгляд на наследника и спросил так, что, кажется, воздух в гостиной наполнился колкими, стылыми льдинками:

– Орминд?.. Почему я впервые об этом слышу?.. Выслушать ежедневный доклад было поручено именно тебе!

Наследник заметно поёжился, будто ему за ворот рубашки насыпали ледяного крошева.

– Отец, я... Извини, я просто не счёл это важным... Подумаешь, какая-то девчонка, кукла... Глупости всякие.

– Не счёл это важным? – медленно переспросил герцог, сдвинув брови и прищурив глаза. – Не счёл важным?! Нападение на дочь моего капитана – это неважно, по-твоему? Глупости, значит? Хорошо, вечером я с тобой поговорю как следует. Попрошу быть в моём кабинете после ужина! А сейчас ступай чистить конюшни. Два дня!

– Отец!.. – возмущённо вскинулся юноша. – За что? Я не...

– Три дня! – непререкаемо заявил герцог, и его сын счёл за лучшее промолчать. Кипя от возмущения, он коротко поклонился гостю и выскочил вон. Дверь с грохотом захлопнулась, выразив всю глубину негодования наследника.

– Мальчишка легкомысленный! – буркнул Рольнир Файханас. – Простите, мэора.

– Ничего страшного, герцог. Воспитываете наследника?

– Пусть поухаживает за лошадьми, это всегда полезно, – неохотно усмехнулся Файханас, словно заставляя себя.

Айриэннис показалось, будто он расстроен гораздо сильнее, чем желал бы показать гостю. Впрочем, неудивительно, ведь едва не пострадала дочь капитана герцогской гвардии, а это уже нападение на своего. А тут ещё сынок любимый напортачил, да подвернулся под горячую руку, за что и получил. Айриэ могла только надеяться, что неизвестного мага ждёт

крайне неприятный разговор, и хорошо бы герцогская выволочка оказалась действенной. Преступного мага она так или иначе поймает, но лучше бы он сидел тихо и больше не пытался вредить исподтишка. Ведь на самом деле в нападениях не было особого смысла и цели. Или она, Айриэ, их просто не видела. Мог ли маг быть настолько безумным, что нападал попросту от скуки? Развлекался, вынужденный сидеть на герцогской цепи? Неплохо бы его светлости сделать эту цепь покороче...

– Мэора Айнура, возможно, вы сочли бы для себя удобным поселиться в Файханас-Маноре, пока преступник не будет пойман? Прошу вас, будьте моей гостьей, – пригласил герцог радушно.

Интересно, он просто хочет держать магессу в поле зрения и заодно пытаться повлиять на ход ?расследования? или сделал это приглашение вынужденно, чтобы не давать повода для подозрений? Что ни говори, а даже для герцога – это честь, принимать у себя столь важную гостью. Не предложить ей приют было бы странно и, пожалуй, несколько неучтиво. Что ж, предложение заманчивое, но соглашаться она всё-таки не стала. Возможно, позже, поближе к Празднику Начала Осени, можно будет под вежливым предлогом напроситься пожить в замке, а пока она предпочитает сохранить свободу действий.

– Мэор Рольнир, я благодарю вас, но мне сейчас всё-таки удобнее жить в Кайдарахе. Быть может, маг чем-то себя выдаст, и я сумею наконец его поймать.

– Полагаете, это кто-то из жителей деревни? – Герцог цепко, со знаменитым файханасовским прищуром смотрел на магессу, будто пытался понять, что же она думает на самом деле.

– Возможно, герцог. Мне кажется, что да, – поспешила она дать понять, что обитателей замка подозревать и не думает. Неизвестно, впрочем, поверил ли Файханас. – Однако у меня нет ни малейшего представления о том, кто это может быть. А у вас не имеется каких-либо соображений по данному вопросу?

Герцог отрицательно покачал головой, и магесса продолжила:

– Знаете, мэор, я даже рада, что случай привёл меня в ваши владения. Правда, я намеревалась всего лишь спокойно пожить в сельской местности и насладиться вкусом знаменитой копчёной свинины, а вышло, что приходится охотиться на неизвестного преступника. Зато люди смогут получить защиту настоящего боевого мага, а это стоит испорченного отдыха, согласитесь. Ведь, насколько я поняла, мэор Мирниас – маг мирный, боевой магией практически не занимается – не его профиль. Он хороший артефактор, и вам с ним повезло, но сейчас вашим людям требуется боевой маг вроде меня.

– Именно так, мэора Айнура. Замечательно, что случай привёл вас в моё герцогство. – Интересно, ей показалось или герцог чуточку выделил слово ?случай?, не сумев сдержаться? А он мирно продолжил: – Что же, мэора, я понимаю ваше желание держаться поближе к предполагаемому месту обитания преступника, и не стану более настаивать на вашем переселении в Файханас-Манор. Но, смею надеяться, уж отобедать с нами вы не откажетесь?

– Спасибо, мэор Рольнир, с удовольствием принимаю ваше приглашение.

Следовало познакомиться с прочими Файханасами, и обед – как раз удобный случай для этого. Вдобавок, да простит её Тайра, простые, сытные блюда на постоялом дворе, безусловно, хороши, но хотелось для разнообразия полакомиться чем-нибудь эдаким. Например, Айриэ ужасно соскучилась по морепродуктам, которых в Кайдарахе не отыщешь, даром что герцогство владело обширным куском побережья. Рыбу любили на побережье, но чем дальше от моря, тем меньше ?сухопутные? жители ценили дары моря. Но уж к

герцогскому столу морепродукты наверняка доставляли – в магических холодильных шкафах, водружённых на повозки, что позволяло сохранить улов свежим.

Припомнив ещё кое-что, магесса обратилась с просьбой к хозяину замка:

– Герцог, если не возражаете, я бы хотела побеседовать с вашей экономкой. Она может знать что-то о той кукле, на которую было наложено проклятие.

Герцог окаменел; лицо застыло, взгляд сделался жёстким. Это продолжалось несколько томительных мгновений, пока наконец он не спросил отрывисто:

– Почему вы думаете, что экономка знает об этом?

– Девочка утверждает, что получила куклу в подарок. Ваша экономка при этом присутствовала.

– Вот как?

– Да, герцог. Я бы хотела знать, каким путём кукла попала в замок. Ибо проклятие на неё накладывал тот же маг, который резвился на ферме Нарваса. К сожалению, куклу пришлось уничтожить, чтобы спасти девочку, однако я уверена в своей правоте. Магический почерк или, если хотите, манера использовать заклинания – те же самые.

– Вот как, – медленно повторил Файханас. Прозвучало это почти угрожающе, но на магессу впечатления не произвело. – Что ж, я прикажу позвать сюда мэору Кландиру.

– Мэор Рольнир, я бы хотела поговорить с вашей экономкой наедине. Прошу прощения за прямоту, но мне вы будете мешать. При вас экономка неизбежно будет чувствовать себя скованно, а в более свободной обстановке может сказать больше. И дополнить рассказ некой крохотной, но немаловажной деталью, которая поможет мне взять верный след. Пожалуйста, я настаиваю, – нахально заявила магесса, честно глядя в глаза герцогу. Пусть попробует возразить.

Он не решился, понимая, что не может столь откровенно препятствовать скорейшему выявлению истины. Скрывая недовольство, сказал:

– Я понимаю, мэора, ваши мотивы, хотя я предпочёл бы знать, что делается в моём замке. Достаточно и легкомысленной небрежности, допущенной моим сыном. Разумеется, я в любом случае узнал бы о случившемся с семьёй капитана, но мой наследник должен уметь отличать важные сведения от пустяков, действительно не стоящих внимания будущего правителя герцогства. Теперь я возьму расследование этого случая под свой личный контроль. Но если вы так желаете, мэора Айнура, вы, разумеется, можете поговорить с экономкой без меня. Однако я попрошу вас по окончании разговора передать ей, чтобы она незамедлительно шла ко мне.

Айриэ кивнула в знак того, что выполнит его просьбу, а он позвонил слуге. Вскоре тот явился, и герцог велел проводить мэору магессу к экономке.

Пройдя широким коридором, стены которого украшали весьма неплохие картины художников разных эпох, они со слугой вышли в холл. Там, о чём-то глубоко задумавшись, стоял Фирниор Ниарас. Почему-то он показался магессе выглядящим чуть старше, чем при первой встрече: скорее всего, виноваты в этом были тени, что залегли под его глазами, и чересчур серьёзный вид. Юноша не обращал внимания на вошедших, пока они не подошли совсем близко. Он медленно поднял глаза и вдруг вспыхнул радостной, какой-то солнечной улыбкой, узнав магессу.

– Мэора Айнура!.. Как я рад вас видеть!.. – Он быстро поклонился и смотрел, не отрываясь. Чувствовалось, действительно рад; глаза так и сияли, постепенно меняя цвет на серо-лиловый.

– Взаимно, мэор Фирниор, – вежливо ответила Айриэ, с некоторым удивлением обнаружив в себе желание улыбнуться в ответ, уж очень заразительно и искренне это вышло у Фирниора.

– Мэора, если желаете, я покажу вам замок.

– Благодарю, как-нибудь в другой раз, – отказалась магесса. Ох, мальчик, знал бы ты, сколько она уже этих замков за свою долгую жизнь перевидала... – Мне нужно поговорить с экономкой.

– Я провожу вас, мэора, – предложил Фирниор и, дождавшись её кивка, отпустил слугу.

По дороге он развлекал магессу светской болтовнёй; обрадовался, узнав, что она остаётся на обед, и вообще всячески флиртовал, но так легко и ненавязчиво, что умудрился ни разу не вызвать раздражения магессы. Поэтому она не стала одёргивать этого хорошенького щеночка Файханасов и снисходительно позволяла за собой ухаживать.

Экономка отыскалась в столовой, где надзирала за слугами, накрывавшими на стол. Она оказалась невысокой, худенькой, но очень величественной дамой средних лет, с фамильным ястребиным профилем и высоким лбом. Она носила строгое тёмно-синее платье с белоснежными кружевными воротником и манжетами и не менее строгое выражение лица, соответствующее занимаемой ею ответственной должности. Вежливо проведя магессу в одну из небольших гостиных и усадив в кресло, сама встала перед ней и чинно сложила руки на животе. Мэора Кландира всем видом выражала готовность отвечать на вопросы, коль скоро так было угодно пожелать его светлости.

– Мэора Кландира, присаживайтесь, прошу вас, – магесса указала на другое кресло.

Любопытно, что, имея дворянское происхождение и будучи родственницей Файханасов, экономка держится нарочито скромно и подчёркивает своё подчинённое положение. Экономка, разумеется, не ровня хозяевам и их гостям, это нечто вроде средней прослойки между хозяевами и слугами, наряду, скажем, с женой капитана герцогских гвардейцев. Очевидно, у них свой кружок общения, куда могут входить также гувернантки и учителя, если они имеются в замке.

– Благодарю, мэора Айнура. – Экономка с достоинством опустила в кресло и выжидательно наклонила голову.

– У меня к вам несколько вопросов, мэора Кландира. Насколько я понимаю, вы родственница герцога?

– Достаточно дальняя, мэора. Я – дальняя кузина его светлости, можно выразиться так. – Экономка позволила себе сдержанную улыбку.

– Итак, мэора, мои вопросы будут касаться дочери капитана Паурена. Вы знаете, что девочка заболела? Её жизнь была в опасности, и только чудом девочка осталась в живых.

– Бэлли? Ах, нет!.. – вскрикнула Кландира, прижимая руку к сердцу. – Простите мою несдержанность, мэора, но мы все здесь очень любим маленькую Бэллиану и волновались о её здоровье.

– Сейчас с ней всё в порядке, Бэлли уже поправляется, – успокоила её магесса.

– Но что же случилось? Девочка не выглядела слишком больной, но капитан решил увезти её к бабушке с дедушкой, на их ферму.

– Это я и хочу выяснить. Видите ли, мэора Кландира, болезнь девочки связана с некой куклой гномьей работы.

– Кукла в виде придворной дамы в платье персикового цвета? Но как она может быть связана с болезнью? – удивилась экономка. – Это же обычная детская игрушка. Да, она

дорогая, но у многих девочек из знатных семей имеются подобные.

– Тем не менее, она несла в себе смертельную угрозу. Насколько я знаю, мэора Кландира, вы присутствовали, когда кукла перешла к девочке. Пожалуйста, расскажите мне, как это случилось.

Экономка побледнела:

– Мэора магесса, но вы же не думаете, что я... Я не могла бы причинить девочке вред! Это просто игрушка!..

– Это не просто игрушка, но я прошу вас рассказать мне, как она попала к дочери капитана, – с нажимом повторила Айриэ. – Я пока ни в чём вас не обвиняю.

– Хорошо, мэора. – Женщина постаралась взять себя в руки. – В тот день Бэлли, как всегда, сопровождала меня. Ей нравится мне ?помогать?, я поручаю ей несложную работу. Бэлли – прелестное дитя, я привязалась к ней, как к родной... Я вдова, и своих детей у меня нет, – пояснила она со слабой улыбкой. – Так вот, в тот раз я занималась уборкой в старой игровой комнате мэори Юминны, младшей дочери брата его светлости, мэора Эстора. Периодически там необходимо поддерживать порядок, эту комнату держат для маленьких гостей замка, ибо сама мэори Юминна давно выросла. Итак, я разбирала игрушки, кое-что следовало выбросить или отдать деревенским детям. Сейчас девочек подходящего возраста в замке нет, у кузена его светлости мэора Нэрбиса Ниараса двое маленьких сыновей. Я не знаю точно, в какой момент это произошло, но я вдруг обнаружила, что Бэлли, увлечённо копавшаяся в старых игрушках, держит ту самую куклу. Девочке игрушка очень понравилась, у неё подобных, разумеется, никогда не было. Она буквально вцепилась в куклу и, хотя я велела оставить игрушку в покое, наотрез отказалась это сделать. Я даже растерялась немного, Бэлли обычно была очень послушна, а тут в неё будто некий нечистый дух вселился. Она кричала и плакала, топала ногами – словом, устроила настоящую истерику.

Экономка усмехнулась чуть смущённо, будто каким-то образом несла ответственность за девчонкину истерику. Айриэ на её месте хорошенько рявкнула бы на капитанскую доченьку, чтобы той вопить неповадно было. Впрочем, магесса детей, мягко говоря, недолюбливала и подозревала, что её воспитательные методы не встретили бы одобрения у обладателей родительского инстинкта.

– Я не помнила, чтобы когда-либо раньше видела именно эту игрушку, хотя что-то подобное у юных мэори Файханас всегда имелось. Безусловно, это была слишком дорогая вещь, чтобы я могла ею распорядиться по собственному усмотрению. Если бы речь шла о каком-нибудь старом меховом зайце, я бы просто отдала его девочке, не ставя в известность его светлость. Но здесь и речи быть не могло, чтобы отдать столь дорогую игрушку чужому ребёнку, не принадлежащему к семье Файханас. Девочке предстояло понять, что не все капризы могут – и должны – исполняться. Однако случилось так, что мимо проходил член семьи его светлости, и уж у него, разумеется, было полное право распорядиться игрушкой. Он услышал крики и плач, зашёл к нам и, выяснив, в чём дело, сказал: ?И столько шума из-за какой-то куклы? Конечно же, пусть девчонка забирает её себе!" Так что, как видите, мэора Айнура, кукла перешла к девочке на законных основаниях, если можно так выразиться.

– И кто же это был? – подалась вперёд магесса.

– Мэор Фирниор Ниарас.

Приводя себя в порядок в отведённой ей комнате, Айриэннис размышляла. Был ли Фирниор искомым магом? Верилось с трудом. Он, пожалуй, слишком солнечный для этого. Хотя ей тут же припомнилось его вчерашнее злобное шипение на мельничиху, и магесса уже

не знала, что и думать. Люди – существа загадочные, попробуй пойми, что у них в душе творится...

Поскольку все гостевые покои в замке были оборудованы ванными комнатами, Айриэ с удовольствием быстренько освежилась под душем. Удобно, что одежда благодаря заклинанию оставалась чистой, хотя подумалось, что выглядит она, пожалуй, скромновато для обеда в герцогском замке. Ну, это дело поправимое. Парочка ?иллюзорных? заклинаний, и магесса щеголяла в обтягивающих брючках из светло-серой, словно бы светящейся, так называемой ?жемчужной? замши. Простая белая рубашка теперь выглядела золотистой туникой из очень дорогого ?паутинного? шёлка, доставляемого гномами с соседнего материка, Стайфарра, населённого свирепыми серпентесами. Тонкую талию подпоясывал узорчатый тёмно-золотистый пояс, а короткие, аккуратные ногти покрывал слой лака с янтарно-золотистыми переливами. Вздыхнув, взглянула на свои унылые, прямые волосы до плеч и поняла, что этот образ ей поднадоел. Взмах – и причёска стала по-мальчишески короткой, с задорно торчащими ?пёрышками?. Часть прядок теперь поблёскивала тёмным золотом. Надо будет потом закрепить иллюзию причёски, а то эта рассчитана на сутки.

Иллюзии были удобны тем, что в реальности Айриэ оставалась в своей собственной, лёгкой одежде. В замшевых брючках по летней жаре и свариться недолго, а так ей удобно, окружающим – приятно.

В дверь раздался деликатный стук, потом прозвучал голос Фирниора:

– Мэора Айнура, позвольте войти?

И не лень ему было узнавать, где её разместили?.. Хмыкнув, магесса позволила. Юноша вошёл – и застыл, только глаза сделались большими-большими. Ну что он удивляется, спрашивается? Никогда магов не видел, что ли? На простенькую иллюзию, которой она сейчас воспользовалась, способен любой выпускник Магической Академии, даже, наверное, Мирниас.

Очнувшись, Фирниор выдохнул хрипловато:

– Мэора, вы невероятно хороши!.. Позвольте проводить вас в столовую? Гонг к обеду вот-вот прозвучит.

– Провожайте, – милостиво позволила магесса, опираясь на предложенную руку.

В холле они наткнулись на владельца замка. В глазах герцога отразилось явное одобрение изменений, появившихся в облике магессы. Рольнир Файханас небрежно кивнул юноше:

– Спасибо, Фирио, дальше я сам займусь нашей гостьей. Мэора Айнура, прошу! Вы выглядите обворожительно, я просто сражён!

Юноша чуть сдвинул брови, но никак не оспорил самоуправство двоюродного дядюшки, хотя явно не был в восторге. Что ж, соблюдение субординации дисциплинирует молодых людей и идёт им на пользу. Сменив кавалера, магесса величественно прошествовала в столовую и была представлена собравшимся там обитателям Файханас-Манора.

Сидя за столом и вкушая, главным образом, вожделенные морепродукты, Айриэннис поддерживала светский разговор и рассматривала членов семейства Файханас.

Эстор Файханас был очень похож на своего старшего брата. Как говорили, он всегда и во всём поддерживал герцога, был ему предан и не завидовал его титулу. Особенной братской любви между ними не наблюдалось, скорее, это было взвешенное, основанное на разумности и доверии партнёрство. Эстор вёл себя сдержанно, ел и пил умеренно, на магессу поглядывал с некоторым любопытством, но без опаски, явно не считая достойным

противником. Либо вообще не противником, хотя бы на данный момент.

Его супруга, мэора Альдарра, была лукава и смешлива, несмотря на свой почти что пожилой возраст, охотно поддерживала застольную беседу и умело сглаживала периодически намечающиеся столкновения между сотрапезниками. Её младшая дочь, та самая мэори Юминна, очень на неё походила – жестами, привычками и улыбками, только была на добрых три десятка лет моложе. Также из женщин за столом ещё сидела супруга герцогского кузена, Синтиона Файханаса, который вместе с сыном отсутствовал по делам.

Другой кузен его светлости, Нэрбис Ниарас, был представителем боковой ветви рода. Раз в три-четыре поколения дочь Файханасов выдавали за наследника Ниарасов, и два рода всегда были очень тесно связаны не только узами кровного родства и вассалитетом, но и общностью интересов – торговых, политических и прочих. Нэрбис значительно больше походил на герцога, чем Фирниор, являясь обладателем фамильного носа и резких, хищных черт лица. Он был тёмно-русый с обильной проседью на висках, хотя едва ли достиг сорокалетия. Его серо-голубые глаза поочерёдно останавливались на сотрапезниках, будто он постоянно анализировал их застольные реплики и делал для себя некие выводы. Выводы, впрочем, были большей частью благоприятными, однако стоило взгляду коснуться его старшего сына, как на лбу Нэрбиса ненадолго проявлялась вертикальная морщинка, а глаза тут же переходили на другого сотрапезника. Говорил он также немного, предоставляя прочим развлекать гостью и самих себя обсуждением талантов повара, погодных явлений и веяний придворной моды.

Его супруга была женщиной высокой и статной, белокожей и длинношеей, с длинными, но очень изящными руками и гордым взглядом. Она равно дарила внимание всем сотрапезникам, кроме своего старшего сына, на которого вообще старалась не смотреть. Впрочем, это было бы незаметным, если бы Айриэ специально не вглядывалась в каждого из присутствующих за столом и не отмечала про себя малейшие нюансы их поведения. Что интересно, Фирниор мало походил на отца и не имел никаких общих черт с матерью, что давало повод усомниться в его родстве с мэорой Эльдией. Впрочем, очень может быть, что Нэрбис был женат вторым браком, таких подробностей касаясь членов семьи герцога Айриэ не помнила.

Самым же любопытным было, что никто в разговоре не коснулся причин и целей пребывания магессы в родовых землях Файханасов, равно как не обсуждались недавнее происшествие на ферме Нарваса. Это было в своём роде весьма показательно. Айриэннис не стала сама поднимать данную тему, поскольку ничего полезного это не принесло бы. Разве что лишний раз подтвердило бы умение аристократов ?держатъ лицо? и скрывать свои чувства от посторонних, в чём магесса и так не сомневалась.

В общем и целом следовало признать, что обед у герцога прошёл не совсем уж бесполезно (особенно с учётом того, что она славно полакомилась подкопчёнными мидиями, креветками и восхитительной запечённой рыбой). Она лично познакомилась с большинством Файханасов, хотя и не получила почти никаких зацепок относительно выяснения личности преступного мага. На первый взгляд, почти все Файханасы были довольно-таки приятными людьми, а что скрывалось под их внешней оболочкой, в милой застольной беседе не выяснишь.

Рольнир Файханас после обеда весьма радушно приглашал магессу задержаться и погостить ещё, но она вежливо отказалась и уведомила герцога, что вскоре уедет, однако сначала немного побродит по окрестной территории – вдруг, мол, удастся узнать что-либо

связанное с её расследованием. Уточнять, что именно, магесса не стала, а герцог из деликатности не спрашивал. Заверив, что коня её приводить не нужно, до конюшен она доберётся сама, Айриэ заметила, что мэр Рольнир едва ощутимо напрягся при слове «конюшни». Однако тут же расслабился и любезно заявил, что Файханас-Манор в её полном распоряжении. На том они и распрощались.

По правде говоря, Айриэ и сама не знала, что собирается искать. Она больше намеревалась помаячить для вида в саду и возле хозяйственных построек, поболтать со слугами, не то чтобы действительно надеясь выяснить что-то важное – скорее, поиграть на нервах неизвестного мага. Должна же она создавать видимость бурной деятельности. А то как-то даже обидно: обитатели замка восприняли появление её персоны на редкость буднично и даже беззаботно. Хоть бы кто встревожился, кроме разве что самого герцога, да и тот свою обеспокоенность умело прятал.

– Мэора Айнура, вы решили прогуляться по саду? Буду очень рад составить вам компанию!

Магесса едва подавила стон. Опять этот неугомный щеночек! А она-то надеялась, что избавилась от юноши, исчезнувшего куда-то сразу после обеда.

– Пожалуйста, примите сей скромный дар! Я его собственноручно составлял! – Тёмно-серые глаза смеялись.

Фирниор протягивал ей букет роз. Оранжевых с розовыми переливами, да. Впрочем, этот букет смотрелся куда более благородно: аккуратный, дополненный перистой зеленью и белыми жемчужинками гипсофилы, перевязанный шёлковой лентой в тон. Айриэ поднесла букет к лицу, чтобы скрыть ухмылку. Интересно, на ободранных кустах ещё хоть что-то осталось?

– У вас неплохо получилось, – милостиво признала она. – Так и быть, проводите меня до конюшни.

Они двинулись неспешно, прогулочным шагом. Юноша непринуждённо болтал, рассказывая что-то из славной истории замка, она же рассеянно поддакивала и осматривалась, но не заметила ничего, что заставило бы встрепенуться её чутьё. Кажется, ищейка из неё никакая, ну и ладно.

Может, маг теперь немного притихнет, ибо Айриэ была практически уверена, что взбешённый нападением на дочь Паурена герцог устроит своему кудеснику весёлую жизнь. А что Рольнир Файханас, хоть и прекрасно владел собой, но был именно взбешён, она нисколько не сомневалась.

– Фирниор, послушайте, вы помните ту куклу? – решила она спросить в лоб, безжалостно прерывая рассказ об осаде замка тысячелетней давности.

– Какую куклу, мэора? – непонимающе захлопал он своими тёмными стрельчатыми ресницами, не будучи в силах так сразу переключиться с героических деяний на девчачьи глупости.

– Которую вы разрешили забрать дочери капитана Паурена.

Он остановился и нахмурился, пытаясь напрячь память – либо же умело притворяясь, что вспоминает.

– Это было больше декады назад. Экономка наводила порядок в старой детской, что ли, а девчонка была при ней. Раскапризничалась из-за дорогой гномьей куклы, ну, вспоминаете? В конце концов, это же вы там присутствовали, не я!

– А-а, теперь припоминаю! – просветлел Фирниор. – Действительно, было. Эта

девчонка так противно визжала... Разумеется, я разрешил ей забрать игрушку, у кузин таких с десяток, к тому же они давно уже выросли. Сейчас всё равно некому играть в куклы, в замке только двое детей, мои единокровные братья.

А, выходит, её догадка насчёт второй жены его отца верна, мимоходом отметила магесса и спросила:

– А вы знаете, откуда эта кукла появилась?

– Ну, как и все прочие, наверное, – неуверенно ответил Фирниор. Он задумчиво растопырил пальцы левой руки и потянулся пригладить волосы, от чего они ещё больше растрепались. – Из лавки с игрушками. В столице, скорее всего, покупали. Если честно, я понятия не имею, мэора.

Зачем магесса задавала ему эти вопросы, юноша не полюбопытствовал. Возможно, из простой деликатности, но могло быть и так, что он и сам всё прекрасно знал. Или не могло?.. Ох, нелегка сыскная работа... как выяснилось опытным путём. Не то чтобы Айриэ никогда раньше не занималась чем-то подобным, просто последний раз случился очень давно и не здесь, в почти уже забытом прошлом.

Возле конюшен, куда они наконец дошли, им навстречу попался хмурый, недовольный наследник, катящий здоровенную тачку с навозом. Выходит, его светлость не так уж и балует сына, раз периодически воспитывает физическим трудом. Орминд охотно воспользовался случаем оставить тачку и отвесил язвительный комплимент:

– О, вы значительно похорошели со времени нашей последней встречи, мэора!

– Зато вы стали попроще, – спокойно ответила Айриэ. – Вам это, пожалуй, на пользу.

Орминд, облачённый в затрапезного вида рубаху и штаны, зло вспыхнул. Явно разозлён из-за чрезмерной, как он считает, отцовской кары, а тут ещё магесса подвернулась, из-за которой всё и случилось.

– Не будет ли угодно прекрасной мэоре, чтобы я привёл её дивного коня? – осведомился он издевательским тоном, отвечивая преувеличенно почтительный поклон.

– Будет, – мирно отозвалась Айриэ, не обращая внимания на его злость.

– О, сию секунду, мэора! Особенно если ваш кавалер соизволит пойти со мной и помочь.

– Пойдём, Орминд! – тоже вполне добродушно откликнулся Фирниор, очевидно, давно приученный к язвительности и капризам кузена.

Когда они появились, Орминд вёл в поводу Шоко, Фирниор – тонконового вороного красавца с лоснящимися боками. Наследник кривил рот в злорадной улыбочке, на щеках его кузена играли желваки: видимо, Орминд удачно съязвил, дабы поднять себе настроение. Подойдя, герцогский сынок небрежно сунул магессе повод и брезгливо заметил:

– Будь я на вашем месте, мэора, я бы побоялся сесть на такого одра.

– Ничего, мэор Орминд, видимо, я гораздо храбрее! – невозмутимо отпарировала магесса и потрепала Шоко по шее.

Фирниор, скармливавший яблоко своему коню, едва слышно фыркнул. Порывшись в карманах, нашёл ещё одно и протянул Шоко. Тот не стал ломаться и взял яблоко, аккуратно пощекотав губами ладонь юноши.

– Зато он умный и славный, – искренне заявил Фирниор и потянулся погладить коня. Его кузен только презрительно скривил губы, но промолчал, снова взявшись за тачку.

?Ты тоже ничего?, – выражал весь вид Шоко, с небывалой снисходительностью принимавшего ласку от чужого человека. И даже укусить не попытался, вот чудеса-то.

Вспомнив, что держит в руке несчастные розы, магесса секунду поколебалась – не выбросить ли, но передумала и принялась пристраивать букет в седельную сумку. Просто представилось почему-то, каким злорадством вспыхнут глаза герцогского сына, да и Фирниора обижать не хотелось. Пожалуй, от юнца может быть польза. Надо его расспросить о родственничках, вдруг да проболтается о чём-нибудь интересном.

– Вы собрались на прогулку, Фирниор? Тогда давайте после подъёмного моста наперегонки до реки! – Магесса удобства ради сбросила иллюзию с одежды, вернувшись к привычным лёгким рубашке и штанам.

– Хорошо, мэора! – глаза юноши загорелись азартом.

ГЛАВА 8

Они мчались сначала по дороге, вздымая клубы пыли, примерно с полмили – мимо полей пшеницы и ржи, потом ещё немного до зелёных кустов на берегу, через скошенный во второй раз луг. Река была всё та же, Мельничная, плавно извивавшаяся вокруг Кайдараха. От реки к замку тянулся канал, питавший крепостной ров. Наверняка тоже гномы ещё в стародавние времена делали: копали вручную, потом укрепляли заклинаниями – чтобы не мелел, не заиливался, не ?цвела? в нём вода.

Пришли к кустам почти голова в голову, вороной отстал на пару ладоней. Иллюзию с Шоко магесса не снимала, иначе нечестно, какой смысл соревноваться. Шоко никакой скакун не догонит, но когда он был в облике савраски, то из-за магических и физических законов был вынужден подстраиваться под ?иллюзорные? короткие, толстые ноги, снижавшие его скорость.

Давая разгорячённым коням остыть, они немного поехали по берегу шагом, со смехом обсуждая скачку, потом спешили, устроившись в тени густых кустов. Айриэ, как всегда, отпустила Шоко бродить на свободе, только заткнула поводья за седло, чтобы не болтались. Конь тут же потянулся к воде, рядом пристроился вороной, привязанный хозяином к кустам. Взгляд магессы зацепился за грустные розы, торчащие из седельной сумки, и Айриэ решила дать им шанс. Щедро окунув букет в воду, она положила его на траву рядом с собой.

Айриэ с Фирниором разлеглись в тени на травке, отдыхая. Магесса лениво полюбопытствовала:

– Фирниор, почему вы не стали предлагать мне фору?

– Мэора Айнура, я сначала хотел, но... Пусть ваш конь выглядит заведомо хуже моего, и любому другому в подобной ситуации я бы, разумеется, дал фору – зачем мне нечестная победа? – пожал он плечами. – Но мне показалось, что вы знали что делали, когда выбирали себе лошадь. Если вы ездите на этом саврасом, значит, у вас есть на то основания. Дело не в бедности и не в отсутствии вкуса, как подумал было Орминд. И ведь я оказался прав!

Он лукаво улыбнулся и перекатился на живот, подперев щеки кулаками.

– Вам не откажешь в разумности, – усмехнулась магесса. – Ну, а теперь расскажите мне что-нибудь интересное – например, об обитателях замка. Какие они?

– Файханасы – древний род, влиятельный и могущественный, но это вы наверняка знаете. Мой двоюродный дядюшка был дружен с отцом нынешнего короля и едва не стал регентом после его смерти, но большинство членов Королевского Совета решили, что шестнадцать лет – возраст недостаточный для того, чтобы надеть корону и нести полную ответственность за королевство. Однако его величество Кайнир сделал герцога своим ближайшим советником и, как говорят, дядюшка заменил королю умершего отца. Я был тогда слишком мал, чтобы это хорошо помнить, а потом мы стали реже бывать в столице и

чаще жили в Файханасе. Но я помню, как его величество запросто заезжал в гости в наш городской особняк в Юнгире, да и в Файханас-Маноре, случалось, гостил. – Фирниор подумал и добавил: – Мэор Рольнир кажется строгим и даже суровым, но он всегда справедлив. Он умеет приказывать, а его люди очень ему преданы. Поэтому он сейчас так расстроен тем, что происходит – ведь его светлость обещал защиту всем, кто живёт на его земле и платит ему налоги.

– А его наследник? – полюбопытствовала Айриэ. – Язвительный и не слишком любезный молодой человек, как мне представляется.

– Что язвительный, так это точно, – рассмеялся Фирниор. – У Орминда злой и колючий язык, но на самом деле он лучше, чем кажется. Просто он сегодня раздражён из-за ссылки на конюшню, он не слишком любит чистить стойла и ухаживать за лошадьми.

– А что, часто приходится?

– Да когда как. В общем, мы – я, Орминд, раньше ещё и Койдир – иногда развлекаемся чисткой конюшен, если его светлость бывает чем-то недоволен, – смущённо признался он. – Койдир – это другой мой кузен, сын дядюшки Синтиона, ему двадцать пять. Они с дядюшкой оба отсутствуют, занимаются делами имения, за которое отвечают. Вообще у нас никто не живёт в праздности: женщины ведут замковое хозяйство, мужчины заняты делами герцогства. Его светлость, как он говорит, не терпит бездельников.

– Весьма разумный подход, – заметила Айриэ. – А ваша остальная родня?

Он послушно принялся рассказывать, давая краткую характеристику каждому члену семейства и иногда добродушно иронизируя в адрес родственников.

Дядюшку Эстора полностью удовлетворяет роль правой руки его светлости: прав почти столько же, а обязанностей и головной боли не в пример меньше. К герцогскому титулу младший брат не стремился и никогда не давал повода заподозрить себя в зависти. С его светлостью Эстор, бывает, спорит и даже ругается, но, можно, сказать, по-дружески – не по злобе.

Тётушка Альдарра – преданная супруга и отменная хозяйка; до женитьбы Орминда замковое хозяйство ведёт она, и ждёт не дождётся, когда можно будет передать бразды правления молодой хозяйке. Правда, Орминд пока что о женитьбе думать не желает, но если его светлость решит, то кто станет спрашивать кузена? Женится и будет преданным супругом.

Кузина Юминна – девушка неплохая, хотя порой излишне насмешливая. Сейчас она немного дует на родителей: на Большом Летнем Балу должны были объявить о её помолвке с представителем семейства Сэйбаонов, однако в последний момент обе стороны решили повременить с этим до зимы. Кстати, т-с-с, мэора, это секрет, но вы Юминну немного раздражаете. Девушка сама желала бы обладать вашими смелостью и независимостью, однако опасается прослыть неженственной и вынуждена изображать паиньку. И вашим брючкам она отчаянно завидует, ведь девушкам из хороших семей позволено носить брюки только при прогулке верхом или в путешествиях, но никак не за обедом. Юминна интересуется магией и всякими зачарованными предметами, так что порой даже снисходит до бесед с мэором Мирниасом. Не смотрите так насмешливо, беседы весьма благопристойные и всегда в присутствии компаньонки кузины.

Дядюшка Синтион и Койдир много времени проводят в разъездах по всему герцогству, представляя интересы его светлости. Оба не любят долго жить на одном месте, тем более в древнем Файханас-Маноре, который они за глаза именуют фамильным склепом.

– А вы и ваши родители? Расскажите мне семейные тайны? – чуть поддразнивая, улыбнулась Айриэ.

Вот как раз о семейных тайнах он рассказывать не станет, усмехнулся он про себя. Даже ей.

Айнура будоражила воображение и дразнила пряным, чуточку резковатым и невероятно притягательным ароматом загадочности. С такими женщинами Фирио ещё не сталкивался. Магессам позволялось многое – точнее, а кто бы им мог запретить вести себя так, как хочется? Независимость суждений, гордый нрав, смелость и решительность, право быть самими собой, а не наряженными по чьему-то вкусу куколками дорогого стоили. Наверное.

Айнура могла отпугнуть своей резкостью и неженственностью, но стократ сильнее Фирио притягивали её необычность, экзотичность даже, и нечто ещё, скрытое глубоко внутри её существа. Неуловимая загадка – как бабочка, чуть мазнувшая крыльшками по раскрытой ладони и ускользнувшая раньше, чем он собрался её поймать. Только лёгкая пыльца на коже осталась – пыльца, незаметно отравившая его желанием извлечь тайну на яркий солнечный свет. Хотя подспудно он понимал, что не ко всем тайнам следует приближаться, от иных лучше держаться на безопасном расстоянии, иначе бабочкой рискуешь стать ты сам. Мотыльком пустоголовым, выющимся над свечой.

Фирниору, быть может, хватило бы силы воли держаться подальше от этой яркой, независимой личности, пока он не успел отведать ядовитой радости общения с ней. Однако существовала просьба его светлости – для него равносильная приказу: ?Будь рядом с нашей гостьей, если сможешь, но никогда не навязывайся?. Интересы рода требовали присмотра за опасным противником, каковым являлась магесса. Нет, Фирио не обольщался касаясь своих способностей, но герцог ничего не делал зря. Возможно, его светлость решил, что Фирниор просто сумеет отвлечь магессу от того, что ей видеть не полагается, или же планировал нечто иное. В любом случае, Фирио надлежало сделать то, о чём его просили.

Магесса расспрашивала об обитателях замка, Фирио отвечал, стараясь непринуждённой болтовнёй развлечь собеседницу и при этом не сказать ничего, что могло бы нанести ущерб роду. А вот услышав вопрос о себе, он медлил, едва ли не впервые почувствовав желание рассказать всё как есть. Видимо, правду говорят, что постороннему человеку довериться легче, а носить всё в себе не так уж легко. Может быть, не будет вреда, если он поведаёт кое-что о крайне неудачном браке виконта Ниараса...

Без малого девятнадцать лет назад юный беззаботный красавчик Нэрбис Ниарас гостил у одного из своих друзей в герцогстве Сэйбаон. Кончался последний месяц осени, с неба периодически сыпался мокрый снег вперемешку с дождём. Когда Нэрбис отправился на верховую прогулку по окрестностям, его конь угодил ногой в какую-то яму, замётённую снегом, и упал. К счастью, любимый конь виконта не пострадал, чего не скажешь о его хозяине: тот успел спрыгнуть, но так неудачно, что повредил ногу. С виконтом был один лишь слуга, а места были безлюдные: берег моря, скалы, заснеженные песчаные дюны и вересковые пустоши. Ближайшим местом, где виконту могли оказать помощь, было небольшое поместье рингира Биорса, куда виконт добрался с помощью слуги.

Целителя-мага в тех диких местах не имелось, а привезённые из ближайшего храма Лунные сёстры облегчили боль в распухшей ноге виконта и предписали ему полный покой в течение полдекады. О том, чтобы перевезти его хотя бы в дом друга, не могло быть и речи: слабенькое ?лунное? заклинание могло развеяться и нанести ноге ещё больший вред. Виконту, не привыкшему к жизни в глуши, оставалось лишь тихо беситься от скуки и с

тоской вспоминать о тех благословенных временах, когда маги умели делать исцеляющие амулеты, так называемые ?лечилки?. В позапрошлом веке случилось что-то такое (виконт не был силён в истории), что маги именовали ?билтинским феноменом?, из-за которого в Акротосе перестали нормально работать боевые и исцеляющие амулеты. Зато, словно бы в качестве компенсации, начали рождаться сильные маги – и целители, и боевые.

Хозяин поместья, рингир Ойдир Биорс, радушно пригласил виконта оставаться столько, сколько ему будет угодно. Поместье было небольшим, но богатым. Отец старого рингира был морским капитаном на гномьем океанском корабле – из тех, что ходили на соседний материк Стайфарр за тамошними экзотическими товарами. Капитан Биорс успешно заботился о гномьих интересах, не забывая, впрочем, и о своих собственных. И в своё время сумел так порадовать юнгиродского короля шоколадом, кофе, паутинным шёлком и разными экзотами от серпентесов, что получил сначала личное дворянство, а после и право передать его потомкам. Его сын Ойдир с морем не ладил, предпочтя прожить спокойную и обеспеченную жизнь в своём уютном поместье. Ойдир сделал довольно удачные вложения в океанскую торговлю, что гарантировало пусть небольшую, зато стабильную выгоду: гномьи предприятия никогда не прогорали. Разумеется, Ойдир сумел бы многократно увеличить унаследованное состояние, если бы лично плавал за океан, однако странствия были ему решительно не по вкусу. Его сын пошёл в деда, и сейчас отправился в своё третье плавание на Стайфарр в качестве второго помощника капитана. Со старым Ойдиром оставались жена и семнадцатилетняя дочь Сэнфия.

Итак, виконт отчаянно скучал, хозяева всячески старались развлечь страдальца беседами и даже музицированием. Очевидно, от скуки всё и случилось: проведя в обществе юной Сэнфии несколько восхитительных часов, Нэрбис вообразил, что влюблён. Ему едва сравнялось двадцать, он был пылок, решителен и привык получать всё, что пожелает. К несчастью, девица была слишком добродетельна, и единственным способом получить желаемое оказался брак. Виконт к тому времени дошёл до такой стадии влюблённости, когда ему казалось, что сия любовь обречена быть вечной и что он решительно не может вообразить себе дальнейшей жизни без тихой, нежной, золотоволосой девушки с ласковыми серыми глазами.

Вторым несчастливym обстоятельством было то, что рядом с виконтом не оказалось умудрённых опытом советчиков, которые отговорили бы его от столь опрометчивого шага, как женитьба на девице не своего круга. Родители виконта уже скончались, а герцог наслаждался собственным семейным счастьем и не вмешивался в дела кузенов. Узнав о скоропалительной женитьбе Нэрбиса, его светлость ограничился письмом, в котором сдержанно высказал своё неодобрение, но и только. Всё равно поделаться ничего уже было нельзя.

Родители Сэнфии, надо сказать, тоже не слишком одобряли этот брак, несмотря на титул и высокое положение жениха. Однако они видели, что их дочь полюбила Нэрбиса, и это обстоятельство оказалось для них решающим. Через декаду после знакомства брак виконта Ниараса и Сэнфии Биорс был зарегистрирован мэром ближайшего городка: ждать долее Нэрбис не соглашался.

Родители давали за Сэнфией солидное приданое, вдобавок она получила неплохое воспитание, была нежна, послушна и ласкова, к тому же проявила редкостную твёрдость в вопросах добродетели, что и позволило молодому человеку считать, что девушка станет превосходной супругой для него. Увы, влюблённый виконт по молодости лет не учитывал

такую мелочь, как весьма сомнительное происхождение Сэнфии, а следовало бы. То, что позволено простому рингиру, ну на крайний случай барону, никак не приличествует виконту, представителю древнего рода и кузену одного из знатнейших людей Юнгира. Женитьба на внучке простолюдина, какого-то морского капитана и торговца!.. Высшее общество сей брак единодушно осудило, но, впрочем, возложило вину отнюдь не на кузена герцога Файханаса, а на провинциальную ловкачку, обманом окрутившую наивного влюблённого юношу.

Новоиспечённая виконтесса Ниарас встретила весьма холодный приём при дворе, когда виконт, как полагалось, представил свою супругу его величеству. Да и сама Сэнфия ужаснулась, поняв, сколь огромная пропасть пролегает между ней и теми, кто считался ровней её супруга. Прямодушие, искренность высказываний считались глубоко провинциальными и вменялись ей в вину. Общество было безжалостно и не прощало ни единого промаха юной виконтессы, будь то неумение разбираться в веяниях моды, незнание стихов любимого придворного поэта или непонимание двойного, а то и тройного смысла ?засахаренных гадостей?, высказанных нарочито участливым тоном.

Сэнфия боялась шагу ступить без своего мужа, чтобы не наделать новых промахов, а юношу это поначалу весьма умиляло. К сожалению, недолго. Ибо он-то прекрасно понимал все завуалированные намёки, получил немало показного сочувствия и наслушался рассказов про сделанные его супругой ошибки. Вдобавок старый король, весьма недовольный этим браком, потерял терпение и ясно дал понять виконту, что ?внучке простолюдина? при его дворе не место. Самому виконту также было настоятельно рекомендовано не показываться в столице в ближайшие несколько месяцев и оставаться в своём имении Мэй-Ниарас. Опала явилась для молодого человека настоящей катастрофой: кончается зима и приближаются весёлые новогодние праздники, а он вынужден будет сидеть в глуши, вместо того чтобы блистать на столичных балах!.. И всё из-за этой... добродетельной супруги!

Виконт был, мягко говоря, взбешён. Глухое раздражение поднималось в нём всякий раз при взгляде на несчастную супругу, чей образ в его глазах уже значительно потускнел. Игрушка начала приедаться. Последней каплей стало известие о беременности Сэнфии и о запрете посещать супружескую постель. Виконт отправился искать утешения в объятиях провинциальных вдовушек и нимало не озаботился тем, чтобы скрыть свои похождения от жены. Мнение Сэнфии его отныне не интересовало. Нэрбис постарался забыть о наличии у него законной супруги. Пусть сидит в имении, занимается хозяйством, вышивает, да что угодно, лишь бы пореже показывалась на глаза. В общем, мимолётное увлечение виконта прошло, но заплатить ему пришлось слишком дорого, причём он искренне считал себя единственным пострадавшим.

О чувствах бедной Сэнфии никто не думал. Юная женщина, которую ?доброжелатели?, тайно злорадствуя, просветили насчёт походов мужа, молча проливая слёзы в одиночестве, оплакивая свой неудавшийся брак. Она-то любила по-настоящему, в отличие от легкомысленного мальчишки, только игравшего в любовь. Впрочем, Сэнфия надеялась, что после рождения ребёнка муж отгадет и простит её мнимые прегрешения, особенно если она родит сына. Откуда же бедняжке было знать, что виконт готов был молить Лунных богинь о том, чтобы родилась дочь. Ибо в таком случае он, проживая отдельно от супруги, через пять лет мог тихо и благопристойно развестись, мотивируя это тем, что ему необходим наследник. Закон в таких случаях был на стороне мужчины. Девчонку он бы охотно отдал матери, по крайней мере, до тех пор, пока ей не исполнится шестнадцать. А после можно

было бы подумать о замужестве дочери и заключить с кем-нибудь выгодный союз. Проклятье, ну зачем, зачем ему вообще пришло в голову перед свадьбой избавиться от противозачаточного заклинания?.. Надо же было так поглупеть от любви!..

Прошло несколько месяцев, и в конце весны герцог сообщил своему непутёвому кузену, что ему разрешено вернуться ко двору, ибо король наконец смягчился. При условии, что ?виконтесса-простолюдинка? никогда не появится во дворце. Это как нельзя более устраивало Нэрбиса, и он умчался в Юнгир, оставив беременную супругу в родовом имении. Он весело отпраздновал Начало Лета и провёл следующие три месяца в гостях сначала в Файханас-Маноре, потом у нескольких друзей. Отметив, по традиции, Праздник Начала Осени в сельской местности, к началу нового светского сезона виконт вернулся в столицу, как и большинство дворян. Там его и застало известие о том, что в седьмой день осени виконтесса Ниарас родила сына.

Робко надеясь на примирение с мужем, Сэнфия написала ему ласковое письмо. Гордая тем, что родила мужу наследника, она предлагала назвать сына Фирниором, выкопав это имя в одной из древних хроник прервавшегося рода графов Мэй-Ниарас, от которого и пошли нынешние виконты.

Разочарование, обрушившееся на виконта, было слишком велико. Он-то уже успел убедить себя в том, что для него всё обойдётся благополучно, а теперь развод был возможен разве что в том случае, если виконтесса запятнает себя супружеской изменой. Ага, как же, дождёшься от неё такого подарка... Махнув рукой на свою загубленную судьбинушку, виконт с головой окунулся в развлечения, тем более что на его-то измены общество охотно закрывало глаза.

Ответил он на письмо супруги весьма нелюбезно, впрочем, послав ей какую-то дорогую побрякушку в подарок, ибо того требовали традиции. Имя сына его не слишком волновало, пусть будет, как предлагает Сэнфия, а появился виконт в Мэй-Ниарасе лишь следующим летом. К тому времени юная виконтесса уже поняла, что любовь мужа ей не вернуть. Да и как вернуть то, что и вовсе никогда не существовало? Внешне она смирилась со своим положением, опасаясь сделать хуже сыну, которого отец и так недолго любил. Однажды просветил супругу, за что именно: ведь это Фирниору, с его нечистой кровью, предстояло стать наследником титула. Виконт к тому времени уже успел стать изрядным снобом, переняв взгляды его величества.

Фирио никогда не помнил свою мать весёлой или просто искренне улыбающейся. Бледные, бескровные губы с печально опущенными уголками, потухшие серые глаза, строгое тёмное платье – почти вдовий наряд, своеобразная месть охладевшему к ней супругу. Увы, того наряды опостылевшей жены не заботили вовсе: вдвоём они никуда не выезжали, званых балов не устраивали, так что пусть носит хоть мешковину, ему-то какое дело. Деньги у неё имелись: исправно выплачиваемое содержание и собственное приданое, до которого виконт и пальцем не дотронулся.

С Фирио мать была ласкова, проводила с ним много времени, рассказывала сказки об океанских чудовищах, злобных воинственных серпентесах и отважных морских капитанах. Когда мальчик немного подрос, вместо сказок появились истории из жизни. Мать, будто чувствуя, что ей недолго осталось, подробно и не единожды рассказывала о знакомстве с виконтом и своём скоропалительном замужестве, хоть эти рассказы были не слишком-то понятны мальчику. Это потом он, вспоминая, понял гораздо больше того, что Сэнфия Ниарас хотела сказать. Мать была откровенно несчастна; она, кажется, устала от жизни и

тихо угасала, хотя тогда он, разумеется, был слишком мал, чтобы это понять. Она умерла, когда Фирио было девять. Простудилась во время очередной своей долгой прогулки в слякоть и дождь и запустила простуду; с пренебрежением отнеслась к непрекращающемуся кашлю, отказавшись вызвать целителя. Когда спохватились, было уже поздно, воспаление лёгких быстро свело её в могилу. Она не хотела жить.

Отец никогда его не любил, это мальчик понимал с самого раннего детства, но упрямо тянулся к нему, надеясь хоть чем-то привлечь его внимание, вызвать одобрение – да просто улыбку, в конце-то концов! Увы, Фирио доставалось лишь безразличие, чаще всего смешанное с брезгливостью. Сын напоминал виконту о совершённой в юности ошибке, и ни робкие улыбки мальчика, ни его успехи в учёбе или фехтовании, не могли смягчить Нэрбиса. Его ужасало, что следующим виконтом Ниарас станет этот... правнук простолюдина, сын нежеланной женщины, заманившей его в ловушку неравного брака. Да-да, со временем виконт охотно снял с себя большую часть вины, переложив её, как нетрудно догадаться, на супругу, завлëкшую его в свои сети ласковыми телячьими взорами и дурацкой добродетелью. Что ей стоило уступить и отдаться ему, они бы мило провели время вместе и разошлись бы, как только всё наскучило. Подумаешь, за девственность она свою держалась, как будто эта самая девственность хоть что-нибудь стоит. Да, поначалу его эта старомодная, провинциальная скромность нравов умиляла, но надо же меру знать!..

В память Фирио врезался один случай. Был день похорон матери – бесконечный, холодный, серый и словно тоже заплаканный: с неба сыпался подмокший снег и таял на щеках, помогая прятать слёзы. Мальчик уже тогда ненавидел плакать на людях, и только порой, забившись куда-нибудь в уголок, позволял себе проявлять слабость. Вечером Фирио бродил как потерянный по опустевшему дому, и его как магнитом тянуло в столовую, где расположился отец. Мальчик понимал, что ему вряд ли обрадуются, но где-то в глубине души смутно надеялся найти у отца участие и поддержку.

Фирио хотел проскользнуть в столовую незамеченным, но у него не вышло. Отец в одиночестве сидел за столом, перед ним стоял кубок и кувшин с вином. В столовой был полумрак, и тени дрожали на стенах: комната освещалась единственным подсвечником с несколькими свечами, магические светильники не горели. Виконт поднял голову и сказал невыразительно:

– А, это ты. Возьми себе кубок и иди сюда, раз явился.

Ослушаться Фирниор не посмел. Подойдя к столику в углу, взял серебряный кубок, как у отца, потому что его маленького кубка, в который ему наливали несколько глотков лёгкого вина за ужином, не было. Виконт наполнил кубок до краёв и велел:

– Сядь и выпей. За твою мать!

Фирниор молча глотнул терпкого тёмно-красного вина и во все глаза уставился на отца. Тот не был пьян, умея во хмелю сохранять ясную голову, но вино развязало ему язык.

– Покойная виконтесса Сэнфия Ниарас... как звучит, а! – медленно протянул виконт, будто смакуя каждое слово. – Своей смертью твоя матушка оказала мне большую услугу.

Его глаза блестели в полумраке; нос с благородной горбинкой как никогда напоминал клюв хищной птицы.

– Верная супруга, преданная мать... мир её праху! – Прозвучало это как издёвка.

Фирио смущённо молчал, только изредка смачивал губы вином.

– Да-а, сегодня у меня праздник. Удивляешься? – искоса глянул на мальчика Нэрбис. – Так говорить не принято? Ничего, кто меня здесь услышит? Ты не в счёт, кому ты нужен... А

я десять лет ждал свободы. Что твоей матери стоило завести себе любовника, а? Я бы с чистой совестью развёлся и вернул её родителям, вместе с приданым. Так нет же, эта ходячая добродетель предпочла возвышенно страдать...

Фирио молча уткнулся взглядом в кубок с вином; в эту минуту он ненавидел отца за злые, несправедливые слова.

– Ну-ка, посмотри на меня! – приказал виконт, и мальчик нехотя подчинился. – Что волчонком смотришь? Не нравится правду слышать? Ты слушай, тебе полезно. Я хочу, чтобы ты не питал никаких иллюзий. Твоя мать имела слишком низкое происхождение, чтобы быть достойной супругой одного из рода Файханасов, а ты – её сын. И мой, к моему величайшему несчастью. И почему только ты не родился девчонкой?..

Пальцы Фирио до дрожи стискивали кубок; губы тоже тряслись и, чтобы скрыть это, он сделал несколько поспешных глотков и раскашлялся, размазывая по лицу выступившие на ресницах слёзы. Виконт хмыкнул и, осушив свой кубок, заново наполнил его.

– Твоё происхождение позорит наш славный род. Моя юношеская глупость грозит обернуться бедой. Разве сможет такой, как ты, с честью носить столь славное имя? Ты ведь на Файханасов и не похож почти, весь в свою матушку уродился. Я с ужасом жду, что ты вот-вот откроешь в себе склонность к торговле, – едко заметил отец. – А дворяне не должны торговать, они должны служить королю и проливать свою кровь за королевство, если это потребуется. Но ты вряд ли на это способен... И вряд ли ты сделаешь мне такой же подарок, как твоя мать, и благопристойно скончаешься от какой-нибудь хвори.

Фирниор чувствовал, что ещё минута, и он позорно разревётся. В носу невыносимо щипало, злые слёзы жгли глаза, но пока он удерживал их, не давая пролиться. В отчаянии он опять припал к кубку и осушил до дна. В голове уже шумело, лицо отца то отдалялось, то приближалось, а тени на стенах устроили какую-то дикую пляску. Пришлось зажмуриться, а потом он, кажется, даже ненадолго провалился в сон – мутный и тяжёлый. Мальчик не мог открыть глаза – они тут же закрывались обратно, но слышал, как виконт позвал своего камердинера и приказал невозмутимо:

– Отнеси щенка в его комнату. Дай ему молока и проследи, чтобы выпил.

Фирио помнил, что его чуть не вытошнило, а потом он через силу глотал молоко и его не оставляли в покое, пока чашка не опустела. Комната кружилась, а постель под ним медленно покачивалась. Потом он уснул, а наутро у него даже голова не болела. Зато ныло где-то глубоко внутри, как только на память приходили жестокие и холодные слова отца. С тех пор он понял, что, пожалуй, может считать себя круглым сиротой.

А месяц спустя после смерти Сэнфии Ниарас пришло письмо от герцога, в котором он настоятельно приглашал кузена пожить в Файханас-Маноре. Потеряв супругу, герцог постепенно собирал в родовом гнезде всех членов семейства – очевидно, чтобы заполнить гулкую пустоту в замке и в собственной душе. Избавившись от неудобной жены, виконт Ниарас теперь тоже мог с полным правом вернуться в лоно семьи.

Фирниор не хотел ехать в Файханас-Манор и боялся этого, хотя из гордости старательно скрывал свой страх. Он был уверен, что ничего хорошего его там не ждёт. Если уж собственный отец хотел бы, чтобы он умер, то чего было ждать от грозного герцога?

Однако же его светлость встретил мальчика если не слишком радушно, то вполне спокойно и уж точно без поправок в низком происхождении. Об этом ни герцог, ни кузен Орминд впоследствии вообще ни разу не упомянули. А тогда, при первой встрече, герцог задал несколько вопросов, Фирио что-то отвечал, от волнения даже не запомнив, о чём его спрашивали. Потом мальчика отпустили, и он вышел, побоявшись слишком громко хлопнуть дверью. Из-за этого она осталась неплотно прикрытой, и до Фирио неожиданно донеслись голоса из кабинета герцога. Из любопытства он решился послушать, о чём говорят его светлость и виконт, раз уж подвернулась счастливая случайность.

Голос герцога сказал:

– Признаться, я опасался худшего. Но это неплохой материал, из которого можно вылепить что-то вполне достойное. Ещё не поздно взяться.

– Оптимист, – проворчал отец.

– А ты недалёковиден, Нэрбис. Зачем своими руками делать врага из собственного сына? Оттолкнуть его от себя легко, а ты попробуй сначала приручи, чтобы пользу роду приносил.

– Тебе легко говорить, Рольнир, это же не твой наследник, – ядовито заметил виконт. – Тебе он нужен, вот ты его и приручай.

Ответа герцога Фирио так и не услышал: позади него раздалось весьма неодобрительное покашливание и, испуганно повернувшись, мальчик обнаружил герцогского камердинера, строго и укоризненно смотревшего на него. Залившись краской до корней волос, Фирио последовал за камердинером в комнату, где ему отныне предстояло жить.

С кузеном Фирио познакомился в тот же день. Когда в его комнату без стука ворвался тоненький, высокий русоволосый мальчик и улыбнулся шальной, чуточку капризной улыбкой, сказав: ?Ну здравствуй, я твой кузен Орминд?, – Фирио понял, что обрёл своего кумира. Орминду было уже целых тринадцать лет, он был сильный, ловкий, смелый и дерзкий. К маленькому, обожающему его Фирио кузен относился с редкостной снисходительностью, позволяя собой восхищаться. Правда, порой кузен довольно зло высмеивал мальчика или безжалостно наставлял ему синяков деревянным мечом в учебном поединке, но Фирио никогда не обижался на него всерьёз. Даже если Орминд подбивал наивного мальчишку на рискованные шалости, сам ловко оставаясь в стороне. К тому же герцог был достаточно проницателен, чтобы понять, кто является тайным инициатором

совершённых безобразий. Так что если Фирио ссылали на конюшни на пару дней, Орминду назначали четырёхдневное воспитание трудом. И ещё его светлость при этом непременно устраивал сыну разнос.

– Никогда нельзя делать врагов из своих собственных людей просто из глупого мальчишеского каприза, – втолковывал герцог насупленному наследнику, стоявшему перед ним навтыяжку. – Своих людей нужно беречь и ценить, тогда они пойдут за тобой в огонь и в воду. А Фирниор – твоя родня, он из твоего рода, хочешь ты этого или нет. Вам всю жизнь предстоит прожить бок о бок, он должен быть твоим союзником, а не врагом. Плодить врагов в собственном окружении глупо и недальновидно, Орминд! Срывай своё дурное настроение на фехтовальных манекенах и не веди себя как сопливый мальчишка, пора уже вырасти! Ты – будущий герцог, ты должен уметь смотреть на много лет вперёд и просчитывать свои действия на несколько ходов, а не потакать собственным детским капризам!

Помогли отцовские внушения либо же Орминд действительно повзрослел, но зло задирать слабого младшего кузена он почти перестал. А на язвительные замечания Фирио быстро научился не обращать внимания, он же знал, что Орминд это не со зла, просто у него характер такой.

Прочие обитатели замка приняли нового члена семьи с царственной невозмутимостью. Если его светлость решил, так тому и быть. Особенной любви к мальчику никто не питал, но безразличности и презрения, как от отца, Фирниор по отношению к себе не видел, и ему этого хватало.

Не прошло и полугода, как его отец снова женился, и на сей раз жена имела подобающее происхождение. Графская дочь Эльдия Кальфарас охотно согласилась стать супругой виконта, несмотря на более низкий, чем у её отца, титул: положение герцогского кузена с лихвой всё искупало, в том числе и наличие сына от первого брака. Мэора Эльдия вскоре подарила супругу двоих сыновей, которым сейчас было семь и пять лет. Фирио чувствовал себя рядом с ними лишним и старался пореже попадаться на глаза отцу и мачехе, тем более что поселили его в другом крыле замка.

Фирио никогда не позволял себе всерьёз задумываться, было ли человеческое отношение к нему двоюродного дядюшки следствием плана по ?приручению? или же нет. Юноша просто знал, что, если потребуется, для герцога и кузена Орминда он готов пойти на любые жертвы.

Далеко не сразу Фирниор осознал, что рассказал Айнуре гораздо больше того, что намеревался. Поняв, почувствовал острую досаду и скомкано окончил рассказ. Он давно уже сидел, обхватив руками колени, и упорно не поднимал глаз: на траву смотреть безопаснее, она тебя ответным взглядом не одарит и жалости не выкажет. Больше всего Фирио сейчас опасался, пожалуй, именно жалости, будто он нарочно плакался тут как сопливый мальчишка, чтобы его сочувственно погладили по головке и дали конфетку.

Магесса сидела рядом в такой же позе, как он, и молчала. Через какое-то время поднялась, подозвала своего чудного коня и порылась в седельной сумке – Фирио наблюдал за ней краем глаза. Вернувшись, плюхнулась опять на траву и сделала несколько плотков из фляги.

– Сидру холодного хотите? – спросила буднично.

Фирио кивнул и рискнул поднять глаза, принимая флягу. От желудка куда-то вниз ухнул холодный комок, щекотнув тревогой и растворяясь в мгновенно нахлынувшей радости: в

ореховых глазах магессы было понимание. Не жалость и не равнодушие.

– Выходит, вам почти восемнадцать, Фирниор? – спокойно спросила Айнура. – Я думала, больше.

– Говорят, я выгляжу немного старше своих лет, – пожал он плечами. – Моё совершеннолетие – в седьмой день осени. Его светлость обещал устроить праздник, а потом мы вернёмся в столицу.

Охлаждённый заклинанием сидр приятно пощипывал язык и нёбо. Вернув флягу владелице, юноша сидел рядом и молчал, а магесса улеглась, откинувшись на траву, и тоже, кажется, не испытывала потребности в болтовне.

Где-то на том берегу, скрытые зеленью деревьев, назойливо верещали птенцы-подростки – не то требуя еды от замотанных родителей, не то просто затеяв ссору. Ветерок изредка легонько теребил ветви ив, заставляя их издавать тихие вздохи. Было жарко, спокойно и безлюдно, пока на дороге не показался всадник, чей конь передвигался ленивой рысцей. Всадник заметил их лошадей и направился напрямик к кустам, где укрылись от зноя Фирио и магесса. Та приподнялась на локте, всматриваясь в силуэт всадника.

– А, это Тианор, – зевнула она и томно, грациозно потянулась.

А Фирио почему-то ощутил сожаление, что сюда явился кто-то ещё, хотя, в общем-то, ничего не имел против полуэльфа, с которым был едва знаком.

– Айнура, а я тебя искал! – весело заявил менестрель, спешиваясь и наматывая поводья своего гнедого на ивовый ствол. Отвесил лёгкий поклон сыну виконта: – Моё почтение, мэр Фирниор.

Юноша ответил на приветствие, а Айриэ заметила:

– Теперь нашёл. И?

– А я-то питал робкую надежду, что ты мне обрадуешься, – проворковал менестрель ей на ушко, присев рядом и обняв её за плечи. – Я вот по тебе скучал, любовь моя... Кстати, тебе очень идёт новая причёска, ты стала ещё очаровательнее!

– Да мне вроде некогда было скучать, – невинно хлопая ресницами, ответила магесса. – Я чудесно провела время в Файханас-Маноре.

Скосив глаза, заметила, что Фирниор чуть прикусил губу и отвернулся, чтобы не мешать им ворковать. Почему-то юноша выглядел очень сердитым.

– О да, я вижу, Айнура, ты времени зря не теряла, – беззлобно рассмеялся менестрель, кивая на валявшийся в траве букет роз. – Обзавелась тайным поклонником? Миленькие цветочки. Но, надеюсь, ты помнишь, что я был в этом деле первопроходцем? Интересно, и почему именно этот сорт пользуется такой популярностью у кавалеров?

– Вот себя первого и спрашивай, – насмешливо посоветовала магесса. – Мне-то откуда знать? Я принимающая сторона... О, Фирниор, вы уже уезжаете?

– Да, мэора, мне пора, – кивнул юноша, избегая её взгляда. Отвязал своего вороного и влетел в седло, сухо пожелав на прощание: – Желаю приятно провести время!

– Тин, ты зачем мне мальчика спугнул? – Магесса проводила его взглядом, подавила очередной зевок и недовольно уставилась на менестреля.

– А зачем он возле тебя крутится? – вопросом на вопрос ответил любовник.

– Вообще-то мне решать, кто возле меня будет... крутиться, – заметила Айриэ.

– Так и знал, что ты это скажешь, – насупился менестрель и тряхнул своей кудрявой гривой. – А ревновать я что же, не могу, по-твоему?

– Не смей! – фыркнула магесса. – Своих предыдущих пятьсот подружек ты тоже

ревновал?

– Почему это пятьсот? – недовольно засопел Тианориннир.

– Названная мной цифра – это оскорбительно мало или оскорбительно много?

– Да откуда же мне знать, сколько их было? Я не считал!!! Но ревновал, да. Немножко и самых-самых особенных, – расплылся в плутовской улыбке менестрель.

– Тин, тебе сколько лет? – задумчиво спросила магесса. – Я вижу, что не двадцать пять, но всё-таки?

– Тридцать семь.

– А мне – лет эдак на сто двадцать побольше, – сказала абсолютную правду магесса, насмешливо вздёрнув бровь.

– Ха, уж не думаешь ли ты меня напугать? – рассмеялся Тианор. – Я же полуэльф, что мне твой возраст? Я и сам лет триста проживу, не старея. Так и помру молодым и красивым!

Он шутливо вздохнул и придвинулся ближе, накрыв губы Айриэ своими. Она позволила его шаловливому язычку немного поиграть с её собственным, потом решительно отстранила своего кудрявенького барашка:

– Не увлекайся, Тин. На кровати в номере гораздо комфортнее.

– Где твоя романтичность?.. – ещё более тяжело вздохнул менестрель, но послушно отодвинулся.

– Отродясь не имелось.

– Я это подозревал, – тихонько проворчал Тианориннир.

ГЛАВА 9

Два следующих дня прошли спокойно, лениво и расслабленно. По-прежнему было знойно и пыльно, и желание поиграть в ищейку растаяло, как кусок масла под горячим летним солнцем. Двигаться было лень, разве что до реки и обратно – искупаться и поваляться в тени старых плакучих ив.

Гриллод порой заказывал в столице разные деликатесы для богатых постояльцев, и поскольку припасы в зачарованных холодильных шкафах могли храниться довольно долго, то рано или поздно кому-нибудь сии лакомства пригождались. Гриллод в том числе заказал несколько сортов лучшего мороженого, ещё в начале лета, но спросом оно не пользовалось: у Файханасов имелись свои поставщики, для крестьян это было чересчур дорогое баловство, а солидные купцы, главные клиенты Гриллода, сладостями не увлекались. Мороженое всего-то раз и подавалось к столу для двух юных мэори, вместе с родителями бывшими проездом в Кайдарахе. Почти отчаявшийся скормить кому-нибудь холодное лакомство Гриллод предложил его магессе и неожиданно для себя встретил горячее одобрение. Хозяин постоялого двора, признаться, в глубине души питал опасение, что из него самого сосульку сделают – магесса порой бывала сурова. Но оказалось, что она нежно любит мороженое, и Гриллода если в чём и упрекнули, так в том, что не додумался предложить его раньше.

Айриэ, облизываясь в предвкушении, скупила все запасы мороженого в кладовых Тайры и готова была съесть его одиночно. Правда, подобрев после третьей порции, великодушно поделилась с изнывающим полуэльфом, который мороженое тоже уважал. В общем, немаленький запас был уничтожен за два с половиной дня, но зато Айриэ относилась к окружающим с прямо-таки небывалым добродушием.

На третий день солнце нещадно палило уже с самого утра. Земля казалась раскалённой, как в южной пустыне; ни легчайшего дуновения, ни крошечного облачка в бледно-голубом, тоже словно полинявшем от зноя небе. К полудню стало ещё тяжелее дышать, а небо

затянула белёсая, мутная пелена, через которую едва просвечивало желтоватое солнце. От зноя попрятались все – и собаки, одурело валявшиеся в тенёчке, и куры, вяло купавшиеся в пыли, и их хозяева, кто опрометчиво вышел с утра в поле. Птички по кустам не чирикали, даже пчёлы исчезли, нимало не интересуясь яркими цветами в палисадниках.

Айриэ, пообедав последней порцией мороженого и с сожалением вздохнув, решила высунуть нос на улицу. Раскалённый воздух опалил лицо нестерпимым жаром. У себя в номере магесса давно использовала охлаждающее заклинание, там было хорошо и комфортно. Неудивительно, что Тайра это оценила и, смущённо помявшись, попросила почтенную мэору магессу ?заколдовать? весь постоянный двор, пообещав скинуть плату за проживание. Айриэ это было нетрудно и, недолго думая, она сотворила ?холодильного духа?. Заклинание работало по принципу магического ?светлячка?, который, в отличие от светильника, следовал не за магессой, а круглые сутки, как ему было задано, порхал по дому, легко проходя сквозь стены и охлаждая воздух. Постояльцы сначала отнеслись к причуде магессы нервно – и то сказать, трудно оставаться спокойным, когда к тебе в комнату врывается нечто, подозрительно напоминающее призрака, и обдаёт могильным холодом. Но вскоре новшество оценили и даже высказывали благодарность.

Вяло побродив по саду, магесса ретировалась обратно в дом. Встретив Гриллода, шедшего на кухню со стопкой тарелок в руках, предупредила:

– Скоро гроза будет и буря, скорее всего.

Ни на миг не усомнившись в словах магессы, Гриллод кликнул на помощь отпрысков и отправился убирать всё, что могло пострадать от буйства стихии. Через час стало ясно, что Айриэ была права: на северо-западе показались первые тучи, пока несерьёзные, но за ними шла настоящая буря, зародившаяся над океаном и нёсшаяся от самого побережья вглубь суши. Первые порывы ветра уже освежали лицо и пригибали макушки деревьев, когда во двор влетел Тианор и кинул поводья своего гнедого встревоженному конюху.

– Уф, еле успел! – Довольно улыбаясь, Тианор подошёл к стоявшей во дворе магессе, пристально смотревшей на небо. – Ты что делаешь? Любуешься?

– Да нет, хочу немного перенаправить ветер, а то будет слишком много разрушений.

– Что-о-о ты хочешь? – изумлённо переспросил менестрель. – Но как?.. Ты собираешься... управлять бурей?! Это же невозможно!..

– Не собираюсь я ничем управлять, – нетерпеливо откликнулась магесса. – Я просто попрошу

. Я слышу ветер, он слышит меня. Мы не враги, он откликнется и выполнит мою просьбу подняться чуть выше. Этого будет достаточно, чтобы дома и деревья в Кайдарахе уцелели.

– Ничего себе!.. – восхищённо выдохнул Тианор.

– А что, собственно, тебя удивляет? Эльфы на такое вполне способны.

– Так то эльфы, чистокровные. Про магов, слышащих стихии, я редко слышал. Или ты с эльфами в родстве? Я в тебе родню не учуял...

Айриэ не отозвалась, пусть думает что хочет. Тианориннир некоторое время наблюдал, потом спросил:

– А зачем тебе, Айнура? Ведь, если я правильно понимаю, тебя никто не нанимал сделать это? И никто не узнает, что ты избавила деревню от неприятностей? Даже спасибо не скажет?

– Ну и что? – рассеянно спросила Айриэ. – Я буду знать. Мне достаточно, собственно.

Полуэльф тихонько хмыкнул, потом встал сзади и осторожно обхватил её талию.

– Я не мешаю?

– Нет, – почти не слушая его, отмахнулась магесса, ибо ураганный ветер наконец достиг Кайдараха.

Весь вечер и полночи в вышине грозно завывал ветер, ливень то утихал, то принимался вновь, барабаня по прикрытым ставнями окнам. Ветер

почувствовал

просьбу Айриэннис и прошёл выше, почти не задев постройки и деревья и лишь жёстко погладив их для острастки. Изредка выныривая из сна, Айриэ слышала шелест дождя, а под утро и он затих.

Разбудили Айриэ невыносимо рано, ещё и восьми, кажется, не было. В дверь забарабанили, и послышался встревоженный голос Тайры, зовущий магессу. Та недовольно откликнулась, и Тайра просунула голову в комнату:

– Мэора Айнура, там вас срочно спрашивают!

– Кто ещё? – злобно поинтересовалась магесса, ненавидевшая, когда её будили, да ещё такую рань.

– Гвардеец его светлости, говорит, что от капитана Паурена – срочно, мол.

– Тьфу на него! Ладно, пусть поднимается и ждёт в коридоре, позову.

Тоже проснувшийся полуэльф протяжно зевнул и деликатно спросил:

– Айнура, мне уйти?

– Оставайся, если хочешь, какие тут могут быть тайны? – Хмурая, толком не проснувшаяся магесса принялась одеваться, потом подошла к рукомойнику и поплескала в лицо холодной водой. Помогло, бодрости заметно прибавилось.

Дождавшись, пока Тианор натянет штаны, открыла дверь и позвала:

– Заходите, любезный!

Гвардеец – усатый, плотненький и начинающий лысеть, поспешно вошёл и вытянулся перед магессой:

– Мэора Айнура, капитан Паурен просил вас оказать любезность и как можно скорее прибыть на мельницу!

– И к чему сия спешка?

– Мельничиха найдена мёртвой нынче на рассвете. В леске на том берегу. Говорят, нечисть её задрала!

– Корррявое Равновесие!.. – рывкнула Айриэ, слыша, как рядом ошеломлённо выругался Тианор, помянув мохнатые орочы задницы.

На улице было хмуро, сыро, грязно и непривычно зябко, после недавней-то жары. Жирные тёмные тучи набухли, кажется, над самой землёй, сливаясь с висевшей в воздухе серой хмарью. Дождь периодически принимался моросить, будто его ночью мало вылилось. Айриэ благоразумно надела зачарованную от промокания кожаную куртку и надвинула капюшон на самый лоб. Увязавшийся с ней Тианориннир тихонько шмыгал озябшим, покрасневшим носом, нахохлившись в седле и пряча руки под плащом, одолженным у Гриллода.

Мрачный Паурен обнаружился возле мельницы. Там же толпилась кучка взбудораженных деревенских жителей, чьих ушей уже успела достигнуть сенсационная новость. Эдак скоро сюда весь Кайдарах сбежится! Капитан, впрочем, благоразумно поставил двоих гвардейцев у переправы на тот берег – отгонять любопытных. Пока они до

большого моста через реку доберутся и в обход через лес пойдут, да и погода не особенно располагает. Хотя бы половина назад повернёт. К тому же, вполне может быть, что капитан и там выставил охрану.

– Мэора Айнура, здравствуйте! Очень признателен за то, что вы сочли возможным уважить мою просьбу. Кажется, это опять ваш неизвестный маг.

– Маг как раз ваш, местный, – вежливо возразила Айриэ. – Впрочем, неважно. Что случилось? Жена мельника действительно мертва?

– Мертвее не бывает, – буркнул Паурен. – Нечисть её сильно когтями порвала, но лицо почти не тронуто. И веночек проклятый рядом валяется, так его разэтак!.. Белые цветы с зеленцой и... гнилые какие-то.

Видно было, что ему нестерпимо хочется выругаться похлеще, но из уважения к магессе он молча давился злостью и даже, пожалуй, некоторой растерянностью.

– Мельник сегодня в замок примчался примерно через час после того, как рассвело. Его светлость, впрочем, был уже на ногах, он вообще спит мало, и выслушал рассказ лично. Потом приказал мне с отрядом гвардейцев ехать к мельнице – всё осмотреть и после просить вас приехать, если подтвердится, что там маг душегубствовал, а не обычный бандит. Герцог подумал, что вы должны это видеть, раз уж вы этого мага ловите. Хотя за мэором Мирниасом тоже послали, на всякий случай.

– Его ждёт незабываемое зрелище... Ладно, показывайте. Где она? Ваш гвардеец сказал, что в лесу за мельницей.

– Да, мэора, прошу вас. А вы, мэор Тианориннир, что же, с нами желаете? Ну, если вам так угодно... – Едва заметно пожал плечами в ответ на причуду менестреля, капитан предупредил обоих: – Выглядит там всё... страшновато. Порвали её сильно.

– Не переживайте, рингир, я – боевой маг, и не такое видеть доводилось.

Они перебрались на тот берег и двинулись в уже знакомый Айриэ лесок. Капитан действительно догадался оцепить место, где нашли тело. Гвардейцы его светлости отгоняли прочь всех любопытных, чтобы убереечь следы.

– Хотя следов тех осталось... – скривился Паурен досадливо. – Её, похоже, ещё перед бурей убили или во время, не знаю уж, мэора. Может, вы своей магией больше увидите. Мельник говорит, она вчера днём в лес пошла, травы какие-то собирать. Буря же внезапно налетела, она могла не успеть вернуться, если ушла далеко. Собственно, мельник так и подумал, что она в лесу укрылась. Там вроде шалаш травницы имеется, насколько я понял. А встревожился Нэйс потом, когда она и вечером не вернулась. В ненастье искать смысла не было, он ночь дома промаялся, а едва начало светать, отправился с двумя работниками в лес. Ну и нашли... Оно всё неподалёку случилось. Да и мы уже на месте, мэора. Вон там следы, видите? Это мельник и работники, а вот здесь я и мои люди ходили, чтобы не затоптать.

Миновав расставленную в лесу цепочку молчаливых гвардейцев, вытянувшихся при виде командира, они дошли до места, где лежала бедная мельничиха. Зрелище действительно было не из самых приятных. Айриэ вспомнила, какие громадные когти были у твари, если тут, разумеется, поработала она. А работала усердно, с-сволочь. Не тот фарш, конечно, что остался от хряка, но рвали молодую женщину безжалостно, от горла до паха. Крови, наверное, было много, но ливень смыл большую часть, на лохмотьях одежды и вокруг остались только расплывчатые бурые пятна. В широко распахнутых глазах Зари застыло выражение ужаса и боли, на левой щеке виднелась длинная рваная рана, будто нарочно прочерченная когтем. Рядом с телом лежал веночек невесты. Зачем он их оставляет? Из

тщеславия, что ли? Этакая своеобразная подпись, лёгкая форма безумия?..

Следы, если они были, уничтожила непогода. Хотя если всё случилось перед бурей, то на сухой, твёрдой земле отпечатков обуви или лап твари и не осталось. Вокруг местами была примята трава, а кусты сломаны – очевидно, мельничиха пыталась убежать, а тварь с ней играла. Находился ли на месте преступления хозяин или он управлял тварью издали? Осмотревшись, Айриэ заметила чуть в стороне хорошо вытоптаный пяточок травы, словно кто-то стоял там довольно продолжительное время. Наблюдал за устроенным им самим представлением? А то, может, и целую речь толкнул, доморощенные злодеи порой склонны к театральности. Поговорить о своих великих деяниях нестерпимо хочется, да вот беда, не с кем, кроме разве что жертв...

Рядом резко выдохнул Тианориннир и тихонько выругался сквозь зубы. В ответ на вопросительный взгляд магессы пояснил:

– Я по остаточному следу чую над ней две смерти, не одну...

Магесса пристальнее взгляделась магическим взором:

– Корррявое Равновесие ему в глотку и проверить три раза!.. Она ещё и беременна была – месяца три, а то и меньше.

Вот теперь Айриэ была почти уверена, что маг здесь был. Тварь загнала жертву для хозяина и держала, не давая уйти, пока маг читал нужные заклинания. Потом маг специальным ритуальным ножом умертвил эмбрион, после – мать и всласть ?насосался? энергии, полученной из боли и смерти. Хотя... странно получается. Айриэ в задумчивости прикусила губу. Что ни говори, а чтобы пополнить запасы магии, ему даже обычная крыса сгодится... ладно, несколько десятков замученных крыс. А женщина, да ещё беременная первенцем, для чёрного мага слишком редкий и лакомый кусочек, чтобы использовать его так бездарно. Ведь однажды маг уже сумел сотворить грязное проклятие, направленное на Кайнира, использовав смерть беременной. Неужели вчера была вторая попытка сотворить нечто подобное?.. Тогда почему в лесу, наспех, да ещё когда тебя вот-вот накроет бурей? На месте мага она бы переместилась в какое-нибудь подходящее место, ведь есть же у него логово, где он занимается Запретной магией?

Стоп. А это мысль. Айриэннис внимательнее огляделась вокруг, прикидывая, а не имеет ли она тут дело с инсценировкой? Что, если мельничиху заманили в убежище мага? Или её туда доставила тварь? Сильному хогрошу (а магесса почти уже не сомневалась, что это именно хогрош) ничего не стоит утащить на плече слабую женщину. Когда хлещет дождь и завывает ветер, а всё живое попряталось от буйства непогоды, условия для похищения прямо-таки идеальные. Магической твари ураган нипочём.

Итак, что мы имеем? Тело несчастной женщины лежит в лесу, но что, если его сюда подбросили и побрызгали землю кровью? Мол, остальное смыл дождь, да эта нескончаемая морось и на самом деле скоро остатки смоем. Примять траву, сломать несколько ветвей, имитируя борьбу, – и сцена готова. Могло так быть? Могло, с очень большой вероятностью.

Айриэ взяла горстку земли из-под тела и попыталась магически определить, принадлежит ли вся кровь мельничихе или тут добавлена менее ценная для мага кровь какого-нибудь животного. Вряд ли маг стал разбрасываться драгоценной субстанцией, кровь беременной редкий, незаменимый компонент для иных чёрных ритуалов. Увы, её магия тут была бессильна: кровь оказалась слишком разбавлена дождевой водой, ничего нельзя было сказать наверняка.

Предположим, маг послал хогроша за мельничихой, каким-то образом зная, что она

будет днём в лесу. Сам назначил встречу или знал о свидании?.. Кстати, тут и первый подозреваемый намечается – Фирниор с мельничихой тайком встречался. Правда, они недавно поссорились, но могли ведь и помириться. Или маг назначил встречу под этим предлогом. На память пришло злобное шипение Фирниора: ? Ты ещё пожалеешь об этом!.." Разумеется, в запале чего только не скажешь, вплоть до обещания убить, но это же не значит, что каждый, кто такое ляпнул, непременно исполняет обещанное. Как правило, это способ выпустить пар, не более.

Так, о подозреваемых подумаем потом, а пока попробуем воссоздать действия преступного мага. Допустим, тварь принесла жертву в логово, маг спокойно провёл намеченный чёрный ритуал и зарядил некий амулет, тут и сомневаться особенно не стоит. ?Маг-враг? у нас в таких делах уже опытный, наверняка учёл свои прежние ошибки и собирается предпринять что-то против Кайнира. Ничего, если попытается вновь получить королевскую кровь для ритуала, его ждёт неприятный сюрприз. Теперь Кайнира через кровь не проклянёшь, Айриэ об этом позаботилась, щедро поделившись с юнгиродским королём своей собственной. Благо кровь её, в некотором роде, особенная...

У Файханасов нет времени, после дня осеннего равноденствия им так и так возвращаться в Юнгир. Герцога, безусловно, насторожило появление Айриэ в его владениях, но метаться в панике он не собирается. У них было три месяца на подготовку нового покушения, и можно было спорить на что угодно, Файханасы использовали время с толком. Айриэ поморщилась, ощутив, как у неё противно заныло внутри в предчувствии неприятностей.

Рядом деликатно кашлянул капитан Паурен, и Айриэннис очнулась от размышлений, осознав, что уже довольно продолжительное время с вдохновенным выражением любуется останками бедной женщины. Капитан, сам бледно-зеленоватый, смотрел с некоторым изумлением, и ясно было, что его мнение о нормальности некоторых магов подверглось сомнению. Откуда ему знать, что её подобным зрелищем не смутишь, хотя мельничиху, конечно, жаль. Тихая ласковая девочка, как тебя угораздило попасться этому выродку?..

– Её убила тварь, капитан. А управлял маг и, скорее всего, находился поблизости.

– Мэора, она что, и правда... беременна была? – кашлянув, сипло спросил Паурен.

– Да. Видите, и эльфийское чутьё мэора Тианориннира это подтверждает.

– Мэор владеет магией? – быстро взглянул на полуэльфа гвардеец.

– Нет, капитан, это так, эльфийское умение... вернее, половина от него. Я же полукровка, – слова Тианора прозвучали с горечью. – Что-то от отца унаследовал, но это ничтожно мало. Я не маг, увы.

– Понятно, мэор, – покивал капитан.

Он собирался сказать что-то ещё, но его неожиданно окликнул один из гвардейцев, и Паурен, извинившись, отошёл. Айриэ быстро проговорила, понизив голос:

– Тин, тебе не кажется, что её убили в другом месте, а ночью перенесли сюда? Посмотри внимательней, вдруг что заметишь.

– Я не поручусь, но, возможно, ты права, – через некоторое время ответил менестрель. – Проклятый дождь, он помог этому выродку... Но если и перенесли, то не ночью, раньше. Следов-то нет, а значит, маг был здесь, когда ещё земля не успела достаточно размокнуть. Мельник утром наследил сильно, да и наши отпечатки довольно заметны там, где нет травы и мха, сама видишь.

Айриэ медленно исследовала траву и кусты. Немного в стороне от вытоптанного

пятачка что-то тускло блеснуло, и через секунду магесса держала в руках большую пуговицу из потемневшего серебра. На пуговице была выбита голова волка; такие любятшивать на свои куртки наёмники – это и оберег, ибо нежить серебра не любит, и капитал на чёрный день. В общем, довольно обычная пуговица, найти по ней хозяина вряд ли удастся. Маг надел (возможно, для маскировки) такую куртку, следовательно, находился здесь уже во время бури. И крайне любезно потерял пуговицу, вот спасибо ему за подарочек. Жаль только, свои инициалы на ней не выбил, вот уж была бы любезность так любезность.

Тианор, заглядывая Айриэ через плечо, изучил пуговицу и задумчиво хмыкнул. Магесса, увидев, возвращающегося капитана, молниеносно спрятала пуговицу в карман и шепнула любовнику:

– Про то, что её могли убить не здесь, молчи!

– Само собой!

Капитан возвращался не один, а в сопровождении долговязого типа, надвинувшего на самый нос капюшон чёрной кожаной куртки. Долговязый увидел тело, которое раньше загоразивал Тианор, теперь отошедший в сторону, резко дёрнулся, капюшон слетел с его головы, и магесса узнала ?коллегу?. Мирниас сильно побледнел; у него, кажется, даже губы задрожали, но от тошноты он на сей раз удержался, только часто сглатывал.

– Это опять он, мэора? – бесцветно спросил Мирниас, с усилием отводя взгляд от тела.

– Со своим ручным монстром, этим... хогрошем, как вы его назвали?

– Он. Я ведь говорила, тварь будет кормиться. А беременная женщина – это лакомая еда, теперь хогрош будет сильнее.

Рассказывать о своих выводах Мирниасу она не собиралась, маг пока ничем не заслужил доверия. Он услышит то же, что магесса будет говорить всем остальным, кроме Тианора, естественно.

– Что?.. Зари ждала ребёнка, а этот неизвестный ублюдок посмел поднять на неё руку?..

– Мирниас неверяще уставился на магессу и стиснул кулаки.

– Вы её хорошо знали?

– Зари? Д-да, неплохо, – судорожно дёрнув кадыком, ответил молодой маг. – Я иногда растения собирал здесь в лесу, для зелий, а жена мельника тоже сюда ходила. Она для знахарки травы искала. Она ведь такая славная была... как он мог, мэора?..

Магесса неопределённо повела плечом, понимая, что маг не ждёт ответа. Он провёл ладонью по лицу, стирая морось, и тут Айриэ обратила внимание на его куртку. На самую обычную, довольно потрёпанную куртку ?наёмнического? фасона, с потемневшими серебряными пуговицами, украшенными волчьей головой. Третьей сверху пуговицы не было.

М-да-а, это, пожалуй, не хуже выбитых инициалов. Вот и подозреваемый номер два. С одной стороны, он сам признался, что ходил сюда за травами. С другой – в последние два месяца стояла жара, и куртка ему бы не понадобилась. Следовательно, потерять пуговицу раньше Мирниас не мог, разве что очень давно, а по ней не скажешь, что она пролежала в лесу долгое время, её бы мусором и всякой трухой уже присыпало. Однако же весьма удачный момент выбрала пуговица, чтобы оторваться от хозяйской куртки, ничего не скажешь. Поневоле закрадывалась мысль, что уж слишком это нарочитая улика. Интересно, а что на сей счёт поведает сам Мирниас? Впрочем, если он здесь и был вчера вечером, сомнительно, что его любезность простирается настолько далеко, чтобы признаться в этом.

– Мирниас, вы пуговицу потеряли.

Он рассеянно глянул на куртку:

– А-а, да, я утром заметил, когда одевался. Не знаю, как это она... вчера, что ли, когда в таверну ходил.

– О, вы вчера рискнули выбраться из дома? – приподняла брови магесса. – В такую-то погоду?

– Сразу, как только буря чуть поутихла. Дома тоскливо сидеть, в таверне веселее.

Любопытно. Мирниас специально ходил в таверну, чтобы создать себе алиби, пока его тварь относил труп в лес и добавляла живописных деталей в виде сломанных кустов? Хогроши достаточно разумны, чтобы справиться со столь сложным поручением, тем более хозяин может руководить действиями твари издалека. Допустим, после тварь вернулась за хозяином в условленное место и отнесла его в лес: должен же маг приглядеть за всем лично, припасённой кровью землю полить и прочее. У Мирниаса, кстати, лошади нет, а хогрош в иных случаях получше лошади будет. Мирниас потерял пуговицу, но действительно не подозревал, что в лесу. Он не выказал ни малейшего беспокойства, когда Айриэ спросила про его пропажу. Что же, события могли развиваться и таким образом. Пока это всё только предположения, доказательств у магессы по-прежнему никаких. В конце концов, если рассмотреть другую возможность, пуговицу могли и подбросить на место преступления. К примеру, вчера в таверне срезали – у этого вечно заспанного ленивца целую куртку украсть можно, он и не заметит, не то что пуговицу. Если, конечно, растяпистость Мирниаса – не маска...

Поняв, что ходит в своих предположениях по кругу, Айриэ мысленно плюнула и бросила это бесплодное занятие.

– И что, Мирниас, много вчера таких смельчаков вроде вас собралось?

– Да нет, мэора, человек пять деревенских и трое гвардейцев из замка.

– Удивительно, что вообще кто-то пришёл, на радость папаше Брэйдору, – хмыкнула магесса и кивнула магу: – Вы, Мирниас, если хотите, продолжайте поиски, а я уже всё осмотрела... Капитан, мы с мэором Тианоринниром пойдём с мельником побеседуем, а когда мэор маг закончит свои изыскания, можете уже убирать тело.

– Хоть прямо сейчас, нечего мне здесь искать, – глухо сказал Мирниас. – Магии тут нет, и вообще, я не дознаватель, чтобы на четвереньках ползать, следы выискивая.

– Так зачем же вы пришли? – полюбопытствовала Айриэ.

– Потому что его светлость счёл моё присутствие здесь необходимым, – ровно ответил Мирниас, старательно скрывая досаду. – К сожалению, я не вижу, как могу быть полезным в деле установления истины.

– Его светлости герцогу виднее, – веско заметил Паурен, легонечко одёргивая разговорившегося мага и заодно напоминая, кто, собственно, платит ему жалованье. – А тело, мэора магесса, я пока убрать не могу. Его светлость изъявил желание осмотреть место преступления лично и скоро будет здесь. Он специально решил прибыть позже, чтобы не мешать вам.

– Я оценила его любезность, – заверила магесса. – Идём, Тианор!

Мельник находился дома – сидел за столом, потерянно уставившись в одну точку. Он ссутулился и будто разом постарел. Румянец исчез с ввалившихся, обвисших щек, морщины обозначились резче, а взгляд был потухший, как у старика. В уголке, обнявшись, тихонечко всхлипывали его дети.

– Как же это, мэора? – дрожащим голосом спросил мельник, увидев Айриэ. – У кого рука поднялась на нашу девочку? Она же солнышко наше... была.

Голос его сорвался, и он, как видно, не в первый раз за сегодняшнее утро, смахнул слёзы с покрасневших глаз.

– Найду ублюдка, – мрачно пообещала Айриэ, – и заставлю заплатить.

За такие р-р-развлеченьица поганый маг будет умирать долго – во имя Равновесия, чтобы уменьшить вред, который причинил миру.

– Вы знали, мэора, что Зари первенца ждала? – справившись с голосом, спросил мельник. – Она так и светилась вся, когда мне рассказывала...

Он опять утёр слёзы рукавом рубахи, потом нашарил в кармане скомканный носовой платок и с шумом высморкался.

– Брай Нэйс, расскажите-ка мне всё по порядку, – велела магесса, усаживаясь напротив. Тианор пристроился на другом стуле.

– Я уже капитану Паурену говорил... Ну, раз надо, слушайте, мэора Айнура. Зари моя в лес за травами почти что каждый день ходила. И для дома травы собирала, и для старой Фенры, знахарки, потому что та уж давно не девочка по лесу самой бегать, а моя Зари в травах неплохо разбиралась. Вот знахарка и поручала травки собирать, за небольшую плату. Ну, Зари это не из-за денег делала, а потому что очень лес любила. Вот, значит, пошла она вчера опять за реку, как обычно, а я на мельнице занят был. К обеду Зари не вернулась, поели мы без неё, ну да это не в первый раз такое происходило. Бывало, она увлечётся, зайдёт далеко за какой-нибудь травкой особенной и не замечает, как время бежит, – с улыбкой на дрожащих губах припомнил мельник и почесал покрасневший нос. – Потом буря налетела, да так внезапно, мы и ахнуть не успели. Я думал, Зари тоже не успела вернуться до ненастья и спряталась в шалаше знахарки. А непогода всю разгулялась, и мне так тревожно стало, я себе просто места не находил. Всё думал, как там наша девочка в холоде да сырости сидит, не заболела бы. Я уж не один раз в лес бежать порывался, да куда в бурю пойдёшь? Тем более я лес плохо знаю, заплутал бы в два счёта и Зари не помог. Я себя всё успокаивал, что, мол, она опытная, лес чувствует и вернётся, когда можно будет. Стемнело рано, а ночью я то спать пытался, то бегал из угла в угол. Ужасов себе всяких навоображал – и деревом-то её могло придавить, и заблудилась, и заболела да в горячке лежит там в шалаше. А то, чего на самом деле случилось, я и подумать не мог. Мы с работниками моими на рассвете пошли и недолго лес прочёсывали... Зари на ту полянку часто бегала и меня за собой всё пыталась таскать, нравилось ей там. Я, как увидел её там лежащую, думал, сам помру с горя... – закончил он сдавленным шёпотом и отвернулся.

Айриэннис задала мельнику ещё несколько вопросов, выспрашивая подробности, но ничего полезного из беседы не извлекла и прекратила мучить бедного вдовца. Ему и так несладко...

ГЛАВА 10

Выйдя из дома мельника, Айриэ обнаружила, что морось наконец-то прекратилась, но было по-прежнему сыро и зябко. Они с Тианором собирались вернуться на постоянный двор, но тут её позвали:

– Мэора Айнура!

Обернувшись на оклик, Айриэ увидела герцога, переходящего по мосткам у запруды на этот берег. Его сопровождали брат, Орминд и Фирниор. Они, конечно же, ехали верхом через большой мост и добрались до места по лесной дороге. Очевидно, они уже успели побывать в месте, где нашли мельничиху, а теперь герцог намеревался выслушать, что по сему поводу думает драконий маг.

Герцог выглядел хмурым и сосредоточенным, его брат крепко сжимал губы и изредка покачивал головой, будто не находя слов для того, чтобы охарактеризовать происшедшее. Орминд тоже был серьёзен, но особенной скорби в глазах не наблюдалось, да и потрясённым он не казался. Надо же, какой хладнокровный юноша. Зато Фирниор, единственный из всех, был искренне огорчён и расстроен. Лицо бледное, губы искусаны, мокрые волосы слиплись сосульками и лезли ему в глаза, отчего он часто мотал головой, отбрасывая их назад.

– Что скажете, мэора Айнура? – поздоровавшись, спросил герцог. – Это сделала та же тварь, с которой вы столкнулись на ферме Нарваса?

– Да, герцог, я в этом уверена. Это хогрош, полностью магическое создание, но питается оно, к сожалению, настоящей кровью. И со временем крови потребуется всё больше.

– Вы полагаете, тварь просто охотилась? – отрывисто спросил герцог, нахмурившись ещё сильнее.

– Да, мэор. В принципе, хогроши могли бы обходиться кровью животных – вот хоть свиней, к примеру, но нашему таинственному магу, похоже, нужен сильный... питомец.

– Вы думаете, нападения на моих людей продолжатся?

– Мне бы хотелось утверждать обратное, но будем реалистами, герцог. Тварь уже отвела человеческой крови, а для хогрошей это деликатес.

– Откуда вы это знаете, мэора? – с любопытством спросил Орминд Файханас.

– Так пишут в старых трактатах по магии. В библиотеках моего Ордена хранится немало редких древних книг, в том числе написанных ещё при драконах. О хогрошах я читала там, но мне очень и очень интересно, откуда о них узнал этот маг. Подобные знания никогда не находились в свободном доступе.

– Видимо, не все древние книгохранилища были одинаково надёжны, – вежливо заметил наследник герцога, а его дядюшка осуждающе покачал головой.

– Герцог, вы должны узнать ещё одно: здесь тварь получила сразу две жертвы, женщину и её нерождённого ребёнка, – сообщила магесса, внимательно отслеживая реакцию на свои слова.

Эстор Файханас выругался, Орминд присвистнул, герцог зло прищурил глаза, а Фирниор издал сдавленное восклицание и на миг крепко зажмурился, потом сказал, глядя себе под ноги:

– Дядюшка Рольнир, с вашего позволения, я пойду прогуляюсь немного.

Юноша побрёл куда-то вдоль берега Мельничной, опустив голову и путаясь сапогами в мокрой траве.

– Я принял решение, – сказал Рольнир Файханас, что-то сосредоточенно обдумывавший. – Теперь Кайдарах днём и ночью будет патрулировать десяток моих гвардейцев. Думаю, это поможет предотвратить новые нападения. Мэора Айнура, эту тварь можно убить простым оружием?

– Только зачарованным. Или серебряным. – А ещё лучше, если меч будет из ?лунного серебра?, только про него в этом мире, наверное, уже не помнят. – Раны от простого оружия хогрош залечит быстро, у него сверхъестественная регенерация, да и хозяин подлечит.

– В таком случае, мэора магесса, не возьмётесь ли вы зачаровать оружие моих солдат?

– Герцог, я бы посоветовала вам прибегнуть к услугам мага-артефактора. Я, разумеется, тоже могла бы, но всё-таки работа с предметами – не мой конёк. Каждый должен заниматься своим делом, и мэор Мирниас, думается мне, превосходно справится.

Трое Файханасов немного помялись, быстро переглянувшись между собой, потом Орминд озвучил то, что было у них на уме:

– Мэора Айнура, а что, если Мирниас и есть преступник? Тогда будет весьма опрометчиво поручить ему вооружение наших гвардейцев, согласитесь.

– А у вас есть какие-то основания предполагать, что Мирниас причастен к убийству? – встрепенувшись, спросила Айриэ. Интересно, что ей скажут...

– Будь у меня хоть малейшее доказательство его вины, Мирниас уже попал бы в пыточную! – отчеканил герцог.

Прозвучало сурово, очень. Айриэ восхитилась про себя и окончательно решила о пуговице не упоминать. Если долговязый маг виновен, она и так это выяснит, без герцогских палачей. А то и правда, оглушат бедного парня предательским ударом по голове, наденут антимагические кандалы и потащат в пыточную. Если герцог намерен сделать из Мирниаса жертвенного козлика, пусть подбросит ещё ?доказательств?. Если же он просто отвлекает внимание магессы от своей семьи, даже рискуя подставить своего прикормленного мага – это уже другой расклад. Тогда до пыточной не дойдёт, ?злодея? убьют при попытке ареста. Это если Рольнир Файханас решит пожертвовать магом, спасая свою семью. Поживём – увидим...

– Вы же не станете отрицать, мэора Айнура, что Мирниас выглядит наиболее подозрительным, – рассудительно заметил брат герцога. – Он единственный известный маг в округе, появился у нас всего год назад. Любит слегка поплакаться на тему своих слабых магических способностей и злодейки-судьбы, забросившей его в глухомань на целых пять лет. Что, если это всего лишь удобная маскировка?

– Всё может быть, – кротко согласилась Айриэ. – Но даже если и так, мне думается, Мирниас не станет совершать глупость и намеренно делать негодное оружие. В конце концов, я в любой момент смогу его проверить.

– Думаю, вы не откажетесь, мэора Айнура? – полуутвердительно спросил герцог. – Замечательно, благодарю вас! В таком случае, я пришлю за вами, когда Мирниас закончит свою работу. А сейчас позвольте откланяться, мэора! Мэор Тианориннир, а вас я приглашаю послезавтра в Файханас-Манор. К мэоре Альдарре приезжают её давние подруги, и наши дамы устраивают тихий семейный вечер с музыкой.

– Благодарю за честь, ваша светлость! – почтительно поклонился менестрель. – Прошу вас, передайте мэоре Альдарре, что я непременно буду.

Файханасы, повинувшись жесту главы рода, направились к дому мельника, и Айриэ услышала, как герцог спрашивает:

– Твои действия, Орминд?

– Помимо выражения искренних соболезнований будущему подданному? – в голосе наследника проскользнула лёгкая ирония. – Думаю, мы должны выплатить Нэйсу компенсацию за погибшую жену. Это случилось на нашей земле, и мельник находился под защитой Файханасов.

– Правильно. Только ты забываешь, что мельник помимо супруги потерял и будущего ребёнка.

– А, правда, забыл. Прости, отец! Тогда платим за двоих и...

Дальше Айриэ уже не слышала. Герцог продолжает натаскивать наследника, дело хорошее, кто бы спорил... В задумчивости посмотрев на мутную реку, над которой ещё клубились остатки тумана, магесса решила:

– Пойду-ка я немного прогуляюсь, Тин. Ты меня не жди, возвращайся.

– Тогда я домой, – буркнул менестрель и чихнул. – Замёрз, как собака. Вечером навещу, любовь моя!

Фирниор обнаружился на берегу: сидел, нахохлившись, на поваленном стволе и смотрел на воду. Магесса с сомнением осмотрела осклизлый, мокрый ствол и желая присесть рядом не испытала. Встала так, чтобы видеть лицо юноши, и добродушно поинтересовалась:

– Что, Фирниор, не привыкли к трупам?

– А вы, мэора, считаете, что к трупам молодых симпатичных женщин, разодранных монстрами, можно привыкнуть

? – странно глянув на неё, ответил он вопросом на вопрос.

– Ох, привыкнуть можно к чему угодно, было бы желание... – вздохнула Айриэ. – Сей таинственный маг, видимо, затруднений морального характера не испытывает. По крайней мере, он без колебаний спустил своего ручного монстра на бедняжку Зари, и никакие угрызения совести его не остановили.

– А с чего вы взяли, мэора, что монстр ручной? – пристально взглянул ей в глаза Фирниор. – Разве он не может... иногда вырываться из-под контроля, например? Может, маг просто не справился с управлением тварью?

– Не обольщайтесь, Фирниор, хогрош без приказа хозяина не делает ничего. Он может требовать кормёжки, но кто станет пищей, выбирает всегда хозяин.

– Вам виднее, мэора, – вяло согласился юноша и длинно вздохнул, с силой потерев лицо. – Зари, бедная девочка... жалко её.

– Вы хорошо её знали, Фирниор?

– Да, мэора. – Взглянул на неё, кривовато улыбнулся и вдруг признался: – Я думал, что был влюблён. Пол-лета на свидания бегал, в тот самый лес, где... Проклятье!..

Он яростно стукнул кулаком по раскрытой ладони правой руки и умолк. Айриэ не торопила, ей было интересно, что он поведает в приступе откровенности. Знать бы ещё, расчётливая она или наоборот.

– Я, когда Зари в первый раз встретил, и внимания-то не обратил... ну мыш и мыш, ничего же особенного. А потом, как улыбку её увидел, даже дыхание перехватило. Зари такая светлая была, сияла изнутри, и не нужно было ей никакой особенной внешней красоты. В общем, я, мэора, за ней ухаживать начал... ну так, немножко, вроде бы в шутку, а потом увлёкся всерьёз. Я ведь, дурак, пытался её в себя влюбить... Не понимал тогда, что Зари – как птица доверчивая, крохотная, хрупкая. Такую нельзя обижать... нельзя пытаться поймать.

Он в растерянности запустил растопыренную пятерню в волосы и попытался их пригладить, отчего они вполне предсказуемо встали дыбом, как иголки у мокрого дикобраза. С неба снова посыпалась мельчайшая морось, противно оседая на лице стылой пеленой, и Айриэ решила вернуть к реальности, похоже, надолго задумавшегося юношу. Ему что, он скорби предаётся и ничего не замечает, а ей надоело мокнуть и хочется домой, в тёплую комнату. О!.. заклинание охлаждения не забыть уничтожить!.. А то постояльцы её саму охладят... до температуры трупа.

– Вы думали, что влюблены. Фирниор? А потом что же? Поссорились?

– Поссорились? – недоумённо взглянул на магессу очнувшийся Фирниор. – Ну что вы, мэора, мы с Зари ни разу в жизни не ссорились. Как можно, она же такая славная была, язык

не поворачивался её обидеть.

Айриэ с изумлением отметила про себя, что если бы не слышала его ссоры с мельничихой в лесу, то сейчас бы поручилась за то, что он говорит правду. Открытие неприятно царапнуло, как и всегда, когда она в очередной раз обманывалась в людях. Нет, особенных иллюзий касаясь людей Айриэ давным-давно не питала – ещё бы не хватало, в её-то возрасте. Но всё равно каждый раз было противно и чуточку грустно. Эльфам доверять можно, гномам можно, а людям... тьфу на них! Ладно, не на всех подряд и скопом, но как же мало ей встречалось людей, которым хотелось доверять!.. И ещё меньше – тех, кому действительно верить стоило. Но были ведь!..

С исследовательским интересом оглядев юного Фирниора, магесса постановила его из подозреваемых не вычёркивать. Скорее наоборот, он выглядит подозрительно невинным – с учётом того, как виртуозно он, оказывается, умеет лгать и скрывать ядовитые шипы, прикидываясь пай-мальчиком.

– Нет, мэора, я Зари, к счастью, ни разу в жизни не обидел. Просто вдруг понял, что на самом деле я её не люблю. Так, глупости юношеские, – хмыкнул он. – Было, да сплыло.

– О, вы внезапно повзрослели? – вздёрнула бровь магесса.

– Можно и так сказать. – Он хотел ещё что-то добавить, но только сжал губы и уставился на реку.

– Ребёнок, надеюсь, был не ваш? – бесцеремонно осведомилась Айриэ.

– Вы что, мэора!.. – Он смотрел с потрясением и обидой. – Нет, конечно! Мы с Зари даже ни разу не переспали, она всё твердила, что мужа любит. А мне наших целомудренных свиданий вполне хватало, мы и целовались-то пару раз... Говорю же, если бы я её по-настоящему любил, то уж нашёл бы слова, чтобы её убедить. Или наоборот, нашёл бы в себе силы отпустить...

Айриэ сочувственно покивала и коротко распрощалась, оставив Фирниора скорбеть дальше. Она теперь не сказала бы, была ли скорбь показной или искренней, хотя до этого разговора готова была утверждать, что юноша горюет по-настоящему.

Вечером они с Тианором сидели, окутав комнату Айриэ ?пологом тишины?, и увлечённо обсуждали подозреваемых в убийстве мельничихи, а также всё, что стало известным о личности мага.

– Ты всё-таки думаешь, что это кто-то из Файханасов? – спросил полуэльф, развалившийся в кресле боком и закинувший ноги на подлокотник.

– Без ведома Рольнира Файханаса в этом герцогстве ничего не делается.

– Это понятно. Я имею в виду, маг – Файханас или просто наёмник?

– Дело слишком серьёзное, чтобы допускать участие в нём чужака. Всё-таки попытка Файханасов воссесть на престол – дело семейное. Наёмный маг не может не понимать, что в таком случае он – разменная медная ?коронка?, и цена его жизни примерно столько же. Как только всё закончится, мага ликвидируют.

– А если он станет слишком ценным соратником, зачем лишать себя его услуг?

– А затем, что тогда вмешается Драконий Орден. Если смена правящей династии ещё могла бы сойти Файханасам с рук... при определённых условиях, то наём на службу чёрного мага, балующегося Запретной магией – никогда.

– Но он же не станет любезно сообщать всем вокруг, какими именно заклинаниями пользуется. Как раньше маскировался под обычного мага, так и дальше продолжит, – возразил Тианор, задумчиво покачивая носком сапога.

– Ордену достаточно и подозрения, уж поверь.

– Подозрительного мага ... профилактически уберут?

– Нет, профилактически проверят, в резиденции Ордена. Есть средства... и маги с особыми возможностями... – туманно высказалась Айриэннис и интригующе замолчала.

В самом деле, как бы ни был Тианор хорош в постели и приятен в общении, это отнюдь не означало, что он получит доступ к тайнам Ордена. Пускай менестрель пока не знает, что магесса намерена разобраться с преступником здесь и почти сейчас. Осталось ему резвиться меньше двух декад...

– Айнура, а если маг об этом не знает? Что он – разменная монетка, а не ценный союзник? Герцог, безусловно, знает, он о вашем Ордене наслышан и понимает, что вы не оставите дело без последствий, однако готов принять возможные последствия. Или выигрыш для него, мага то есть, стоит предполагаемого риска?

– Выходит, что так. Впрочем, мага, как ослика, могли поманить очень большой и сочной морковкой. Вот представь, если он стал ?мэором? совсем недавно, после получения диплома, а происходит из семьи простолюдинов, то будет ли для него ценным призом рука девушки из рода Файханасов? А герцог может счесть племянницу не слишком высокой ценой за обретение верного и такого могущественного союзника. Разумеется, его светлость не в восторге от возможности породниться с простолюдином, он этого не любит, как недавно выяснилось... но ради великого дела можно и поступиться некоторыми принципами.

– То есть ты всё-таки думаешь, что это Мирниас? – помолчав, спросил Тианор.

– Я рассматриваю возможности, – честно призналась Айриэ. – Пуговица сама по себе ни о чём не говорит, её могли и подбросить. Но если Мирниас – преступник, то в случае опасности разоблачения Файханасы им пожертвуют. Если станет членом семьи, то и защищать станут до последнего... а потом всё-таки пожертвуют, но с куда большим сожалением.

Тианориннир насмешливо фыркнул.

– Безусловно, ему от этого будет легче! Айнура, думаешь, если подберёшься к магу слишком близко, герцог и правда решит его убрать?

– Обставив дело как поимку преступника, – кивнула магесса.

– А если Мирниаса нам просто подсовывают для отвода глаз? Он мне не кажется подходящей кандидатурой на роль главного злодея, – с сомнением заметил полуэльф.

– Мне тоже, если честно, Тин. Просто из него, наверное, хотят сделать жертву, это мне представляется наиболее вероятным. Тогда из него под пытками вырвут ?признание? и тоже убьют, чтобы не успел сболтнуть лишнего. Но всё это в том случае, если герцог почувствует себя в непосредственной опасности. До тех пор он не станет делать лишних телодвижений. Он умеет выжидать.

– А если маг – кто-то из его родичей, тоже не станет?

– Тогда тем более. Мне просто будут подбрасывать ложные ниточки, чтобы я бегала туда-сюда, как бестолковая ищейка, потерявшая след. А я не люблю глупо носиться. Я тоже умею ждать... и опыта у меня в этом побольше, чем у его светлости. Понимаешь, Тианор, герцогу нужно потянуть время.

– Осенью двор возвращается в столицу, и Файханасы тоже отбудут в Юнгир, – в задумчивости потеревил нижнюю губу менестрель. – Если до тех пор не найдёшь преступника, то что ты станешь делать?

– Преступника с таким же успехом можно выслеживать и в столице, – пожала плечами магесса, вновь намеренно вводя любовника в заблуждение.

Жаль, что доверие – слишком большая роскошь, которой она себе позволить не может... Противно лгать Тианору, магесса вообще ненавидела прибегать ко лжи, а приходилось куда чаще, чем ей хотелось бы.

– А если маг – Файханас, то кто именно, как думаешь, Айни?

– Вряд ли это сам герцог, а за остальных не поручусь. Подозрительным выглядит Фирниор Ниарас.

– Этот мальчишка? – чуть пренебрежительно удивился полуэльф. – Да ему восемнадцати нет! В начале осени отметит, его светлость уже интересовался, останусь ли я в его владениях до этого срока, чтобы петь на празднике.

– Этот мальчишка был влюблён в мельничиху, сам мне сказал. Я случайно слышала их ссору, Фирниор сильно злился, а мне потом заявил, что в жизни с Зари не ссорился.

– Ну, мало ли зачем он солгал. Может, самолюбие сильно пострадало, – хмыкнул менестрель. – Что-то он мне тоже особо подозрительным не кажется.

– А кто кажется? – полюбопытствовала магесса. – Сам что думаешь?

– Никто, пожалуй, – сосредоточенно сдвинул брови Тианориннир. – Файханасы выглядят такими милыми людьми... Я понимаю, что где-то рядом с нами находится этот выродок, нападающий на беззащитных детей и женщин, и может быть, мы с ним знакомы. Беседовали беззаботно о моде и погоде, а он в это время выбирал, кто станет следующей жертвой...

Менестреля передёрнуло, он вскочил и плеснул себе вина в кубок, жестом предложив Айриэ, но та отказалась.

– Зачем было тело таскать туда-сюда, Айни? Я почти уверен, что ты права, и убитую в лес перенесли. Для чего?

– Просто магу было удобнее всё проделать у себя. Там, где он втайне занимается чёрной магией. Ему же не просто убийство требовалось и не банальная кормёжка твари, хотя она свою долю крови получила, можно не сомневаться.

– А что требовалось? Ритуал?

– Наверняка. Накопители магии заполнить, например. Силы копит... для визита в столицу.

– Вот же мразь... Послушай, Айнура, откровенно не понимаю, зачем герцогу это потребовалось. Он и так был вторым лицом в королевстве. Король его очень любит и доверяет, зачем ему заговор?..

– Разве ты не слышал, что в последнее время их отношения несколько омрачились? Герцог охладил к Кайниру, да и король уже несколько лет не гостит в Файханас-Маноре...

– Мне казалось, охлаждение отношений – всего лишь слухи. Впрочем, я при дворе не бываю, происхождением не вышел. В конце концов, моя мать была простолюдинкой.

– Кайнир гораздо разумнее своего отца, это тот отличался любовью к чистоте крови, – между делом заметила магесса. – Однако я тоже при дворе не бываю, не мне судить. А о мотивах герцога нужно спрашивать самого герцога.

– Интересно, каковы мотивы его решения насчёт патрулирования гвардейцами деревни? Мне показалось, или его светлость действительно встревожен...излишней кровожадностью твари? Или это просто действия, которых его подданные вправе ожидать от своего господина?

– Герцог не желает недовольства подданных, это несомненно. Если он не предпримет никаких действий по их защите, это вдобавок будет выглядеть подозрительным. Но мне тоже представляется, что ?развлечения? чёрного мага ему сильно не по вкусу. Рольнир Файханас до сих пор, насколько мне известно, старался избегать грязных методов.

– Затевая переворот, чистеньким остаться затруднительно, – резонно заметил менестрель.

– Видимо, этот вопрос перестал иметь для него первостепенную важность. Он больше не боится запачкаться. – Айриэ в задумчивости провела кончиками пальцев по левой щеке. Знать бы причины, толкнувшие герцога на измену королю, было бы гораздо проще. Но видимых причин как раз не имелось, а о скрытых его светлость, само собой разумеется, не распространялся.

– Айнура, что ты теперь планируешь делать?

– Ждать, – пожалала она плечами.

– Чего? Следующей жертвы? – Менестрель глянул несколько недовольно.

– А у тебя есть предложения получше? – вздёрнула левую бровь магесса.

Тианориннир длинно вздохнул.

– Прости, Айни, я понимаю, что сейчас ничего сделать не получится, но как же бесит это чувство беспомощности! Нам навязывают это ожидание чьей-то смерти. Неужели ваш Орден не припас каких-нибудь тайных заклинаний, которые помогут выследить мерзавца? Про вас такое рассказывают... мол, ваша магия – чуть ли не от самих драконов пошла...

– Тин, заклинания школы драконьей магии в Ордене известны и хранятся в строжайшей тайне. Драконы ушли из Акротоса, потому что мир не в состоянии был выдерживать их заклинания. Магическая оболочка истончилась, силовые нити перепутались и рвались от драконьих заклинаний. Кое-что Орден применяет, но очень осторожно и при определённых условиях, понимаешь?

– До чего же теперь в Кайдарахе неуютно стало, – поёжился менестрель. – Честно говоря, едешь по улице и опасаясь, что на тебя эта страхолюдина набросится. Я, конечно, не беременная дама, но в качестве пищи этому, как его, хогрошу любой годится, если я тебя правильно понял. Знаешь, Айнура, мне здорово не по себе. Я бы не побоялся сразиться с обычным зверем, но если эту тварь можно убить только магическим оружием, расклад получается невесёлый.

– Тианор, во-первых, не едь по деревне ночами. А во-вторых, сходи к кузнецу, закажи хоть пяток серебряных болтов и обзаведись арбалетом, – спокойно посоветовала Айриэ.

– Я ведь в таверне через день пою – как, по-твоему, я смогу избежать позднего возвращения? – криво усмехнулся полуэльф. – Ночевать мне, что ли, у папаши Брэйдора? Это уже откровенной трусостью смотрится, не находишь? Я всё-таки не такой паникёр. А за совет насчёт арбалета спасибо, воспользуюсь. Амулетик какой-нибудь защитный не подаришь случайно? Ты же маг...

– Извини, амулеты – не моё дело, к артефактору сходи.

– Только не к Мирниасу, не доверяю я ему.

– Тианор, прости, если лезу не в своё дело, но разве твои эльфийские родственники не обеспечили тебя хорошим защитным амулетом? – осторожно поинтересовалась магесса. Она уже заметила, что к своей эльфийской половине крови менестрель относился настороженно и даже, кажется, с некоторой неприязнью.

Менестрель заметно напрягся и поморщился, будто лостренский лимон сжевал.

– Видишь ли, у меня с отцом отношения... сложные, скажем так. Одно время, в юности, я даже думал, что ненавижу его. Ну, потом я повзрослел и изменил мнение, но напряжённость осталась. У него ко мне претензий нет, кроме разве того, что я наполовину человек... но в этом он и себе самому не признается, не то что мне. А я до сих пор с трудом могу его простить за то, что он послушался мою мать и ушёл, когда она начала стремительно стареть. Он мог продлить ей жизнь и молодость лет до ста и, разумеется, так и сделал. Но мать очень хотела детей и сумела настоять на своём... Её старость – расплата за меня, ты знаешь.

Действительно, так и было. Эльфы, если уж влюбились в людей, что случалось крайне редко, могли своей магией немного продлить срок человеческой жизни. Их возлюбленные жили около ста лет, оставаясь внешне молодыми, и тихо угасали без боли и страданий всего за несколько дней. Но если человеческая женщина рожала от эльфа, ускоренная регенерация переставала действовать. Хуже того, через пятнадцать – двадцать лет после родов такая женщина стремительно старела и умирала. Эльфийская магия больше не поддерживала её, это было необратимо.

– Ну вот... как я уже сказал, отец послушался и ушёл от нас. Тогда я понял, что он по-настоящему и не любил. Что ему человека, бабочка-однодневка?.. Мать любила сильнее... Она умерла через год, а отец счёл нужным найти меня лет через десять. Нет, я понимаю, что глупо обижаться – он эльф, они чувствуют по-другому, но... Я бы на его месте, наверное, не бросил.

Айриэ не стала говорить, что если эльф ушёл, так это потому что просто не мог не почувствовать истинное желание своей возлюбленной. Если бы в глубине души она хотела, чтобы он остался до конца, то его бы никто не смог заставить уйти. Но что толку утешать расстроенного Тианора? Он давно взрослый, пусть сам разбирается.

Кайдарах насторожился. Весть о притаившемся где-то поблизости чёрном колдуне взбудоражила всю деревню. Жители опасались лишней раз выходить на улицу по вечерам, улицы пустели уже в сумерках, а все двери и окна накрепко запирались. При этом забывая или просто игнорируя то обстоятельство, что тварь без малейших затруднений пробиралась к хряку в запертый сарай. Правда, на хряка было наложено проклятие, которое и позволяло хогрошу проникать внутрь сарая, но кто мог поручиться, что маг не повторит этот трюк снова, уже с человеком?.. Днём было не так боязно, люди не без основания полагали, что тварь нападать не станет, хоть и не опасается солнечного света. Герцогские гвардейцы исправно патрулировали деревню, и это обстоятельство встречало самое горячее одобрение её обитателей. Отряд, разбившись на три группы, медленно, шагом объезжал улицы Кайдараха и окрестные фермы.

Через пару дней Айриэ пригласили в замок, проверить работу артефактора. Магессу с пиететом проводили в комнату рядом с оружейной при гвардейских казармах, где обнаружился угрюмый Мирниас. Маг, съёжившись, сидел на лавке в углу и даже не встал поприветствовать магессу, ограничившись сухим кивком. На столе в центре комнаты лежали три меча – из тех, которыми обычно вооружают солдат. Мирниас выглядел изрядно уставшим и даже, пожалуй, измученным; лицо бледное, а на щеках пылали два красных пятна. В глазах его стыло недоброе выражение, а голос прозвучал неприязненно, когда он подбородком указал на стол:

– Ваша работа, мэора.

– Вы случайно не заболели, Мирниас? – с умеренным любопытством поинтересовалась

магесса, подходя к столу.

– Вам-то что за печаль? – грубо спросил он. – Лучше мечи проверьте, мэора, чтобы потом разговоров не было.

Голос его прозвучал оскорблённо. Неудивительно, маг чувствует себя незаслуженно обиженным подозрениями его светлости. Ладно бы проверяли тайно, а то герцог, крайне неделикатно и с явным умыслом, пригласил магессу проделать это прямо на глазах у Мирниаса. Его светлость даёт понять Айриэ, что магу-контрактнику он не доверяет и ненавязчиво подводит её к мысли о необходимости следить за Мирниасом? Или долговязый маг всё-таки виновен, тогда он талантливо играет обиженного.

Коснувшись первого меча, Айриэ с трудом сдержала удивлённое восклицание. Работа была выполнена прямо-таки ювелирно. Да что там, она сама бы лучше не сделала, даже дома, где имелись все условия. С возросшим уважением магесса глянула на молодого артефактора. Тот сидел, прикрыв глаза ресницами, но нервно подёргивавшаяся щека и учащённое дыхание выдавали его напряжение.

Так называемое заклинание ?серебряного клинка?, позволяющее наносить нежити смертельные раны. Тончайшая вязь силовых линий оплетала весь меч, включая рукоять. Сложнейшее плетение было наполнено силой и хищно искрилось, если смотреть магическим зрением. Осторожно ?подёргав? плетение собственной магией, Айриэ оценила прочность и надёжность крепления. Оно держалось намертво. И это наложено на готовый, давным-давно откованный меч!.. Артефактные мечи делались непременно двумя мастерами: кузнец-оружейник ковал, маг накладывал чары в процессе изготовления – постепенно, этап за этапом. Только тогда чары становились ?вечными? и исчезали, лишь когда ломался клинок. Заклинания, наложенные на готовое оружие, не считались долговечными и, как правило, развеивались, некоторое время спустя, особенно если клинок часто участвовал в битве. Здесь же Айриэ готова была поклясться, что ?серебряный клинок? лёг навечно. Раньше меч в ржавую труху рассыплется, чем это заклинание истончится!..

– Ну, Мирниас, у меня нет слов, – честно призналась магесса. – Снимаю несуществующую шляпу. Вы настоящий мастер.

Светло-зелёные глаза глянули задиристо, но без прежней злости, а скулы медленно окрасились румянцем удовольствия. Старательно скрывая гордость от похвалы магессы, парень буркнул:

– Для чего наняли, то и сделал!

Айриэ усмехнулась. О да, обиженный недоверием маг сделал именно то, что от него требовали, зато как сделал!.. Безупречно, мастерски, и вообще оружию этому цены не было... если бы на него параллельно наложили заклинание прочности и самозаточки. Меч стал бы истинным произведением артефакторского искусства, но на грубом солдатском мече средненьких качеств шедевральное заклинание смотрелось издевательски. И Мирниас проделал это умышленно, не имея иных средств ответить на нанесённое герцогом оскорбление.

Два других меча были зачарованы столь же безупречно. Сколько же сил Мирниас в них вложил – неудивительно, что он выглядит настолько измученным. Айриэ взгляделась внимательнее.

– Корррявое Равновесие, Мирниас, да вы истощены! Вы что, опустошили резерв и потом позаимствовали собственной жизненной силы? С ума сошли?

– Неважно, мэора Айнура. Вас это не касается, – через силу проговорил долговязый маг.

– Если убедились, что клинки зачарованы как нужно, идите, докладывайте его светлости. А я немного отдышусь и продолжу, меня ещё семь мечей дожидается.

В подтверждение своих гордых, независимых речей он поднялся со скамьи и хотел пройти в угол, где лежали остальные заготовки. Не сделав и двух шагов, этот герой начал заваливаться набок, и магессе пришлось его подпереть плечом, подтаскивая обратно к лавке.

– Сядьте и не прыгайте кузнечиком! – сердито велела Айриэ. – Чем вы, интересно, думали? Я понимаю, что большая часть соображалки была занята наложением чар, но хоть что-то должно было остаться? Он ещё чаровать собрался! Да вам теперь пару дней лучше о магии не думать, а то банально помрёт от магического истощения, глупец вы эдакий! Чему вас только в Академии учили, хотелось бы знать? Или вы лекции прогуливали, где как раз об опасности сгореть? рассказывалось?

– Всё я помню, не волнуйтесь, мэора, – вяло огрызнулся маг, тяжело осев на скамью. – Я уж как-нибудь сам решу... на что и как мне тратить силы. С чего вдруг такая забота?

– Мне истинного таланта жалко, который может быть по глупости загублен хорохорящимся юнцом, – отпарировала магесса. – Поэтому не рыпайтесь и слушайте старших, иногда это полезно. Рот откройте и не шарахайтесь, я вас не домогаюсь, вы не в моём вкусе.

Подпитку магического резерва удобнее всего было, как и обычное искусственное дыхание, делать рот-в-рот. Только вместо вдуваемого в человека воздуха здесь тонкой струйкой вливалась магическая энергия. Поэтому, ухватившись за взлохмаченные светлые вихры мага, чтобы он не дёргался, Айриэ прижалась губами к его напряжённому, застывшему рту и приступила к лечению. Сила послушно потекла куда надо, заставив поблэкшую ауру артефактора потихоньку налиться радужными цветами. Немного подпитав отчего-то покрасневшего до корней волос Мирниаса, Айриэ милостиво позволила пациенту вырваться из своих когтей. Мирниас отпрянул и, тяжело дыша, злобно уставился на магессу.

– Я вас не просил!.. – вякнул он и закашлялся, подавившись собственным возмущением.

– Вас забыла спросить, – с ленивой угрозой откликнулась магесса. – Вы меня внимательно слушали, Мирниас? Никакой магии в ближайшие два дня, иначе сгорите как маг или вовсе с жизнью расстанетесь.

– Понял, не дурак, – проворчал юнец, избегая её взгляда и добавил неохотно: – Спасибо, мэора.

– Да не за что, не за что. Отправляйтесь домой и отоспитесь как следует... Вы опять пешком?

– Ходить полезно! – Он с вызовом взглянул на Айриэ.

– Да кто бы спорил. Только не вам и не сейчас. Ладно, идёмте, отвезу вас, – с некоторым раздражением вздохнула она. – Шоко не привыкать таскать на себе ваше тощее тело.

Он с заметным усилием поднялся и, подхватив свою сумку, направился к выходу. Несколько раз его шатнуло, но на ногах удержался. Ауру Айриэ ему подпитала, теперь та начнёт восстанавливаться самостоятельно, а физические силы вернёт хорошая еда и крепкий сон.

Во дворе Айриэ заметила Эстора Файханаса и поставила его в известность, что мага она забирает с собой.

– Но как же, мэора? – Брат герцога недоумённо приподнял брови. – Мэор Мирниас говорил, что готовы только три первых меча, остальное он зачарует после короткого

отдыха...

– Мэор Мирниас изрядно переоценил свои силы! – отрезала магесса, прерывая начавшего что-то говорить молодого мага. – Ему можно возвращаться к работе не ранее, чем через два дня, я настаиваю. Пожалуйста, передайте вашему брату, что чары на трёх первых мечах превосходного качества. Мэор Мирниас весьма талантлив, но вложил много сил в заклинания, поэтому теперь ему требуется отдых. Остальное он сделает, когда восстановит силы. И не более чем по два меча в день, слышите меня, коллега?

Мирниас угрюмо кивнул, но спорить не пытался. Эстор Файханас учтиво поклонился и заверил, что всё передаст брату в точности. Айриэ подвели коня, она уселась спереди, а маг попытался взгромоздиться в седло, но не преуспел: слишком ослаб. Попросив одного из гвардейцев помочь Мирниасу, она дождалась, пока маг вцепится своими жёсткими пальцами в её талию, и пустила Шоко ровной рысью. Ей повезло, маг держался крепко и по дороге ни разу не свалился, хотя то и дело тяжело наваливался ей на спину.

Когда обрелись, он, кажется, от слабости уже с трудом воспринимал окружающее и с трудом сполз на землю.

– Ну-ка, помогайте, брайя! – кивнула Айриэ подскочившей встревоженной вдовице. – Мэору Мирниасу магичить много пришлось, ему теперь в кровать надо. Два дня только спать, есть и посещать туалет, более никаких нагрузок, ясно?

– Да, мэора, всё сделаю! – закивала вдовица, поддерживая мага с другой стороны, и робко поинтересовалась: – А кормить чем лучше?

– Мясо, красное вино, ну и свежие помидоры с зеленью, – указала магесса на гряды с краснеющими помидорками. – За вином к Гриллоду сходите, у него хорошее.

Мирниаса сгрузили на кровать, и вдовица помчалась готовить постояльцу обед.

– Ну, с раздеванием вы и сами справитесь, а я пошла, – кивнула магесса Мирниасу, и тут взгляд её упал на прикроватную тумбочку, где лежала книга картивианского магистра Артиана Лоннира с торчащими из неё закладками. – Смотрю, вы решили последовать моему совету? Одобряю и могу попутно дать ещё один. Если хотите увеличить резерв, через два дня начните интенсивно выполнять описанные в книге упражнения, пока вновь не опустошите все запасы магии. И так раз пять-шесть, потом перерыв на месяц. Но Равновесие вас избавит от дурацкой идеи заимствовать свою жизненную силу!

– Я понял, спасибо, мэора Айнура, – не прекословя, ответил артефактор, и Айриэ подумала, что, наверное, бедняге совсем худо, раз больше не хорохорится, поэтому поспешила оставить его в покое.

ГЛАВА 11

Следующий труп нашли в переулке, в той самой луже, где Айриэ некогда видела гигантскую чёрную свинью. Мужчина лежал лицом вниз, подвернув под себя скрюченную руку, а на земле расплывалось пятно грязно-бурой жижи, уже начавшей подсыхать. Солнце грело ещё по-летнему, буровато-серая корка подползала всё ближе к телу, расписывая землю некрасивым узором. Одежда мужчины, обильно усеянная серебристыми каплями росы, испускала лёгкий, едва заметный парок в бледно-жёлтых солнечных лучах. Земля в тех местах, где ещё стояли не высохшие после дождя грязные лужицы, была испещрена огромными, когтистыми следами. Похоже, хогрош нарочно исплясал всё вокруг, чтобы порадовать дознавателей количеством следов виновника преступления. Непременный веночек с гнилостным запахом издевательски скромно лежал рядышком.

Айриэ оказалась у трупа даже раньше капитана Паурена. Выяснилось, что он лично

приказал в случае чего посылать за магессой одновременно с ним. Провинившийся десяток стражи угрюмо отгонял от тела толпившихся зевак. Люди были встревожены, но любопытство подогревало сильнее страха. Собралось две кучки людей – одна дальше в проулке, другая на центральной улице. Воссоединиться им не давали гвардейцы.

Велев одному из гвардейцев перевернуть тело, Айриэ хмуро уставилась на разодранные грудь и живот мужчины. Сердце наверняка было сожрано тварью – копаться в трупе магесса не намеревалась, но могла догадываться. Лицо тоже было сильно порвано когтями, но боязливо вытягивавшие шеи кайдарахцы своего соседа явно опознали. Айриэ подошла, окинула взглядом деревенских и поманила к себе седовласого, худого и жилистого мужчину, одетого в старую, явно рабочую, но опрятную одежду. Взгляд седовласого привлекал внимание житейской опытностью и лукавой хитринкой.

– Знаете его, брай? Хорошо, тогда идёмте со мной. Опознаете погибшего.

Седовласый, побледнев, осмотрел труп и нервно сглотнул, отвернувшись.

– Он это, мэора маг. Пайпуш, батрак мой... временный.

– Давайте-ка отойдём в сторонку, – заботливо предложила магесса, которой вовсе не улыбалось, чтобы фермера вывернуло наизнанку рядом с трупом. – Мне надо знать, кто он и где живёт... жил.

Отдышавшись немного, фермер хрипло представился:

– Я – Воллид Райнасар, мэора, сосед этого бедолаги. У меня ферма вон там, за деревней, а Пайпуш рядом жил, в конце этого проулка. У него жена и детей трое... я покажу где, если надо, мэора.

– Попозже, – кивнула магесса, – с его вдовой я обязательно побеседую. А пока расскажите, что за человек был.

– Пайпуш у нас с десяток лет как поселился, а родом он из Сайгары. Получил там какое-то наследство, продал домишко и подался к нам, потому что, вишь ты, наслышан был, что люди у нас в Юнгироде богато живут. Только не понял, что богатство с неба само ему в рот не упадёт, для этого потрудиться надо как следует. – В голосе седовласого слышалась явная насмешка, но не злая, а добродушно-снисходительная. – Непутёвый он был, мэора, вот что я вам скажу. Сам себе на пустом месте беды создавал. Вот казалось бы, появились у тебя деньги, так вложи ты их разумно, землю у его светлости арендуй и работай. Нет, не хотелось ему, вишь ты, в долги на всю жизнь влезать, потому что наследства на покупку земли не хватало. Подумаешь, большое дело, ты будешь каждый месяц небольшую сумму отдавать, зато уже дети твои землёй владеть будут. Он корову, свиней и кур завёл, но породистых местных поросят покупать не стал. Додумался из своей Сайгары тощих беспородных хрюшек выписать, которые мало того хилые, так ещё и не заговорённые от мора. Говорили Пайпушу: потраться ты на мага, зато скотина здорова будет. Так нет, денег ему жалко было. ?Авось не заболеют? – вот и весь разговор. Ну и ... доавоськался, дурень. Свиньи стояли скученно в тесных тёмных сараюхах, заболели да и передохли все от какой-то хвори. Кур хорьки да ястребы переловили, коровёнка чуть живая и доится изредка, а жена и голопузы его чумазые впроголодь сидят. Жалко мне их было, особенно жену его: по хозяйству одна надрывается, помощи от муженька не допросишься, да и детки... Из троих только средний правильный парень, я ему работёнку подбрасываю, да плачу едой или одежкой. Папашу его в батраки брал неоднократно, но это не работник, а горе одно. Всё из рук валится, всё тляп-ляп делается, инструмент ломает, а то напьётся и на работу не придёт, когда ты ждёшь и у тебя каждый летний денёк на счету, каждая пара рабочих рук... Начинаешь ругаться, а он тебе

глазами изумлённо в ответ хлопает: ?Да как же, Воллид, да ведь дождь к вечеру будет, зачем же траву косить, всё одно сено сгниёт...? Тьфу! Если лето дождливое, так у меня зимой скотина, что ли, должна без сена сидеть? Навесы на жердях давным-давно придуманы, скошил быстро, пока дождя нет, разложил тонким слоем, и высохнет сено как миленькое. А Пайпуш только мямлит: ?Да у нас в Сайгаре так не делают, да я лучше подожду, пока погода установится, и высушу скошенное за два дня?. А потом, вишь ты, у него коровёнка жрёт что попало и молоко у неё пропадает, даже если она каким чудом умудрится живого телёнка родить. А, что говорить, мэора!.. Сколько он мне кровушки попортил дуростями своими – не передать! Он и твари-то, небось, потому попался, что напился в таверне до полусмерти, да забыл, что ночами по деревне лучше не шастать. Мир его праху, в общем.

Воллид махнул рукой и неодобрительно покачал головой. Айриэ, правду сказать, слушала сей страстный монолог вполуха, заодно обдумывая, а не подбросили, случайно, и этот труп. По всему выходило, что могли. Допустим, поймали Пайпуша в этом переулке, когда пьяный домой возвращался, но если бы его тут убивали, он бы орал, а патруль непременно услышал бы.

– Желая здравствовать, мэора, – услышала она пожелание, высказанное на редкость мрачным тоном. Обернувшись, увидела капитана Паурена и кивнула в ответ. Он тоскливо продолжил: – Всё-таки новый труп, мэора, лопухнулись мои орлы. Ну ничего, я с них половину месячного жалованья высчитаю по распоряжению его светлости, впредь будут бдеть лучше!

– Вы в курсе, что это местный пьянчужка?

– Да, мэора Айнура, у нас Пайпуша многие знают, – брезгливо признался капитан. – Он всё-таки допился, а ведь предупреждали не раз... Спрошу своих, что они ночью слышали, хотя ясно и так, что ничего, иначе бы тварь ловить бросились... Его ведь ночью убили, мэора, как думаете? Спрошу ещё, когда он от папаши Брэйдора ушёл, хотя сейчас народ в таверне долго не засиживается.

– Мне мэор Тианориннир говорил, что теперь ?Свиная голова? закрывается намного раньше полуночи. Но пойдёмте, ваших людей опросим, вдруг всё-таки они что-то заметили. А вы, брай Воллид, пожалуйста, подождите меня, потом проводите к вдове Пайпуша.

Выяснить удалось только, что когда один из патрулей проезжал мимо таверны после десяти вечера, на крыльце сидел изрядно набравшийся Пайпуш и орал песни. Примерно через час патруль был там снова, и таверна была уже закрыта, светильники потушены, и вокруг царила тишина. Нет, в переулок они не заглядывали, ездили только по центральной улице. Да и прошлая ночь была тёмной, лун было не видно за пеленой туч. Ещё видели на улицах возвращающегося домой мага и троих местных, больше никого.

В общем, Айриэ пришла к выводу, что поймали пьянчужку после десяти, когда он поплёлся домой. Хогрош стукнул его по голове кулачищем или палкой какой, вскинул на плечо и тихонько отправился к магу в логово, минуя патрули. А там ?маг-враг? провел тёмный ритуал – опять некий амулет силой напивывал? – и после велел твари подбросить труп обратно в переулок. Кровью землю опять полили... а кровь-то не человеческая, вот вам и доказательство. Айриэ подцепила пальцами немного кровавой жижи из-под трупа и, не обращая внимания на изумлённые взоры окружающих, провела быстрый магический анализ, на сей раз точно распознав присутствие свиной крови. Запустив заклинание очистки, чтобы избавиться от остатков грязи на руках, Айриэ попросила проверить наличие следов удара на голове пьянчужки. Как и ожидалось, под волосами на затылке наличествовала здоровенная

пишка.

– Вот, поэтому он и не кричал, что его оглушили, – авторитетно заявила магесса. – Ваши люди и не могли ничего услышать.

Конечно, не могли, если убивали его в логове, но об этом капитану лучше не знать. Крепче спать будет.

– Ну что ж, капитан, здесь я всё осмотрела, пойду, побеседую с его вдовой. Может быть, она расскажет что-нибудь полезное.

На самом деле Айриэннис была уверена, что ничего полезного женщина ей не расскажет. Но раз ей полагалось изображать бурную деятельность по выявлению преступника, придётся тащиться к свежеиспечённой вдове. Махнула рукой болтавшему с приятелями фермеру, и они отправились к дому Пайпуша. Шоко послушно брёл следом, пощипывая пыльную придорожную траву.

Дом и двор прямо-таки кричали о нерадивости хозяина. Всё старое, покосившееся или прогнившее, крыша хлева зияет давнишней прорехой, ворота жутко скрипят, створка повисла на одной петле, во дворе кучи хлама, грязи и каких-то объедков, над которыми тучами вились мухи. Во дворе обнаружилось трое худющих мальчишек с голодными глазами. Двое чумазых, с торчащими сальными патлами, третий выглядел умытым и причёсанным. В данный момент он стаскивал с себя рубаху, по которой спереди потёками стекала жидкая грязь. Перед ним стояло корыто с водой – очевидно, парень собирался самостоятельно выстирать старенькую, многократно заштопанную рубашку.

– Мать дома? – спросил фермер мальчишек, и старший, на вид лет двенадцати, бойко ответил:

– Да, дядька Воллид, с ней соседки сидят! – А средний добавил: – Она плачет, дядюшка Воллид. Нам про отца сказали уже...

Младший согласно хлопнул носом; у него единственного глаза были заплаканными, но сильно расстроенным и он не выглядел. Очевидно, особого горя потеря непутёвого папаши у сыновей не вызвала.

– Ясно, – кивнул фермер и хмуро поинтересовался у среднего: – Сиор, что с твоей рубахой?

– Упал, – ответил мальчишка, пряча глаза, а двое остальных злорадно захихикали.

– Упал, вишь ты, – прищурился Воллид и вдруг гаркнул грозно: – А ну, признавайтесь, поганцы, вы в Сиора грязью запустили? Ах вы, мелкие паршивцы, у вас отца убили, у матери горе, а вы ей ещё забот пытаетесь добавить? Развлекаетесь? Я вам покажу забавы! А ну, взяли ведра немедленно и пошли таскать воду в мыльню! Чтоб через час вода грелась, а вы двое заодно и полы в доме выскребли!

– А чего вы тут распоряжаетесь, дядька Воллид? – неуверенно вякнул старшенький.

– Я сейчас хворостину возьму и объясню доходчиво, почему я распоряжаюсь и почему вы должны брать пример с Сиора и помогать матери! – обманчиво ласково проговорил фермер.

Старший и младший прониклись и уныло потупились, а средний сказал:

– Дядюшка, у нас в колодце вода дурная... Крыса там утопла, воду брать нельзя.

– Тогда ко мне за водой ходить будете, не так уж далеко, – нахмурился фермер и озабоченно спросил: – Крысу-то хоть выловили?

– Я выловил, дядюшка! – ответил Сиор. – Только вода-то уже загажена...

– А вот этому я могу помочь! – вмешалась Айриэ, до сих пор с любопытством

наблюдавшая, как Воллид взялся наводить порядок. Что-то ей подсказывало, что у фермера к новоиспечённой вдовушке имеется свой интерес. Он выглядел, как человек, принявший некое решение и взявшийся воплощать его в жизнь, не откладывая дело в долгий ящик. – Сейчас воду заклинанием очищу, будет лучше прежней.

Она деловито подошла к колодцу, оценив и прогнивший, трухлявый сруб (наверное, прадеда предыдущего хозяина дома застал), и кое-как сделанный навес над ним – кривой и щелястый. Неудивительно, что туда крыса свалилась, дыр тут полно. Запустив заклинание очистки воды вглубь вонючего колодца, заметно попахивавшего тухлятиной, Айриэ добавила спецэффектов для публики в виде вспышек и светлячков. Это, как всегда, вызвало восторженные охи и ахи, но цель была достигнута, вода полностью очистилась. С сомнением осмотрев старое, ржавое ведро на такой же цепи, магесса очистила и его, потом самолично покрутила ворот и подняла полное ведро наверх. Первая смело напилась из пригоршни и жестом предложила остальным последовать её примеру, сняв пробу.

– Отменная водица, тут отродясь такой не бывало! – с удовлетворением крикнул фермер. – Вот спасибо-то, мэора!

– Мэора маг, сколько мы вам должны? – тихо и очень серьёзно спросил Сиор, напряжённо сжимая пальцы.

– Да нисколько, парень, я для себя старалась. Очень водички захотелось! – подмигнула магесса.

В доме обнаружилась всхлипывающая на стуле женщина в окружении нескольких сочувствующих подруг. Фермер понятиво попросил всех лишних удалиться – мол, мэоре магу надо с вдовой поговорить.

Внутри дома было чисто, но убого: сразу было видно, что тут проживала беднота. Старый колченогий стол, скрипучие разномастные стулья, сундук в углу, криво висевшая полка с посудой да пара плетёных из тряпок половичков на полу, вот и вся обстановка. Печь с облупившейся побелкой, потолок закопчённый, из припасов – только пучки сухих трав на стенах да пара тощих крупяных мешочков.

Женщина была ещё не старая, но сморщившееся от рыданий лицо и сгорбленные плечи добавляли ей лет. Вдова оплакивала, как показалось магессе, не столько собственно смерть мужа, сколько проблемы, которые она с собой несла. С таким мужем женщине жилось несладко, но без него одной с тремя детьми, скорее всего, станет намного хуже. Если нового мужа не найдётся... Подтверждая подозрения магессы, Воллид тихонько шепнул: ?Полгода слова ей не скажу про это, а потом пусть идёт за меня замуж. Хватит, намыкалась, теперь поживёт нормально?. Фермер подошёл и принялся утешать женщину с чуть грубоватой нежностью, так что становилось ясно, что планы по сватовству он лелеет не из выгоды. Что с таких бедняков возьмёшь, да и повесить себе на шею троих чужих мальчишек – удовольствие невеликое.

Переговорив с женщиной, Айриэ окончательно убедилась, что интересного она здесь не услышит. Пайпуш наверняка был случайно выбранной жертвой – что магу, что его ручному монстру без разницы, кого рвать. Теперь уже без разницы... Если ?маг-враг? пытается зарядить некий тёмный амулет, а одной убитой мельничихи ему не хватило, то жертвы подойдут любые. Основа, сердцевина амулета уже заряжена, дальше можно просто подпитывать его силой, пока он не будет готов. Айриэ весьма интересовало, что это за амулет, но в любом случае, Файханасы воспользуются им только по приезде в столицу, на расстоянии ведь не получится. Значит, пока можно было не особенно беспокоиться по сему

поводу, а жертвы... жертвам не повезло, но их жизни будут отданы в защиту короля. Бо-ольшое утешение, да. С другой стороны, защищать короля – обязанность каждого подданного, так что смерть за него – это, безусловно, очень грустно, но справедливо и даже в некотором роде почётно... Айриэ зло фыркнула и помянула корявое Равновесие, вскакивая в седло.

Жаль, не получится обсудить всё с Тином. С беднягой менестрелем произошёл несчастный случай. В тот день, когда Айриэ впервые проверяла работу Мирниаса, Тианор вечером должен был развлекать супругу Эстора Файханаса и её подруг. Тогда он Айриэ не навестил, хотя намеревался, однако она нимало не встревожилась. В конце концов, он не обязан перед ней отчитываться. Однако на следующий день от него пришла записка, где он сообщил, что приболел и... просил не навещать его. Эту просьбу Айриэ проигнорировала и отправилась проведать болящего.

Менестрель обитал у пожилой семейной пары, в чистеньком, уютном домике, стоявшем в тихом зелёном переулке. Комнаты, где жил Тианор, сияли чистотой и порядком. Домашний уют и некую милую, тёплую душевность обстановке придавали множество подушечек, белоснежных кружевных салфеточек и пухленьких бежевых креслиц. Комната идеально подходила хозяйке дома – тоже пухленькой, опрятной, розовощёкой, приветливо улыбающейся старушке, но сам менестрель с его чересчур экзотичной для этого дома внешностью смотрелся несколько неуместно. Впрочем, ему самому обстановка, очевидно, нравилась или, по меньшей мере, не вызывала ни малейшего неприятия. Айриэ помнила, как он говорил, что его всё устраивает, кроме разве что вполне простительной страсти хозяев дома добродушно посплетничать обо всём, что происходило в деревне.

Бледный, обзаведшийся кругами под глазами менестрель полулежал в постели и страдальчески сморщился, едва Айриэннис вошла в его спальню.

– Айнура, ну я же просил! – простонал он и возвёл глаза к потолку. – Впрочем, мог бы и догадаться, что ты моей просьбы не выполнишь.

– Ну и чем тебе помешал мой визит? – с любопытством осведомилась Айриэ.

– Разумеется, вместо того, чтобы поинтересоваться

моим

здоровьем, ты спрашиваешь, почему

тебя

просили не приходить, – обиженно нахмурился Тианор и откинулся назад. При этом его блестящие бронзовые волосы красиво и даже несколько картинно разметались по белоснежной наволочке, отделанной кокетливыми кружавчиками.

– Раз ты способен дуться, значит, дела твои не так уж плохи, – с насмешливой ласковостью заметила магесса и подтащила к кровати стул, чтобы устроиться с комфортом.

– Что случилось, Тин?

– Глупейшая история. – Он смущённо отвёл глаза. – Я свалился с лестницы, представляешь? Но, умоляю, никому не рассказывай, иначе я стану посмешищем!

– С какой ещё лестницы? Только не говори, что тебя напоили на той вечеринке респектабельные дамы в возрасте!

Он издал сдавленный смешок, показывая, что оценил шутку.

– Нет, Аини, как ты могла подумать такое про уважаемую мэору Альдарру и её подруг! Да и я выпил всего пару бокалов вина. Нет, просто я зазевался, за что и поплатился. Это было очень больно, знаешь ли. – По его лицу пробежала тень. – Я сильно ушибся. Его

светлость оказал мне гостеприимство и вызвал целителя. Я провёл ночь в замке, а сегодня меня доставили сюда в герцогской карете.

Что показательно, целителя-мага в замке тоже не держали. Как ни слаба целительская магия, почувствовать ?коллегу?, тайно колдующего где-то по соседству, способен даже слабый маг. Его светлость предпочёл не рисковать. Нынешний герцогский целитель обладает разве что зачатками магии, упоминать смешно, а если случается что-то серьёзное, зовут целителя из соседнего города.

– Что там у тебя, давай посмотрю, – предложила Айриэ, но полуэльф поспешно отказался.

– Спасибо, Айнур, но не стоит. Целитель мне помог, а скоро я сам встану и подлечусь эльфийской магией. Не утруждайся, ты же сама говорила, что целительница из тебя паршивая. – Он снова с некоторым трудом выдавил смешок. – Не хочу, чтобы ты меня таким беспомощным видела... самолюбие страдает, знаешь ли. Пощади хотя бы его остатки.

– Ну, раз ты такой стеснительный, Тин, лечись сам, – безжалостно постановила магесса, не собираясь навязываться.

– Вылечусь, – заверил менестрель. – Ещё пару-тройку деньков в постели поваляюсь, отдохну заодно... За мной та-а-ак ухаживают! – Он мечтательно закатил глаза. – Даже болеть приятно – брайя Миранна, моя хозяйка, такая заботливая...

– Ага, так её сочувствие твою мужскую гордость не ранит! – поддразнила его Айриэ

– Она ведь мне не любовница, – усмехнулся Тианориннир в ответ и попросил уже серьёзно: – А이니, ты, правда, не навещай меня, не стоит. Я к тебе сам приеду, когда поправлюсь.

– Да пожалуйста! – любезно откликнулась Айриэ, нимало не задетая подобной просьбой. Пусть страдает в обнимку со своим самолюбием, ей не жалко. Утешать болящих и изображать сиделку она тоже не слишком любит, так что всё ко взаимному удовлетворению.

Возвращаясь от вдовы тем же переулком, магесса увидела, как тело убитого грузят на повозку подоспевшего могильщика, а Паурен отсчитывает тому деньги. Очевидно, пьянчужку похоронят за счёт его светлости, да и некая денежная компенсация вдове причитается.

– Мэора Айнур! – окликнул магессу капитан. – Не откажите в любезности посмотреть. У нас тут новая улика обнаружилась.

Он вытащил из кармана что-то, завернутое в платок, и продемонстрировал спешившейся Айриэ.

– Вот, в пальцах Пайпуша зажато было. Сразу и не заметили, только когда тело внимательно осматривать стали. Что скажете, мэора?

Это оказалась небольшая прядь светло-русых волос, выдранная из чьей-то шевелюры. Волосы немного извалялись в грязи, но явно потому, что труп лежал в луже, да ещё его переворачивали.

– Волосы человеческие, это пока всё, что я могу утверждать, – повела плечом Айриэ, не торопясь высказывать свои соображения. Очередная подброшенная улика вроде той пуговицы?.. – В какой руке были волосы?

– В правой, она под телом оказалась... а, да вы ведь видели, мэора. Мои орлы тело в первоначальное положение вернули, потом обратно, пока я соображал, как именно всё произошло. Я не сразу и заметил, что у него пальцы скрючены, а в них зажато что-то. Подумал было, он твари клок шерсти выдрал, а оказалось, волосы...

– Следов мага здесь нет, – резонно заметила Айриэ.

– Может, тварь для этого и испрыгала тут всё вокруг, чтобы следы хозяина уничтожить, – не менее резонно возразил капитан. – Это улика, мэора, да какая! Волосы наверняка принадлежат убийце.

?И подозрительно похожи на лохмы артефактора?, – кисло подумала Айриэ. Придётся чуть позже наведаться в замок, тем более Мирниас должен сегодня зачаровать очередную пару мечей. Возможно, герцог и правда собирается сделать из долговязого мага жертвенного козлика, надо проконтролировать и помочь бедняге, в случае чего. Точнее, немного нарушить планы его светлости, это важнее.

Магесса вернулась к Гриллоду и не торопясь, со вкусом позавтракала: её опять разбудили с утра пораньше сообщением о найденном трупе. Есть она не стала, сразу поехала смотреть, так что теперь следовало наверстать упущенное. Отведав омлета со свежей зеленью и кусочками бекона и запив всё парой чашечек превосходного крепкого кофе, магесса немного подобрела и решила ехать в замок прямо сейчас, не дожидаясь вечера. Что-то ей подсказывало, что волосы убитому Пайпушу подсунули не зря, и герцог намерен перейти к решительным действиям.

Она немедленно убедилась в своих подозрениях, прибыв в Файханас-Манор. В комнате рядом с оружейной, где работал Мирниас, магесса застала дивную картину. Посреди комнаты стоял Мирниас – как обычно, встрёпанный, но неожиданно бледный, с каким-то загнанным выражением в глазах. Он с силой выкрикнул:

– Я этого не делал!.. – да так, что стёкла задребезжали.

Перед ним стоял преисполненный благородного негодования герцог, также присутствовали слегка злорадствующий наследник, невозмутимый Эстор Файханас и ещё один, незнакомый магессе типичный горбоносый представитель этого славного рода – очевидно, отсутствовавший в прошлый раз кузен Синтион. В качестве подкрепления здесь же находился капитан Паурен и трое его солдат, один из которых держал наготове антимагические наручники. И ещё Тианор, вот уж совершенно непонятно почему. Герцог решил воспеть в веках героическую поимку злобного мага?..

– Мэоры, что здесь происходит? – осведомилась магесса, величественно вливаясь в комнату.

Ей показалось, что в глазах герцога проскользнула едва заметная досада, зато Орминд поморщился вполне очевидно, по молодости лет не давая себе труда скрывать свои чувства. А Мирниас глянул с каким-то безнадежным отчаянием, похоже, даже не рассчитывая получить помощь.

– Мэора Айнура, рад вас видеть, – бесстрастно изрёк Рольнир Файханас, ничем, впрочем, своей радости не выказывая. – Вы прибыли удивительно вовремя и, надеюсь, окажете помощь в установлении истины. Капитан Паурен сказал, вы уже видели найденную улику. У него возникло предположение, что волосы цветом весьма похожи на волосы нашего уважаемого артефактора, и капитан поспешил сообщить мне о своих подозрениях. – Слово ?уважаемого? герцог произнёс с откровенным презрением, и молодой маг судорожно дёрнулся, а уши его заалели. – Я решил немедленно установить истину, и настоятельно попросил мэора Мирниаса предоставить прядь своих волос для сравнения.

– Я и не отказываюсь это сделать, ваша светлость! – вскинул голову Мирниас. – Сравните сколько угодно, но я-то знаю, что невиновен в убийствах и не создавал никакой магической твари!

– К сожалению, молодой человек, это вопрос такого характера, что мы не имеем права принимать на веру ничьи слова, – веско заметил брат герцога. – Поэтому не дурите, подчинитесь и позвольте надеть на себя наручники, как вам было сказано.

– Я не думаю, что в подобной мере есть нужда, – вмешалась Айриэ, и теперь едва заметно скривился Эстор Файханас. – Не забывайте, я всё-таки боевой маг с немалым опытом и сумею, в случае чего, справиться с молодым ?бытовиком?.

Мирниас наградил её взглядом, далёким от благодарности, однако подтвердил:

– Я не собираюсь делать глупости. Пусть ваши солдаты срежут у меня прядь волос. Но даже если они и похожи по цвету, то светло-русых людей на свете немало! С чего вы взяли, что это именно мои?

Герцог не собирался удостаивать подозреваемого ответом, вместо этого кивнув одному из гвардейцев. Тот ножом безжалостно отхватил прядь волос Мирниаса и положил на стол, где на развёрнутом платке лежала вымазанная грязью улика.

Герцог, брезгливо искривив уголок рта, склонился над столом, сравнивая, и вскоре отошёл, уступая место прочим жаждущим. Его родичи проделали то же самое, едва не сталкиваясь головами.

– На первый взгляд, волосы идентичны, – изрёк его светлость, с грозным прищуром глядя на мага.

Тот судорожно сглотнул и ответил чуть дрожащим голосом:

– Но это не мои, ваша светлость! В любом случае, Пайпуша я последний раз видел вчера вечером в таверне, и ушёл я раньше, это вам могут подтвердить.

– А кто вам мешал вернуться и подкараулить несчастного в переулке? Или послать свою ручную тварь? – возразил кузен герцога Синтион. – Или, предположим, вы стояли и смотрели, как питается ваш монстр, а Пайпуш каким-то образом вырвался, затеял борьбу и выдрал у вас клочок волос, чего вы в пылу схватки не заметили. Нет, мэр Мирниас, я пока не утверждаю, я всего лишь показываю, как могло быть.

– Такое развитие событий представляется мне вполне возможным, – согласился герцог. – Впрочем, у нас есть возможность узнать точно с помощью эльфийской магии. Мэр Тианориннир, прошу вас!

Тианор, с самого начала избегавший взгляда Айриэ, шагнул вперёд. Вид у него был невозмутимый и вполне безмятежный, но магесса успела приметить подрагивавшие кончики пальцев. Менестрель немного нервничал. Опасался её реакции или возможного недовольства всесильного герцога?

– Герцог, могу ли я спросить, что вы намерены делать?

– Всё очень просто, мэра Айнура. Мэр Тианориннир с помощью эльфийской магии определит, принадлежат ли волосы, найденные у Пайпуша, нашему магу. Я бы предложил вам, мэра, также принять в этом участие, но, насколько мне известно, классическая магия не имеет заклинаний, подобных эльфийским.

Голос его светлости выражал лёгкое сочувствие и содержал отголосок некоего торжества. Думаете, утёрли нос выскочке из Ордена? Ну-ну.

– Отчего же, мэр Рольнир? Драконьи маги – несколько большее, чем обычные, классические. Нам известно немало тайн Ушедших, и мне как раз вспомнилось одно подходящее заклинание. Я вычитала его в древней книге, которая была написана ещё при драконах.

Спокойно подойдя к столу с другой стороны и развернувшись лицом к зрителям,

магесса картинно простёрла руки над ?образцами?. Тианор, к слову, подозрительно охотно отступил назад и прямо-таки просветлел обликом. Магесса быстренько проверила волосы на сходство и убедилась в полной идентичности обеих прядок. Впрочем, раз уж его светлость счёл нужным затеять этот фарс, следовательно, можно было не сомневаться, что волосами Мирниаса он запасся. Как – дело техники, да и не особенно важно. Если Мирниас после наложения чар на мечи находился в обморочном состоянии, тут его, пожалуй, наголо остричь можно было, не то что аккуратно выдрать несколько волосков.

Айриэ чувствовала, что начинает злиться, и привычно успокоила начинающее бесноваться внутри пламя. Подождать совсем немного, всего-то одну декаду... Ещё не время снимать маски, как бы ни хотелось стать собой. Для неё носить эту искусственную оболочку поверх себя настоящей, поверх истинного облика – всё равно что дышать сквозь грязную тряпку. Как же хочется освободиться... вдохнуть полной грудью, рвануть вверх, свободно, не оглядываясь ни на что, кружиться в немыслимой для человеческого тела выси. Лететь навстречу ветру, обжигаясь о его холодное дыхание, и выдыхать пламя в ответ, а потом сливаться с ветром и парить в невесомости или стремительно нестись наперегонки с ним, на равных споря, кто выносливее. Обнимать землю раскинутыми крыльями, падая ей навстречу, танцевать под хлещущими струями грозового ливня, шагнуть в неистовствующее пламя огромного костра, ласкающего горьковатым дымом. Жить. Жить по-настоящему, всё сбросить, всё забыть, избавиться от чужого облика, смыть лишнее, ненужное, наносное... Быть собой, вот высший смысл существования. Быть собой, жить в ладу с собой, чувствовать Вселенную и отзываться на её ритм, танцуя при этом свой собственный танец. Все ошибки – только твои, все победы – только твои и тех, с кем захочешь их разделить. Отвечать лишь перед собой, и все принятые на себя долги – добровольные, иных не нужно. Стать пламенем, рванувшимся ввысь, выжигающим до серого пепла накопившуюся вокруг мерзость...

Стать!.. Пламенем!..

Жечь!.. До пепла!..

Неистовый позыв освободиться сотряс Айриэннис от макушки до носков запылившихся сапог. Кратчайший миг безмолвного ликующего крика, кратчайший вдох манящего запаха свободы – и всё угасло. Глубокий, медленный вдох – и внутренний огонь присмирел до поры, повинувшись её воле. Ждать. Тем слаще станет свобода, тем приятнее будет наконец-то чувствовать по-настоящему, а не из-под наброшенной пыльной вуали, приглушающей восприятие...

Ну что же, герцог, хотели фарса – получите. Разноцветные искорки потанцевали и покружились над столом, потом его медленно окутало облако густо-фиолетового тумана. Вспышка бездымного фиолетового пламени – и туман словно растворился в нём, а над столом парил небольшой призрачный дракон. Его чешуя отливала тёмным серебром, а глаза казались океанами кипящего золота. Кто-то называл их совершенством, кто-то проклинал, а драконы просто были. Были собой. Этот крошечный фантом гордо выдохнул струю изумрудного пламени в собравшихся, отчего они испуганно отшатнулись назад. Не все, впрочем. С места не сдвинулся изумлённый, онемевший от восхищения полуэльф и неизвестно когда появившийся в комнате Фирниор. Последний бестрепетно шагнул к столу, не сводя потемневших серо-лиловых глаз с крошечного дракончика, и даже протянул руку, подставляя её под изумрудное пламя. Струя огня прошла сквозь его пальцы, не причинив вреда.

– Его можно... коснуться, мэора? – охрипшим, чужим голосом спросил юноша, с какой-

то обжигающей тоской глядя на дракончика.

– Это фантом, Фирниор. – Айриэ позволила себе добавить в голос сожаления: порыв юноши, пожалуй, пришёлся ей по нраву. – Вы ничего не почувствуете.

– Жаль...

Серебряный дракончик вдруг задорно улыбнулся и подмигнул Фирниору, а потом крутанулся в воздухе и завис над двумя прядками, поливая их своим изумрудным огнём. Волосы задымились и медленно засияли изумрудным же свечением. Потом свечение угасло; одна прядка окуталась багрово-красным полупрозрачным облачком, вторая – чернильно-синим. Дракончик ещё раз перекувырнулся и исчез, растворившись в эффектной фиолетовой вспышке.

Все присутствующие зашевелились, приходя в себя. Фирниор, сдвинув свои чёткие, прямые тёмные брови, неотрывно смотрел куда-то в угол, задумавшись о своём. Мирниас таранился на стол с видом человека, уговаривающего себя спокойно выслушать свой смертный приговор.

– И что всё это означает, мэора Айнура? – высокомерно приподняв брови и прищурился глаза-льдинки, осведомился его светлость.

– Моё заклинание ясно выявило, что пряди волос принадлежат разным людям! – нагло солгала магесса и устремила безмятежный взгляд на владельца Файханас-Манора.

Попробуйте возразить, дорогой герцог. Заодно объясните, откуда у вас столь интересные сведения и кем является тот таинственный маг, которого вы так старательно прячете от королевского суда.

Видит Равновесие, герцогу этого хотелось. И сдержался он невероятным усилием воли, но ярость, на миг исказившую лицо, скрыть не сумел или не хотел. Война так война. Пока тайная, но, возможно, дойдёт дело и до открытой схватки. По крайней мере, герцог явно на это надеялся, а пока спросил неестественно ровно:

– Скажите, пожалуйста, мэора Айнура, попытка мэора Тианориннира подтвердить или опровергнуть ваши слова не будет сочтена вами за оскорбление?

– Я несколько не возражаю, герцог, однако не думаю, что стоит утруждать мэора Тианориннира. Я уверена, его магия покажет то же самое, что показало это древнее драконье заклинание. – Айриэ продолжала смотреть Рольниру Файханасу в глаза так же пристально, что это становилось почти вызовом. Почти. Они балансировали на грани открытой войны, но герцог выдержал, не сорвался, хотя магесса в глубине души, пожалуй, немного жалела об этом. Ей надоели притворство и маски, постыло липнувшие к коже.

– О да, ваша светлость, я думаю, мэора Айнура совершенно права! – поспешно откликнулся менестрель, которому, похоже, сильно не понравилась возможность оказаться тем слиточком железа, который плющат между молотом и наковальней. – Я ведь говорил, ваша светлость, моя магия полукровки слаба, мне доступны лишь некоторые заклинания, да и те работают очень уж прихотливо. Я не могу полностью поручиться, что моё заклинание сейчас сработает как должно. Зато мэора Айнура, будучи настоящим сильным магом, подобную гарантию даёт, и кто я такой, чтобы браться проверять её действия? С моей стороны это было бы непростительной дерзостью и самонадеянностью.

Герцог Файханас взглянул на менестреля с хищным прищуром, отчего тот вздрогнул, и сказал вполне мирно, хотя тон плохо вязался с тлевшей в глазах яростью:

– Что же, мэор Тианориннир, я признаю вашу правоту. И я молю мэору Айнуру простить моё недоверие обычного человека, плохо разбирающегося в магии. Я никоим

образом не намеревался вас оскорбить, мне просто нужно знать наверняка, мэора. Согласитесь, это дело слишком серьёзное, чтобы надеяться на случайности.

– С моими заклинаниями случайностей не происходит, – заверила магесса, поймав взгляд Мирниаса, преисполненный горячей, изумлённой благодарности. – Я охотно прощаю вас, герцог, и понимаю, что вы не имели намерения меня оскорбить. Вы вправе принимать меры для защиты ваших людей. Я надеюсь, истинный виновник этих ужасных смертей вскоре будет найден.

– Это наше самое большое желание, мэора! – зло сверкнул небесно-голубыми глазами Орминд, а его отец величественно кивнул в знак согласия, пряча раздражение за каменным спокойствием.

– Просто замечательно, что наши желания совпадают, – добродушно ответила Айриэ, улыбнувшись самым благостным образом.

– Претензий к мэору Мирниасу у меня более не имеется, – всё тем же ровным тоном произнёс его светлость, намеренно не утруждая себя извинениями. Это было сделано не из высокомерия, а чтобы дать понять молодому магу, что подозрения с него сняты лишь временно и при малейшем намёке на его виновность быть ему жертвенным козлом.

Магесса готова была прямо-таки восхититься подобным цинизмом. И пообещала про себя, что станет по возможности расстраивать коварные планы герцога касаясь артефактора. Не то чтобы Айриэ было особенно жаль недотёпистого мага, однако же налицо имелась явная несправедливость, и исправить её было больше некому.

Мирниас, похоже, прекрасно понял, что оправдал его герцог ?сквозь зубы?, и вид имел гордо-оскорблённый. Увы, его холодность не могла соперничать с ледяным презрением истинного аристократа, а голос временами обиженно срывался:

– Ваша светлость, я брался выполнить определённую работу, и я это сделаю, если у вас не имеется возражений! Позвольте приступить? Или, возможно, желали бы задать мне ещё какие-либо вопросы?

Герцог и его брат синхронно повернули головы и одарили бедного артефактора такими уничтожающими взглядами, что тому впору было провалиться сквозь пол. Однако Мирниас только вспыхнул до кончиков ушей и заморгал.

– Приступайте... мэор, – холодно обронил герцог и отвернулся, чётче обозначив свою немилость.

Он раскланялся с магессой и первым вышел из помещения, подавая сигнал своим сопровождающим, а его брат поманил менестреля:

– Мэор Тианориннир, моя супруга просила вас зайти к ней, как только освободитесь.

Вскоре в комнате остались только Айриэ с магом, который длинно вздохнул, провёл дрожащей рукой по лицу и обессиленно рухнул на скамью.

– Спасибо вам, мэора Айнура, – бросил он измученный взгляд на магессу. – Если бы не вы...

– Пустое, Мирниас. Я не столько ради вас старалась, сколько ради очистки совести. Она бы меня загрызла, – пошутила Айриэ. Да и приятно было немножечко испортить настроение Файханасам.

– В таком случае, спасибо вашей совести, мэора. – Он пока был не в состоянии шутить и говорил ужасно серьёзно, будто на похоронах пятиюродной бабушки, оставившей крупное наследство. – Я её должник.

– Мирниас, если я вас не стесню, мне бы хотелось посмотреть, как вы работаете.

Он заметно смутился, но вежливо сказал, что она ничуть не помешает. Айриэ действительно было интересно понаблюдать. Его длинные тонкие пальцы порхали над мечом, с гениальной ловкостью выплетая сеть сложных чар. Красивый, идеальный узор чётко ложился на меч – чересчур серенький и обычный для подобного совершенства.

И только после того, как артефактор закончил работу, Айриэ заговорила о том, что её интересовало, предварительно установив магический ?глушитель?:

– Мирниас, ваши волосы у герцога откуда, как думаете?

Молодой маг побелел как простыня:

– Как?.. В-вы что, хотите сказать, это всё же были мои?.. Но это не я, клянусь чем хотите!..

– Да верю я, не переживайте, – небрежно отмахнулась магесса, пытаясь успокоить запаниковавшего юнца. – Могу догадываться, вашу шевелюру слегка проредили, пока вы были без сознания.

– Здесь? – одними губами выговорил Мирниас, несмотря на ?глушитель?, опасаясь произносить подобное вслух.

– Или где-то ещё. Признаю честно, вы мне злодеем не кажетесь, Мирниас, поэтому я сочла нужным вам помочь. Не люблю, когда меня пытаются обмануть, а наш преступный маг именно это и пытался сделать, подставив вас. На вашем месте я бы остереглась, его светлость, в отличие от меня, считает вас подозрительным.

– Я постараюсь быть осторожнее, – безрадостно пообещал артефактор, хотя и он, и Айриэ прекрасно осознавали, что это пустые слова.

ГЛАВА 12

Вечером Айриэ доставили подарок. Принёс его, как сообщила Тайра, слуга в герцогской пиврее. Корзинка с отборными деликатесами из морепродуктов и красивый, аккуратный букет роз всё той же оранжевой масти. Обнаруженная в корзинке записка была от юного Фирниора и гласила: ?С огромной благодарностью за увиденное сегодня чудо?. Там же имелась насмешливая приписка: ?Мэора, пожалуйста, не переживайте за розы, там ещё много осталось!" Айриэ посмеялась и деловито проверила морепродукты на наличие ядов и проклятий. Мало ли что.

Явившийся Тианор не преминул высказать что-то язвительное по поводу роз, но его бурчание пропало втуне. Айриэ как раз лакомилась присланными дарами и в щедрости своей снизошла до того, чтобы предложить угощение любовнику.

– Спасибо, что-то не хочется, – кисло отказался менестрель. – А ты разве любишь морепродукты?

– По-моему, со времени нашего знакомства ты меня об этом уже в третий раз спрашиваешь, – заметила магесса. Смешно, юный Фирниор, выходит, наблюдательнее, раз сразу запомнил её вкусы.

– Да? Как интересно, – невпопад ответил Тианор, явно думая о своём.

– Тин, почему Файханас тебя привлёк для этого фарса с уликами?

– Его и спрашивай, – мрачно посоветовал полуэльф. – А меня просто поставили в известность, не предоставив возможности отказаться. Кстати, его светлость как-то чересчур много знает об особенностях эльфийской магии – хотелось бы поинтересоваться, откуда?..

– Наверняка его прикормленный маг подсказал.

– Чтоб он в гномью Кошмарную шахту провалился!.. – от души пожелал обзлётный менестрель. – Айни, какое счастье, что ты появилась так вовремя! Волосы были Мирниаса,

да?

– Разумеется. Его светлость подготовился. Ты бы это подтвердил, и герцог с полным на то основанием потащил бы беднягу в пыточную.

– Подтвердил бы, – уныло признал менестрель. – Что мне ещё оставалось?

Ну да, дело житейское. В конце концов, было бы странно, если бы Тианор стал рисковать из-за совершенно чужого ему Мирниаса. Существовала нешуточная возможность того, что разъярённый герцог приказал бы отправить в пыточную обоих, признав Тианора сообщником преступника.

Айриэннис только одно было непонятно: что же такого произошло, что Файханасы начали торопить события? Видит Равновесие, она честно старалась не совершать лишних телодвижений. И пока не узнала никаких страшных тайн, компрометирующих знатное семейство.

Герцог со своими близкими собирается отбыть в столицу девятого числа первого Осенника. Король и его двор обычно возвращается в Юнгир третьего или четвертого. Ну и к чему спешка? Мага собираются подослать раньше? Но ведь, в случае удачного покушения, Файханасы должны находиться поблизости и успеть занять трон так, чтобы не прослыть узурпаторами, но – спасителями королевства от смуты. До столицы добираться два дня, особенно со скарбом, чадами и домочадцами...

Допустим, ?преступника? разоблачают, совсем-совсем нечаянно позволив тому умереть под пытками. Что потом? Герцог не может не понимать, что Айриэ это вряд ли удовлетворит. Она продолжит искать дальше. Или ему не это важно, а тоже необходимо для чего-то выиграть время? Чёрным магам дни равноденствия и солнцестояния не нужны, силу они тянут из боли и смерти жертв. Должен быть ещё какой-то неизвестный магессе фактор...

С другой стороны, если герцогу нужен жертвенный козлик прямо сейчас, Мирниаса взяли бы тихо, не устраивая показательного судилища и не привлекая посторонних, вроде того же Тианора. Вдобавок Рольнир Файханас не выглядел человеком, чьи планы серьёзно нарушены. Имелась всего лишь досада от неуместного вмешательства и наглой лжи магессы – лжи, уличить в которой Айриэ не представлялось возможным без того, чтобы не выдать самого себя. Оставалось сделать вывод, что фальшивый виновник герцогу всё-таки нужен, но острой необходимости в нём пока не имеется. Возможно, Файханасы подставят кого-то ещё, раз уж магесса так недвусмысленно взяла коллегу под свою защиту.

– Айнура, а что это сегодня было? – осторожно спросил менестрель. – Перед тем, как появился тот фантомный дракон. Красивая зверушка, кстати! У тебя был такой вид... как у древней воительницы, дикой и неистойой. И глаза вдруг засветились зелёным золотом.

– Тианор, я ведь мастер иллюзий, – коротко напомнила она, ничего не объясняя. Однако же сильно её сегодня зацепило, если даже глаза на миг приняли настоящий цвет... Корявое Равновесие, до чего же ей надоела эта ровная, прохладная бесстрастность! Безликость почти. Неудивительно, что она едва не утратила контроль над собственной сущностью, упрямо пытающейся сбросить опостылевшие маски.

И неудивительно также, что ей сегодня хотелось любви неистойой и бурной, а полуэльф отвечал на удивление вяло, без огонька, будто по обязанности даже, чем несколько её разочаровал. Но, поскольку магесса не планировала длить эту связь после её отъезда из герцогства, высказывать какие-либо претензии смысла не было.

На следующий день Фирниор привёз дары лично, не доверив это дело слуге. Накануне Айриэ послала ему ?письмоносца? с вежливой благодарностью. Надо полагать, сие юношу открылило несказанно, раз привёз очередную корзину и букет сам.

– Мэора Айнура, не откажите в любезности принять мой скромный дар! – лукаво улыбаясь, играя ямочкой на щеке, попросил Фирниор.

– Фирниор, я вам очень благодарна, но право же, это лишнее!

– Пожалуйста, не отказывайте, мэора! Я ведь ещё за обедом заметил, что вам нравятся морепродукты, а больше вы их нигде не достанете, кроме Фапйханас-Манора. Поверьте, местные жители обладают массой достоинств, но любовью к дарам моря не отличаются.

– Что же, благодарю за щедрый дар, съем за ваше здоровье! – насмешливо улыбнулась магесса. – А розы бедные пожалейте, пусть лучше в саду цветут.

– Повинуюсь вашей воле, мэора! – Юноша озорно сверкнул глазами и пригласил её на прогулку.

Айриэ милостиво согласилась, ибо заняться всё равно было нечем. Они немного погоняли коней по окрестностям, а потом доехали до реки и дружно решили искупаться, пользуясь, наверное, последней в этом году возможностью. Не сегодня-завтра погода испортится, задуют холодные северные ветра с побережья, унося прочь накопленное тепло. Жара спадёт, ночи сделаются холодными, а почти осеннее солнце уже не сможет прогревать воду настолько, чтобы в ней было комфортно купаться. Сегодняшний же денёк был ещё полетнему тёплым, а Фирниор вообще утверждал, что жарким. Они кружным путём через мост добрались до того удобного для купания местечка, которое Айриэ показала русалка.

Айриэ, дабы не травмировать нежную юношескую психику, осталась в нижнем белье, за неимением купального костюма, а Фирниор полез в воду в скромных полотняных штанишках до колен. Водичка оказалась бодряще-прохладной, они с удовольствием наплавались – до приятной усталости в мышцах.

Благодушие магессы простёрлось до того, чтобы подсушить заклинанием не только себя, но и спутника. После чего они блаженно растянулись в тени на травке, наслаждаясь тягучим, ленивым летним деньком. В такой день приятно любоваться сверкающими бликами на водной глади, слушать убаюкивающий шелест старых ив и наблюдать заходящими в тёмно-зелёной глубине рыбинами. В такой день хочется забыть о злобных магах с их питомцами, об убийствах и расследованиях, о десятке предположений и подозреваемых. Даже если один из них валяется с тобой рядышком, всё равно хочется забыть, относиться ко всему миру благожелательно и, хм, человечно.

Прервали их отдых самым бесцеремонным образом. Из воды взметнулся фонтан серебристых брызг, вслед за которым вынырнула зеленоволосая красавица и звонко расхохоталась над вымокшим с головы до ног юношей. Магесса, обладая отменной реакцией, успела выставить щит, посему её одежда не пострадала.

– Айнура, я так и знала, что с тобой этот номер не пройдёт! – смешливо фыркнула русалка. – А Фирио опять попался!

– В который уж раз, – проворчал юноша, ничуть, впрочем, не разозлившись. – Лайли и Сэльми тоже так шутить любят...

– О, Фирниор, я смотрю, вас русалки за своего держат? – насмешливо вздёрнула левую бровь магесса. А что, ничего удивительного, юноша симпатичный, русалочки таких любят.

– С Таллани мы давние и добрые знакомые, – ответил молодой Ниарас, с вызовом взглянув на Айриэ. Гадать о причинах сего странного взгляда она не собиралась.

– Подумаешь, со мной всего разок и было, зато с Лайли сколько... – прищурившись, томно протянула зеленоглазая.

– Не считал и тебе не советую! – Вот теперь юноша был заметно раздосадован и даже чуточку порозовел.

– Ой, да ладно, молчу-молчу! Я зачем вынырнула-то, Айнура, мне с тобой поговорить надо насчёт той твари. Мы тут у Старейших Матерей Текучих Вод поспрашивали и...

– погоди, Таллани! – решительно прервала её магесса и обратилась к юноше: – Фирниор, надеюсь, вы нас извините, нам с русалкой надо поговорить наедине.

– Конечно, мэора!

Он, кажется, не чувствовал себя уязвлённым, послушно отойдя в сторону и усевшись в отдалении, спиной к ним, зато русалка взглянула недоумённо, захлопав длинными, чёрными с зеленоватым отблеском ресницами:

– Почему ты велела ему уйти? Фирио хороший, он никогда не обидит никого из наших!

– Зато некоторые из его родственников – могут, – заметила Айриэ, пытаясь коротко объяснить плохо разбирающейся в ?сухопутных? делах русалке тонкости человеческих взаимоотношений. – Он подчиняется старшим и должен будет рассказать про наш разговор, если его спросят. А если он ничего не будет знать, то и навредить не сможет никак.

Существовала немалая вероятность, что этого щеночка Файханасов отправили немножечко пошпионить, не зря же он возле неё крутится. Магесса поставила ?глушитель? и спросила:

– Таллани, о чём ты хотела поговорить?

– Айнура, наши Старейшие Матери хранят много знаний об унесённом текущей водой. Вы говорите – о былом, о прошлом. Раньше, очень давно, такие твари, как этот...

– Хогрош, – подсказала магесса.

– ... да, хогрош, уже появлялись в наших реках. Их создавали человеческие маги – чёрные, злые маги, питающиеся чужой кровью и болью. Рано или поздно эти хогроши начинали охотиться не только на суше, но и в воде.

– На вас?

– На нас, – кивнула Таллани, став непривычно серьёзной, а на дне её бездонных зелёных глазищ плескался страх. – Чёрным магам не приманить нас заклинанием зова, мы не подчиняемся, чуем зло и грязь. А чешуя наша и волосы, сама знаешь, какую ценность имеют. Да и смерть русалки чёрным магам сладка и желанна. Мы двое суток на суше умираем... задыхаемся, иссыхаем... медленно и мучительно...

Таллани содрогнулась и плеснула хвостом, словно отгоняя от себя призрак подобной смерти.

– Мы боимся, Айнура, – призналась она. – В первый день осени мы уйдём на глубину, в зимние убежища, и там нас уже никто не достанет. Но до тех пор мы почти беззащитны. Если пострадает кто-то из тех, кто сумел зачать нынешним летом... Мы, конечно, будем защищать наших сестёр, даже ценой собственной жизни, но мы не воины.

– Таллани, я попытаюсь его выследить.

– Пусть у тебя это получится! – от души пожелала русалка. – Но мы можем немного тебе помочь. Знаешь, что мы способны использовать ?зов ундины??

Особенность расы хвостатых водяных дев. Непреодолимый в своей притягательности зов-пение, одурманивающие чары, стряхнуть которые способен далеко не каждый. Так они подманивают к себе человеческих мужчин, не имея собственных для продолжения рода. Правда, русалки редко этим пользовались, предпочитая договариваться полюбовно. По слухам, ?зов ундины? мог приманить любое живое существо, это не были любовные чары, а просто манок.

Таллани носила широкий узорчатый пояс с кармашками и теперь извлекла оттуда небольшую тростниковую свирель.

– Возьми, Айнура! Эту свирель зачаровали наши Старейшие Матери, вложив в неё самый мощный зов, на который хогрош не сможет не откликнуться. Этот зов только для него, больше никто не услышит. Ещё в древности наши предки нашли способ приманивать чёрных тварей и просили или нанимали мага убить их. Наши Старейшие заглянули в Омуты Памяти и узнали, как это делалось. Свирель твоя, но она способна сработать лишь один раз. Даже если ты не умеешь играть, свирель сама споёт нужную песнь, чтобы после умолкнуть навеки. Сделать ещё одну такую в ближайшее время мы не сможем, Матери потратили много сил, – чуть смущённо объяснила русалка. – Так что постарайся убить тварь сразу. Мне жаль, что больше мы ничем не можем тебе помочь.

– Вы и так помогли, спасибо за свирель, – искренне поблагодарила Айриэ. Это уже что-то. Быть может, действительно получится приманить хогроша и уничтожить его. – Где его звать? Это имеет значение?

– Где тебе удобнее, но желательно возле реки, магия-то наша, водная. Он услышит и придёт, чары зова мощные. Маг-хозяин даже не поймёт, в чём дело и почему тварь вдруг перестала слушаться.

Ещё лучше. Можно будет уйти куда-нибудь в лес, подальше от деревни. Посмотрим, сработает ли свирелька, но если да, то убийство твари и насильственно оборванная связь с хозяином заставят того испытать немало неприятных минут.

– Сколько времени зов будет удерживать хогроша?

– Недолго. Минут десять или чуть больше. Он придёт и не сможет покинуть место, которое ты выберешь.

– А радиус действия какой?

– Что?.. – непонимающе хлопнула ресницами Таллани. – А, ты про размер круга, в котором тварь будет чувствовать себя связанной зовом? Так бы сразу и сказала. Ярдов тридцать шириной в ваших сухопутных мерах. За пределы круга он не вырвется, пока на него действуют чары.

Магесса развеяла приглушающее звуки заклинание и крикнула Фирниору, что можно подойти. Она собралась уже попрощаться с Таллани, как вспомнила кое-что и решила

прояснить непонятное:

– Скажи, Таллани, а что всё-таки у вас с Мирниасом произошло? За что ты на него злишься?

Русалка с силой шлёпнула хвостом по воде, взметнув тучу брызг:

– Не напоминай мне об этом плюхателе косоруком!..

Уточнять, почему молодой маг ?плюхатель?, да ещё и косорукий, Айриэ не стала, вместо этого спросив:

– Скажи толком, что он натворил? Я не просто так спрашиваю, я ведь чёрного мага ищу, сама знаешь. Мне любая зацепка пригодится. Я не думаю, что это Мирниас злодействует, но кто может сказать точно?

– Да дурак твой Мирниас, дурак заносчивый, и ничего он в женщинах не понимает, ни в наших, ни в сухопутных! – буркнула Таллани. – Он мне лично ничего не успел сделать, зато моей дочке единственной, Ильви, обиду нанёс. Она же у меня молоденькая совсем, наивная, первое лето как к людям вышла – и на тебе, на такого болвана бесчувственного сразу же повезло наткнуться. Обидел он мою девочку, говорю. Она плакала из-за этого негодяя так, что у меня сердце разрывалось! Пусть-ка теперь исправляет, что натворил, не то утоплю! Пусть не до смерти, но водицы заставлю наглотаться всласть, – мстительно пообещала рассерженная русалка. – А не я, так любая из наших постарается. Лучше ему к реке не подходить, так и передай!

– А что, он точно заслужил? – хмыкнула позабавленная кровожадностью Таллани магесса. Представила, как бедняга артефактор теперь до конца дней своих будет обходить реки и озёра десятой дорогой: русалки – народ мстительный, за своих горой стоят, а память у них долгая.

Подошедший Фирниор слушал русалку вроде бы бесстрастно, только брови сдвинулись и глаза заледенели. Однако, когда они, возвращаясь, заметили долговязую фигуру мага возле таверны, юноша учтиво распрощался со спутницей и решительно направил вороного туда. Айриэ ехала неторопливо и имела удовольствие наблюдать, как Фирниор, надменно вскинув голову, двумя-тремя хлёсткими фразами заставил Мирниаса покраснеть и втянуть голову в плечи, бормоча какие-то оправдания. Истинный аристократ, в чьих жилах текла кровь многих поколений благородных предков. Привыкший повелевать и защищать тех, кого считал своими. Мирниас съёжился даже не потому, что был ниже по положению двоюродного племянника герцога, но потому, что значительно уступал Фирниору по силе духа и прекрасно это осознавал.

Ловить хогроша Айриэ решила всё в том же лесочке за мельницей. Голубая Дэлла и красная Юдриса были видны на небе ещё до заката солнца, позже к ним присоединилась крошечная, но яркая белая Талла, так что в лесу было вполне светло, и магесса не стала использовать заклинание ?ночного зрения?.

Нынешним вечером к ней с романтическим визитом явился Тианор, пришлось его выставить. На любовные игры времени не оставалось, менестрель пришёл почти на закате. Тианор попросился было с ней, но не слишком настаивал. От сопровождения она отказалась: полуэльф не воин, вдобавок Айриэ пришлось бы отвлекаться на его защиту.

К одиннадцати в деревне погасли последние огни, а магесса начала действовать. Поднесла к губам тёплую, нагретую у неё за пазухой свирель и осторожно подула. Играть она действительно не умела, но волшебной вещице её умения не требовались. Где-то на самой грани слышимости в воздухе разлилась нежная, тягучая, затейливо-прекрасная

мелодия. Пожалуй, обычным человеческим слухом её было не уловить, зато магия позволяла наслаждаться, не теряя разум от непреодолимого зова, казалось, пронизавшего весь мир. Свирель звучала минуты три, и Айриэ играла, пока сами собой не смолкли последние нотки. Раздался тихий звон, будто с хрустом крошились мелкие льдинки, и тростниковая свирель рассыпалась в прах прямо у магессы в руках. Задумчиво стряхнув пыль с рук, Айриэ внимательно прислушалась. Очень некстати поднялся ветер – несильный, но листва шуршала в вышине крон, мешая различать другие звуки.

Парочку боевых заклинаний Айриэ подготовила заранее, чтобы запустить в тварь сразу же, как та появится. А хогрош, надо сказать, появляться не спешил. Минуты текли нудно и одновременно напряжённо: приходилось вслушиваться в каждый шорох и всматриваться в каждый колеблющийся на ветру тёмный силуэт. Ветер раскачивал ветви всё яростней и пригнал с северо-запада несколько огромных лохматых туч, приглушивших сияние лун.

Прошло около получаса, а хогроша всё не было. Неужели русалочье колдовство не сработало? Или хозяин сумел почуять и нейтрализовать воздействие чужого магического зова? Её собственные заклинания маг отражал с неправдоподобной лёгкостью.

Прибыв на место, Айриэ сразу очертила магией большой сигнальный круг, при пересечении которого любым существом, будь оно живое или... не очень, к магессе посылался импульс. Однако, убедившись в талантах мага, Айриэ не спешила полагаться только на сторожевые заклинания. Иногда собственное зрение и слух надёжнее магии.

На едва слышный шорох в кустах она и отреагировала, залепив туда заготовленным файерболом, хотя раскинутый сигнальный круг по-прежнему молчал. Злобный вой и метнувшаяся влево в свете огненной вспышки косматая фигура показали магессе, что она не ошиблась. Покинув вверх магического ?светлячка?, ибо скрываться больше смысла не было, магесса послала второй огненный шар и поморщилась, когда ветер швырнул в лицо мерзкий запах палёной шерсти. Первый файербол обжёт твари бок, от второго она увернулась, третий ударил точно... и огонь бессильно стёк по косматой фигуре, вместе с расплавившимся ледяным щитом, молниеносно наложенным заботливым хозяином. Когда только успел?.. Силён же, заррраза проклятая... А Таллани уверяла ещё, что маг ничего не поймёт. Видимо, его связь с питомцем намного сильнее, чем предполагалось.

Айриэ помянула мохнатую орочью задницу и запустила в хогроша новым файерболом. Задел по касательной: монстр совершил немыслимый в своей стремительности скачок в сторону, уходя от смерти. Палёной шерстью воняло всё сильнее, хриплое дыхание твари перекрывало шум ветра. Хогрош метался по леску и вертелся, как уж на сковородке, но сам напасть на магессу даже не пробовал. Что ж, его хозяин умён и прекрасно знает, что ?ответное проклятие? уничтожит не только тварь и его самого, но также весь род Файханасов. Неважно, наниматели они или кровные родственники мага. Да он даже ?зеркалку? поставить не мог – магия посчитала бы это осознанным нападением на драконьего мага, запустив механизм ?ответного проклятия?. Задеть её можно было только обычным защитным заклятием, установленным ?на всех подряд?, что, собственно, и произошло тогда с проклятием Бакаса. Теперь же преступнику и этого не было позволено, ведь он уже знал о драконьем маге.

Все силы мага, должно быть, уходили сейчас на то, чтобы держать над тварью мощнейшие щиты, успевая накладывать новые взамен пробитых Айриэннис. Но как же он исхитряется, ведь, по идее, не должен успевать!.. Айриэ злобно сопела и выпускала одно боевое заклинание за другим, а тварь исправно уворачивалась, носясь взад-вперёд по

лесочку. Файерболы с грохотом взрывались, сталкиваясь со стволами деревьев или выжигая во мху чёрные проплешины. Хорошо ещё, что Айриэ умела ?договариваться? с огнём. Даже с частично заблокированной магией её файерболы не поджигали лес, иначе тут давно бы пылал лесной пожар.

Минуты текли, чары русалочьего зова слабели, и скоро хогрош неминуемо должен был получить свободу. Магессе до смерти надоела бесплодная беготня между стволов. Она попала в тварь минимум пять раз, но щиты мага выдержали сие испытание с честью. Дело мог бы решить прицельный плевок драконьим огнём, но чего под рукой не было, того не было. Корррявое Равновесие, обойдёмся и без драконьего пламени!.. Айриэ, на какое-то время перестав обстреливать тварь, сосредоточилась и вбухала почти все остатки магического резерва в последний, самый мощный файербол, который должен был испепелить хогроша на месте.

Левой рукой послав в тварь заклинание, спутывавшее ноги, Айриэ подождала, пока хогрош с шумом рухнет в обгорелые кусты, и позволила файерболу сорваться с кончиков пальцев. Грохнуло и вспыхнуло так, что, наверное, полдеревни проснулось. В этот момент со стороны реки показалась высокая, тощая фигура, с невнятным воплем метнувшая в тварь слабенькую молнию. Айриэ, шатаясь от нахлынувшей слабости, двинулась к испепелённому хогрошу, но вдруг с изумлением увидела, как тёмная масса в кустах пошевелилась и поднялась на ноги с утробным воем. Не веря своим глазам, Айриэ дёрнулась, но не сумела ничего лучше, нежели запустить в тварь маленьким файерболом, от которого хогрош даже не почесался. Магия иссякла, под рукой был только небольшой кинжал, но хогрош и его хозяин вряд ли любезно дождутся, пока Айриэ доковыляет до твари и осуществит свои кровожадные намерения.

Одновременно с этим тощей непрошенный союзник подхватил с земли здоровенную ветку, обломанную давешней бурей, и с воинственным кличем подскочил к ещё не успевшему прийти в себя хогрошу. Айриэ узнала Мирниаса, который замахнулся и со всей дури шарахнул хогроша дубиной. Бешено взрыкнув и тряхнув башкой, монстр отмахнулся когтистой лапой, так что Мирниас отлетел назад, обливаясь кровью, хорошо заметной на его светлой рубахе. Айриэ, преодолевая слабость, от которой мутилось в голове, торопилась к твари со всей возможной скоростью, но не успела. ?Зов ундины? развеялся чуть раньше, хогрош обрёл долгожданную свободу и с воем унёсся в тёмные дали, затерявшись среди древесных стволов. На поле боя остались обгорелые кусты, выжженные пятна на земле, пошатывающаяся магесса и не подававший признаков жизни артефактор.

Айриэ от души обругала себя безмозглой дурындой и самоуверенной курицей. Опять!.. Опять она проявила непростительное легкомыслие и упустила верный шанс истребить магическую тварь. Следующая смерть, если она состоится, точно будет на её совести. Когда же она поймёт наконец, что ?маг-враг? – равный по силам противник?! Разнежилась ты, Айриэннис, привыкла к тому, что резвишься в ?заповеднике? – тихом мире, где для тебя нет соперников. Об этом придётся забыть, и поскорее. Щёлкнули по носу одну излишне самоуверенную магессу, хорошо так щёлкнули... плевать хочется от досады. Да ещё вдобавок ко всему она забыла надеть свой артефактный ?драконий? перстень, вот уж верх глупости!.. Может, тех трёх огненных плевков как раз и не хватило для победы.

Мирниас слабо застонал, и магесса отправилась спасать то, что от него осталось. Когти прошлись по левой щеке, скользнули по шее и располосовали грудь, но в целом это было не так страшно, как выглядело. Интересно, что молодой маг был весь мокрый с ног до головы –

в реке выкупался, что ли?

– Эй, Мирниас, вы вполне себе живы, нечего притворяться умирающим.

Он обиженно распахнул глаза и хрипло буркнул:

– Я не притворяюсь!

– Шучу, – успокоила его магесса и спросила: – Вы себя исцелить в состоянии? А то я весь резерв на эпическую битву с тварью истратила, корявое Равновесие ей в глотку!

– Справлюсь, мэора, не переживайте.

– Да мне вроде бы и незачем, – усмехнулась Айриэ.

– Излишним человеколюбием вы не отягощены, я уже понял. – Артефактор негодуяше тряхнул мокрыми сосульками волос, сел и принялся сдирать с себя разодранную рубашу. Потревожив рану, не сдержался и громко застонал, но тут же до крови прикусил губу, заставляя себя замолчать.

Только когда он принялся раздирать рубашку на полосы, до магессы дошло, что он хочет сделать себе перевязку, чтобы остановить кровь.

– Эй, Мирниас, вы что, себя вылечить не можете?

– Не умею, – сухо объяснил он, продолжая сосредоточенно обматывать себя тряпками и нетерпеливо отбросив за спину болтавшийся на шее серебряный медальон на витой цепочке.

– Отвезу вас к Лунным жрицам, – постановила Айриэ. – Только отдышусь немного.

Лечить его магией она не станет, пусть жрицы поработают. Мирниас определённо испытывает к ней неприязнь, значит, нечего на него силы тратить. Всё равно не поможет.

– Спасибо, мэора Айнура, не стоит утруждаться.

– Молчать! Поспорьте мне ещё! – добродушно прикрикнула Айриэ и поинтересовалась: – Мирниас, откуда вы здесь взялись, кстати?

Сие своевременное появление выглядит крайне подозрительно, с этим трудно спорить.

– С того берега. Увидел вспышки ваших файерболов и догонялки с хогрошем, переплыл реку и решил... поучаствовать в вашей эпической битве, – съязвил он, стараясь отвлечься от боли.

Айриэ давно отобрала у него тряпки и кое-как перевязала ему бок, чтобы унять текущую кровь. Он со свистом втягивал воздух сквозь зубы и глотал окончания слов, пока рассказывал, но терпел.

– А на том берегу вы что делали?

– Вас это никоим образом не касается, мэора Айнура. Хозяин твари – не я, поверьте.

– А кто вас знает? – задумчиво спросила небеса магесса. – Может быть, это лишь талантливо разыгранное представление, чтобы отвести от себя подозрения?

Его скула вспыхнули, а мокрые волосы встали дыбом от возмущения:

– Мэора, да вы что? Как вы могли подумать?... Я к русалкам ходил.

– Ах, к руса-а-алкам! Надо же, как интересно, – вкрадчиво заметила Айриэ. – А зачем именно, не поведаете?

– Мириться, – признался он неохотно, пряча глаза.

– Я смотрю, мэор Фирниор, несмотря на юный возраст, умеет быть очень убедительным, – констатировала Айриэ.

Артефактор зло сверкнул глазами, но проигнорировал упоминание о младшем Ниарасе.

– Точнее, я попытался помириться, но тут как раз вы стали гоняться за хогрошем. То есть я-то не понял, что там происходит, мне Таллани сказала. Ну, я попросил у неё позволения переплыть реку – меня ведь утопить обещали, если посмею подойти к воде.

– Как же, как же, наслышана.

– И утоплю! – мрачно пообещали со стороны реки. – Иди сюда, плюхатель косорукий! И ты, Айнура, подойди, пожалуйста!

Они перебрались на берег, к Таллани.

– Что, не получилось? – вздохнула русалка.

– Не получилось. Честно признаюсь, я глупо поступила, – покритиковала себя магесса. – Мне бы с самого начала зачаровать место, хоть какой-нибудь ?болотной трясиной?, к примеру. Тварь не смогла бы быстро бегать и уворачиваться, а я бы её забила файерболами. Но я и представить не могла, что её хозяин сможет так легко и быстро блокировать мои заклинания. У него щиты ставились один за другим, будто магу это вообще ничего не стоило. Представить не могу, сколько сил он потратил – и как щедро! Проклятье, да чтоб он в гномьей Кошмарной шахте потерялся! Я и сама бы не смогла, наверное, ставить щиты быстрее. В общем, не нравится мне этот противник. Ловить и давить такого, как можно скорее.

– Да помогут тебе Текучие Воды! – пожелала Таллани.

Самым скверным было то, что маг неожиданно оказался лучше подготовлен к устроенной на него ловушке, чем сама Айриэ – к нападению. Будто знал заранее... или сориентировался на месте.

– Таллани, – негромко окликнула русалку Айриэ, – ты кому-нибудь говорила про ту вещь, которую дала мне днём?

Русалка недоумённо покрутила головой; зеленоватая грива красивой волной окутала округлые белые плечики, соблазнительно прикрыла высокую упругую грудь. Мирниас заворожённо уставился на русалку и шумно сглотнул, явно забыв про все свои боевые ранения и не слыша, о чём тут говорится.

– Айнура, да зачем бы я стала кому-нибудь говорить? Фирио не в счёт, он хороший, – простодушно добавила она, заставив Айриэ мысленно простонать.

– Что? Ты говорила ему про зачарованную свирель? И когда успели, ведь он, кажется, в замок возвращался?

– Он ещё раз был у реки, разговаривал о моей Ильви и... этом плюхателе! – неприязненно кивнула русалка на молодого мага и плеснула в того водой.

Та-а-ак, очаровательно. Всё те же, всё там же. Рассуждая теоретически, Мирниас мог почуять нападение на тварь, если как раз ?выгуливал? её и управлял действиями хогроша. Или про свирель и ?зов ундины? его предупредил Фирниор. Или юный Фирио сам – маг и лично управлял хогрошем.

Имелся и ещё один вариант, даже думать о котором было мерзко и тоскливо. Тианор.

Тианор, узнавший о её планах и, опять же теоретически, вполне могший успеть предупредить Файханасов о ловушке. Нет, сам менестрель никак не мог быть хозяином твари из-за отцовской крови. Эльфы неспособны к Запретной магии, даже полукровки. Но играть на стороне Файханасов он мог, как ни противно предполагать подобное развитие событий. Тианора она считала своим – пусть даже условно, временно – а своих подозревать особенно мерзко... и никуда от этого не денешься. Такая роскошь, как безоговорочное доверие, ей сейчас недоступна.

– Тьфу, кхе-кхе!.. – закашлялся и принялся отплёвываться разом очнувшийся Мирниас. – За что? Сама передо мной тут своими прелестями потрясаешь, а потом злишься, что я на тебя плююсь?

Он сердито размазывал по лицу грязь и кровь, поморщился от боли, задев рану, потом спустился к воде и осторожно умылся.

– Ну и кто здесь у нас кобель? – зло прищурилась русалка и подбоченилась. – Вспомни-ка, в чём ты мою Ильви обвинить пытался, а? Она, значит, распутница, потому что с тобой одним любиться не хочет, а ты у нас чистенький? Что ты про русалок вообще знаешь, сопляк косорукий? Ты женщину-то толком удовлетворишь не можешь, судя по тому, что Ильви рассказывала, а туда же, права заявить на неё пытается! Сначала научись, потом лезь во взрослые игры играть! Кто тебе вообще позволил судить нас людскими мерками, когда мы – не люди и живём по своим законам? Да, у нас нет и не может быть одного партнёра. Иначе мы не выживем как раса! Да, нам нужно переспать со многими людьми, и не по одному разу, чтобы хоть трое-четверо из нас смогли зачать в это лето. Но тебе-то, надменный слепец, кто дал право нас осуждать?

– Никто! Я очень сильно ошибался, – побледнев для разнообразия, тихо и твёрдо ответил Мирниас, чем разом остудил гнев русалки. – Таллани, я действительно пришёл просить прощения у Ильвилы. Я понимаю, что сильно её обидел и что она не хочет меня видеть, но прошу тебя, передай, что я сожалею. Я... я приревновал тогда и наговорил глупостей, как дурак.

– Как скотина и последний негодяй, – желчно поправила его Таллани.

– Если тебе так будет легче, зови как хочешь, – одними губами улыбнулся Мирниас. – Кажется, я заслужил...

– Ильви – доверчивая девочка, а ты... Эх!.. Дурак и есть, – махнула рукой русалка и отвернулась, устав ругаться.

– Я прошу у неё прощения, – с трудом выговорил артефактор. – Я ей подарок принёс, на том берегу лежит... Возьми, пожалуйста, передай Ильви, если тебе не трудно.

– Ишь, какой умненький выискался! – снова начала заводиться русалка. – Думаешь, подарочком откупишься? Ну нет, не выйдет у тебя так легко... Эй, ты чего падаешь?..

Ослабевший от потери крови Мирниас резко осел, почти рухнул на прибрежный песок и шевельнул немеющими губами:

– Ну, не выйдет так не выйдет... А подарок возьми, это светильник зачарованный, подводный. Будет у вас зимой своё солнце...

Магесса скептически осмотрела почти потерявшего сознание Мирниаса и велела Таллани:

– Оставь его, пожалуйста, а то он кровью истечёт, пожалуй, пока ты власть его изругаешь.

– Туда и дорога, – пробурчала русалка, но гнев её явно остыл. – Вылечишься, приходи... продолжим разговор, плюхатель! А сейчас сплаваю, так уж и быть, за твоим подарочком.

Она кокетливо помахала рукой на прощание и скрылась под водой, вынырнув уже почти на середине реки. Айриэ свистнула коню, оставленному на лесной дороге чуть подальше, чтобы не подвергался опасности пострадать от когтей хогроша. Шоко вскоре появился, а магесса задумчиво произнесла:

– Кажется, Шоко, нам с тобой пора заказывать двухместное седло. Слишком часто в нашу компанию затёсывается этот третий лишний.

Молодой маг на подковырку не отреагировал, с трудом оставаясь в сознании. Конь надменно фыркнул, принимая на себя вес хозяйки. Магесса, резерв которой восстановился уже почти на четверть, наложила на Мирниаса заклинание левитации и притянула того к

себе, заставив мага зависнуть над седлом.

– Ножки раздвиньте, Мирниас, – насмешливо велела она и, когда он послушался, опустила полуобморочного юнца в седло. Он тут же вцепился в одежду магессы и навалился ей на спину.

– В следующий раз потащу его волоком или поперёк седла – как орки пленников перевозят, – мрачно пообещала себе магесса. – Он мне надоел!..

ГЛАВА 13

Пришедший на другой день Тианор был непривычно тих, ласков и нежен, просто котёночек прирученный. Ну или пасторальный барашек, жаль только, не белоснежный.

Прямо с порога страстно набросился, целуя куда придётся, бормоча ласковые глупости про то, как он хочет свою ненаглядную магессу прямо сейчас и сразу, всю целиком.

– Тин, ты голодный? – невинно осведомилась Айриэ. – Я чувствую себя слегка неуютно – опасаясь стать твоим обедом.

Он гордо проигнорировал язвительность любовницы и удвоил старания. Айриэ позволила себя убажить и охотно отвечала на ласки. Только после любовных игр менестрель расспросил про её вчерашние приключения. Айриэ целенаправленно очерняла бедолагу Мирниаса, рассказывая о своих подозрениях в его адрес, якобы усилившихся после столь своевременного появления артефактора на поле битвы с тварью. Тианориннир старательно охал и возмущался в нужных местах. А может, не старательно, а вполне искренне, кто его разберёт.

Айриэ, надо сказать, с некоторых пор усомнилась в своей способности чувствовать ложь. После переполненного искренностью Фирниора, такого солнечного и сияющего... и так великолепно лгущего, что она даже не заподозрила. М-да... каждый раз, как соприкоснёшься с людьми поближе, они умудряются тебя чем-нибудь поразить, после стольких-то лет. Давно бы привыкнуть пора, а всё не получается...

Ничего, не в первый раз люди так... царапают душу и не в последний. Переживём. Если Тианор играет против неё, это неприятно и грязно даже, но не так уж и тяжело. К полуэльфу Айриэ не привязывалась, он просто ещё один знакомец, возникший на её пути и обречённый на неизбежное забвение, как только она уедет. Если бы она всех своих любовников запоминала, никакой памяти не хватило бы... даже легендарной драконьей. Но расставаться Айриэ предпочитала легко и по-доброму, не питая отрицательных эмоций (кому они нужны?..) и не посылая проклятий вслед предавшему её доверие бывшему приятелю. По прошлому опыту она помнила, как долго потом что-то ноет и тянет глубоко в душе, а тебе приходится делать вид, что всё в порядке и ты вообще бесчувственная, людские выходы тебя задеть не способны.

Нет, если кто и постоянен, так это эльфы, с которыми Айриэ, правду сказать, общалась довольно мало, но всегда к взаимному удовольствию, и гномы. Вот уж кто надёжен, как скалы. Никакое землетрясение гномью дружбу не разрушит, если сумеешь её заслужить. Честность в ответ на честность, доверие в ответ на доверие, и спину всегда прикроют, не спрашивая, насколько это выгодно. В отличие от.

Айриэннис фыркнула, подсмеиваясь больше над собственными претензиями к роду людскому. Ничего. Если подозрения в адрес Тианориннира подтвердятся, она это легко переживёт – просто окончательно причислит менестреля к людям, несмотря на всю его отцовскую кровь. И это будет приговором, до конца его долгой жизни.

Почему-то гораздо сильнее её задевало двуличие Фирниора. Может, потому что сначала

он показался таким

живым, настоящим

, а потом выяснилось, что ничем он от большинства людей и не отличается. Люди такие противоречивые... но когда-нибудь Айриэ привыкнет, обязательно.

– Айнура, ты меня слушаешь? – насмешливо поинтересовался менестрель, хотя обиженные нотки в голосе также наличествовали.

– Нет, – лениво приподняла уголки губ магесса.

– Честность украшает, не спорю. – Полуэльф с глубокомысленным видом изучал недавно побелённый потолок. – Но если тебе вдруг станет интересно, я повторю, на всякий случай. В течение ближайшего часа мне должны прислать ?письмоносца?, так что, если ты не возражаешь, я ещё немного позлоупотребляю твоим терпением. Но если я мешаю, ты скажи, я как раз успею уехать куда-нибудь в лес, где никто не увидит, что я получаю письмо.

– Тин, не говори глупостей.

Айриэ произнесла это спокойно, лишь самую малость обозначив голосом предупреждение остановиться. Сцен ей только не хватало и выяснения отношений. Тогда Тианор сразу же перейдёт в длинную шеренгу её ?бывших мимолётных?, несмотря на всю его полезность и приятность.

Менестрель был умным полукровкой и вдобавок прекрасно улавливал малейшие оттенки чувств в голосе собеседника. Он моментально заулыбался, извинился и предложил в знак раскаяния сделать массаж. Знал, как подлизаться. Айриэ это всецело одобрила, уже успев познакомиться с его умелыми, очень чуткими пальцами. Тин делал массаж просто восхитительно; каждая клеточка спины прямо-таки пела и даже мурлыкала после его волшебных рук.

– Иди сюда, Тин, я тебя тоже порадую... Ручками, ручками... я в рот что попало не тяну и тебе не советую... Вот так... и так...

Радовался Тин бурно, до громких блаженных стонов и ошалело-счастливого вида. Оценив дело рук своих, Айриэ хмыкнула и оставила полуэльфа отдыхать, а сама удалилась в мыльню, прихватив полотенце и бутылёк жидкого мыла с запахом моря и солёного ветра. Закончить бы это расследование поскорее, да съездить куда-нибудь на юг Картивии, а то и вовсе к эльфам в Альтиналь – там море ещё долго будет ласковым и тёплым...

Возвращаясь обратно, Айриэ услышала доносящийся с улицы непривычный для тихого заведения Гриллода гомон. Любопытства ради выглянула во двор и с приятным удивлением обнаружила только что прибывший гномий обоз – несколько крытых повозок, запряжённых статными мохноногими тяжеловозами. Ну вот, не успела затосковать по общению с бородатыми, а они тут как тут! По двору деловито сновало десятка полтора гномов, и Айриэ принялась крутить головой, высматривая, нет ли знакомых среди прибывших. Тут же справа на неё налетел бородатый вихрь и приветственно взревел, стискивая магессу в горячих объятиях:

– Айнур-ра! Тебя ли я вижу, алмазная моя!

Висевшее на её плече полотенце едва не свалилось в лужу, но было подхвачено у самой земли и с галантным поклоном возвращено владелице. При этом заплетённая в косицу борода гнома, аккуратно заткнутая за пояс, выскользнула и едва не окунулась в ту же самую лужу, но также была вовремя поймана и водворена на место. Да, у Конхора из клана Фиархорр-Зандаг всегда была отменная реакция.

– Конхор, старый бродяга, а ты здесь что делаешь? – Магесса, улыбаясь до ушей,

стиснула в ответ широкие плечи приятеля и поймала любопытный взгляд Фирниора Ниараса, разговаривавшего с одним из гномов.

Юноша вежливо поклонился магессе, продолжая слушать своего собеседника, горячо размахивавшего руками и показывавшего на одну из повозок.

– Горы-долы, Айни, тебе ли не знать, что мы ведём дела со здешним герцогом! Просто я напросился с обозом, проветриться захотелось.

– И к копчёной свининке поближе оказаться, а? – подмигнула Айриэ.

– Не без этого! – оглушительно захохотал гном. – А ты-то здесь чем занимаешься?

– Работаю, Кон, – притворно вздохнула Айриэ. – Вечерком посидим, поговорим.

С ?глушителем?, а то и под ?пологом тишины?. Конхор понятливо кивнул, но от подколки не удержался, он всегда любил пошутить:

– Работаешь, значит? Это теперь так называется? Да у тебя же вид хорошо удовлетворённой женщины, только что бывшей с мужчиной! И опять не со мной, кстати!..

Айриэ насмешливо фыркнула и от души двинула приятеля кулаком в плечо.

– Всё-то ты заметишь, ищейка несчастная! Работа сама по себе, мужчина сам по себе.

Вскинув глаза, опять случайно наткнулась на взгляд Фирниора. Теперь тёмно-серые глаза почему-то выражали злость, тёмные брови были сдвинуты, а нижняя губа прикушена. Впрочем, юноша тут же отвернулся, а вскоре вовсе исчез со двора.

Конхор тем временем с умилением разглядывал магессу.

– Горы-долы, ну до чего же я рад тебя встретить, Айни! Сколько это мы не виделись, а? Года два уже? Совсем нас забыла, чароплётка?

– Вас забудешь! С Бромором мы виделись не так давно, кстати.

– Он говорил, – кивнул Конхор, широкой ладонью проводя по заплетённой бороде, будто проверяя, на месте ли она.

Конхор Фиар-хорр-Зандаг был давнишним приятелем Айриэ и знал несколько её обликов. Заговорщически подмигивая, говорил, что нынешний – его самый любимый, потому что в этом случае они одного роста с магессой. Гномы редко вырастали выше пяти футов семи дюймов, Кон как раз был такого роста. Плечистый, сильный, немного задиристый, весёлый и шумный, он никогда не унывал, обожал приключения и редко сидел на одном месте. Благо что клан Фиар-хорр-Зандаг вёл дела в разных концах Аэданира. Это позволяло Неугомонному Кону, как именовали его родичи, приносить пользу клану и одновременно удовлетворять свою тягу к перемене мест.

Конхор был одет в тёмно-коричневые штаны, белую рубаху с закатанными рукавами, открывавшими мускулистые волосатые руки, и добротные башмаки. Гномьей, разумеется, работы – лёгкие, прочные, в таких даже в самую жару комфортно. Объёмное пузечко чуть выдавалось вперёд, но лишнего жира у Кона почти не имелось, в остальном он был подтянут и мускулист. Нос у него был толстоватый для человека, зато типичный для представителей его расы – короткий, с широкими ноздрями и округлым, чуть вздёрнутым кончиком, щёки – круглые и румяные, светло-голубые глаза казались маленькими из-за привычки щуриться. Нависавшие над глазами роскошные густые брови, клочковатые и рыжеватые, добавляли его облику живописности, а жёсткие прямые волосы издали напоминали медную проволоку. Говорил он на Всеобщем, как все гномы, чуточку раскатисто выговаривая ?р? и твёрдо, жёстко даже – остальные согласные.

Его троюродный брат Бромор знал об Айриэ ещё больше. Он работал на Орден и хранил немало тайн, не выдавая их даже родственникам. Бромора магесса без колебаний называла

своим другом, но и Конхора она тоже рада была видеть.

Вечером Кон заявился к ней, как и обещал, с бочоночком гномьего тёмного пива и несколькими косицами подкопчённого сыра, прекрасно зная вкусы подруги.

– Вы сюда надолго? – спросила Айриэ, когда они устроились за столиком и чокнулись кружками.

– На несколько дней. Наш обоз сюда обычно раз в два месяца приходит. Может, останемся на Праздник Начала Осени, тут весело празднуют.

– В этом году, Кон, веселья будет немного.

– Что так? – насторожился гном, и Айриэ рассказала всё без утайки, ему можно было доверять.

– Горы-долы, дело дрянь, – глубокомысленно заключил Конхор, выслушав рассказ.

– Если у тебя дела с Файханасами, заканчивай их поскорее, не оставляй на потом, – усмехнувшись, посоветовала магесса.

– Понял уже, алмазная моя. С кем потом нам дело иметь придётся? Нынешних-то герцогов всех... того или кто-то останется?

– От степени вины каждого зависит, Конхор, – вздохнула Айриэ. – И от решения его величества Кайнира.

– Будто он тебе указ! – фыркнул гном, делая хороший глоток из своей кружки.

– Там видно будет, Кон. Я пока слишком мало знаю о виновности каждого, тяну время... до осени.

– Я так и подумал, Айнура.

– Я бы тебе, Кон, посоветовала уехать отсюда поскорее. Заканчивайте ваши дела и уезжайте, не ждите праздника.

– Помощь тебе нужна, алмазная моя? – глядя ей в глаза, спросил гном. – Если что, я своих отправлю, а сам останусь. Ты меня знаешь, мой топор в деле видела.

– Спасибо, дружище, но я справлюсь. Мне Файханасы ничего сделать не смогут из-за ?ответного проклятия?. Старый герцог умён и осторожен, он не станет рисковать всем родом.

– А спину тебе кто прикрывать будет? – насупил косматые брови Кон.

– Кон, я справлюсь, – повторила она. – Ты лучше сам осторожнее будь. Не ходите по деревне в одиночку и без оружия, особенно по вечерам.

– Мы-то этому хогрошу зачем? Гном – добыча жёсткая, можно и зубы обломать, – хищно ухмыльнулся он. – Да и беременных среди нас как будто нет. И за нами – наши кланы.

– Оружие-то хоть зачарованное?

– Обижает, горы-долы! Какой порядочный гном согласится носить оружие без чар? Конечно, чары наложены, в том числе и от подземной нежити. Не хуже лунного серебра бьёт.

За гибель гнома мстил весь клан. Не считаясь ни с какими расходами, искали виновника и карали по-своему. Гномьи законы мести были превыше человеческих, даже на территории королевств людей. Да и попробуй, откажи гномам в их священном праве мстить за убитого родича – когда у гномов в руках тайная власть. Человеческое золото лежит в гномьих банках, люди берут у гномов в долг. Впрочем, к чести бородатого племени, они никогда своей властью не злоупотребляли, но в случае нужды могли подёргать за золотые ниточки, вынуждая человеческих владык поступать по совести, даже если те знать не знали, что это вообще такое – совесть. Учили, иногда жёстко, но всегда – по делу. У гномов

честность – в крови и даже в костях, а во власти, золотой мишуре, почестях и прочей чепухе они не нуждались.

Гномы и эльфы – противовес, держащий этот мир, раз уж драконов тут не стало. Только эльфы – противовес магический, а гномы – физический, если можно так выразиться. Сдерживающий фактор для неугомонных людей – безответственных, склочных, воинственных, бездумно нарушающих Равновесие неразумных созданий, которые мало задумываются о том, в каком мире будут жить их ближайшие потомки. ?Люди – как те бабочки-однодневки, покружатся, нагадят и помрут, а ты расхлёбывай всё, что они натворили?, – ворчали иные гномы короли и старейшины кланов. Ворчали, но – делали, исправляли, учили и умудрялись приставить к делу даже отпетых преступников. Причём в буквальном смысле слова: гномьи кланы издавна ввели практику выкупа человеческих каторжников, платя полновесным золотом за каждого преступника, которого они мстительно заставляли работать – в шахтах или, скажем, на строительстве дорог. Убежать от гномов было невозможно, а заставить работать они умели безо всяких кнутов и надсмотрщиков. Человеческих королей эта практика устраивала: на обычной каторге преступники дошли как мухи от непосильной работы и болезней, так уж выгоднее сразу их гномам продать, хоть польза будет. Гномы ручались, что ни один преступник обратно на волю не выйдет, пока не искупит всё, что натворил. Меру вины они определяли сами, по своей гномьей справедливости. Правда, выкупали они далеко не всех, руководствуясь исключительно собственными соображениями. ?Этот нам подойдёт, этот нет?, – вот и весь разговор. Те, кого выбрали, наверное, могли считать себя везунчиками, получая шанс на новую жизнь в некоем отдалённом будущем. Да и условия в подобных ?исправительных учреждениях? были, мягко говоря,

не

человеческими и даже вовсе – нечеловеческими. Гномьими они были, этим всё сказано. Чистота, удобство, относительная свобода передвижения – в рамках особого поселения, для некоторых – возможность выбрать себе занятие по душе из числа предложенных, весьма неплохие заработки, ибо гномы рабский труд не использовали. За работу платили, часть денег шла на содержание заключённого, остальным он мог распоряжаться по своему усмотрению, покупая необходимое в гномьих лавках. В общем, каторга каторге рознь... Бромор, друг Айриэ, сейчас как раз и занимался делами фиарштадских каторжан, а раньше с ним был и его кузен. Но Конхора долго на одном месте не удержишь, неудивительно, что он нашёл себе другое занятие, на то он и Неугомонный Кон.

– Айнур-ра, а давай мы твоего монстра приманим и прибить тебе поможем! – азартно сверкая глазами и от возбуждения говоря особенно раскатисто, предложил гном.

– Как ты себе это представляешь? – скептически спросила Айриэ. – Хочешь сам приманкой поработать? Не позволит герцог своему прикормленному магу на вас нападать, рискуя обострить отношения со всем Фиарштадом, мы же только что об этом говорили.

– А зачем тогда нам советуешь не гулять по Кайдараху в темноте?

– На всякий случай, мало ли. Если маг достаточно своеволен... или уже безумен, то герцог ему не указ. В общем, на неприкосновенность надейся, но вокруг оглядываться не забывай, тогда и цел останешься.

– Ух, какое мудрое изречение, алмазная моя, ты прямо как наши старейшины! – задиристо фыркнул гном. – Да только я осторожничать на пустом месте не привык, не по мне твой совет. Чтоб мне в Кошмарной шахте сгинуть, если я такое развлечение пропущу! В

общем, так: нас тут шестнадцать морд в обозе, так восемь каждую ночь будут тварь выслеживать, остальные восемь – отсыпаться. Будем по двое в засаде сидеть в разных концах деревни, осторожненько, чтоб герцогским гвардейцам глаза не мозолить. А то доложат про нас своему хозяину, а тот – колдуну, вся затея насмарку.

– Ну попробуйте, – с некоторым сомнением согласилась Айриэ. Она не слишком верила, что придумка Кона поможет выследить хогроша, тот же не каждую ночь по деревне бегаёт. Когда маг посылает тварь на охоту, то делает это целенаправленно, да ещё так, чтобы косвенные улики указывали на Мирниаса. – Я вам экстренных ?письмоносцев-путеводителей? дам, чтобы сразу мне сообщить и привести, если что заметите. Буду с вами в засаде сидеть, точнее, дремать рядышком. Вас, как ты совершенно справедливо заметил, шестнадцать... бородатых физиономий, а я у меня одна, мне спать когда-то тоже надо.

– Годится! – повеселел гном. – Пару наших дорожных плащей возьмёшь и выспишься в лучшем виде, пока я или кто из моих парней тебя охранять будут. Не знаю, как у этого хогроша с нюхом дело обстоит, но мы воспользуемся охотничьими амулетами, отбивающими запах, тогда точно не учует.

Айриэ про себя тихонько вздохнула. Ох уж эта давно ставшая притчей во языцех гномья активность!.. Ну да ладно, Кон дело предлагает, шансы на убийство хогроша определённо повышаются. На охоту он обязательно отправится, может, даже в сегодняшнюю ночь. Хогроша она у реки неплохо потрепала, наверняка ?маг-враг? потратил немало накопленного запаса магической энергии на то, чтобы привести своего питомца в порядок. А для пополнения запасов нужны новые жертвы...

– Начнём сегодня же! – Конхор допил остатки пива и решительно отставил кружку в сторону. – Алмазная моя, я пойду своих озадачу, а ты пока тоже собирайся. Встретимся у наших повозок во дворе.

Перед выходом Айриэ наложила на гномов ?отвод глаз?. Теперь их заметят, только если дотронутся до скрытого заклинанием гнома или тот сам заговорит, ей же собственная магия видеть компаньонов ничуть не мешала.

– Надолго это? – спросил один из гномов, самый молодой и азартный, только что не подпрыгивавший на месте от предвкушения приключений.

– Утром само развеется, – пообещала магесса, направляясь с Конхором и его приятелем Стагиром в сторону таверны, где они и решили засесть в засаде – в том переулке, где нашли Пайпуша.

Магесса устроилась довольно удобно, подстелив на землю один гномий плащ и укрывшись вторым, благо плащи были на совесть зачарованы, защищая владельца от сырости и холода.

Ночь выдалась промозглой, напоминая о близости осени; холодная роса выпала с вечера, по земле стелился не менее холодный туман, норовя пробраться под одежду, но пасуя перед гномьей добротностью. Было примерно пол-одиннадцатого, когда магесса уже вознамеривалась вздремнуть, но заметила шедшего со стороны таверны долговязого типа. Разумеется, это был Мирниас – из местных уже никто, кажется, не рисковал выходить на улицу после наступления темноты. Маг брёл неторопливо, слегка пошатываясь – очевидно, переусердствовал с вином. Айриэ лениво следила за его извилистым передвижением, не собираясь показываться артефактору на глаза. Но потом её посетила мысль, что Мирниас прямо-таки напрашивается на то, чтобы стать следующей жертвой. А если хогрош появится, но нападёт на кого-то другого, то Мирниаса опять придётся подозревать... Сие магессе

изрядно надоело, признаться, так что она решила поступить проще.

Взяла и выскочила на дорогу прямо перед носом молодого мага, одновременно снимая с себя ?отвод глаз?. Юнец повёл себя нервно и неприветливо, шарахнув в Айриэ молнией. Заклинание бесславно развеялось, столкнувшись с выставленным щитом – магесса подозревала подобную реакцию, защитившись заранее, а Мирниас от испуга, кажется, протрезвел.

– Вы!.. Да чтоб вас клан бешеных орков отлюбил!.. – выпалил с перепугу Мирниас и, осознав, что и кому сказанул, испугался ещё больше: – Я...п-прошу прощения, м-мэора Айнура... Я не хотел, просто вы так внезапно вы-выскочили...

– Приняли меня за хогроша? Ничего, бывает, особенно после посещения таверны, – едко утешила его Айриэ.

Даже в неверном лунном свете было заметно, как Мирниас покраснел.

– Я, может, и перебрал слегка, но не настолько же!..

– А если бы так в обычного человека – молнией? Нервишки у вас пошаливают, Мирниас.

– Простите, мэора... Ой!.. А ?ответное проклятие?? – испуганно проблеял Мирниас. – Я ведь в вас боевым заклинанием запустил, мэора. Теперь всё?..

– Не переживайте, нервный вы нащ, ничего с вами не делается. Проклятие не сработает, потому что я знаю, что вы не конкретно мне вред причинить хотели, а просто испугались.

Мирниас с заметным облегчением вздохнул и начал успокаиваться. Рано радовался.

– Вы зачем по ночам шляетесь, а? – ласково пожурила юнца магесса. Наверное, с ласковостью получилось что-то не то: Мирниас втянул голову в плечи и обречённо зажмурился. – Кормом для магической зверушки захотелось стать? Думаете, давно у нас жертв не было?.. Это вас чтоб орочий клан отлюбил – может, после того наконец начнёте думать головой, а не её противоположностью! Если выпить захотелось, купили бы вина и сидели дома, а не ш-шас-с-стали по деревне!..

– Айнур-ра, кончай шипеть, хогроша напугаешь! – насмешливо пророкотал Конхор, и Мирниас снова вздрогнул, только сейчас заметив скрытых ?отводом глаз? гномов.

Ухватив юнца за рукав, магесса оттащила его к гномам, вновь навесив на всех заклинание.

– Я, Мирниас, знаете какую странность заметила? Как только вы задерживаетесь по вечерам в таверне, у нас случается новая жертва, – негромко, но выразительно сказала она.

– Мэора, вы на что намекаете?.. – голос молодого мага внезапно осип.

– На козлика я намекаю.

– Какого козлика? – вытаращился Мирниас, кажется, усомнившись в трезвости присутствующих, включая и себя.

– Жертвенного, Мирниас. Который нашему таинственному магу очень необходим, чтобы отвести от себя подозрения.

– Вы что, думаете, меня хотят подставить?..

– Ещё как думаю. Да вы и сами, надо полагать, заметили некоторые странности.

– Его светлость меня подозревает... но это не я, клянусь!

– Вот и проверим, – многозначительно заявила Айриэ. – Останетесь с нами до утра. Ради такого случая готова поделиться кусочком плаща. Ложитесь и спите, как дома на перине, Конхор и Стагир нас посторожат.

– Зачем?..

– А затем, что так я хотя бы буду точно знать, что вас планомерно подставляют. Если, конечно, сегодня хогрош опять будет охотиться... а у меня предчувствие, что таки будет. В общем, не спорьте, а послушайтесь старших, иначе я вас заклинанием угомоню.

– Это лишнее, мэора Айнура! – процедил Мирниас сквозь зубы, улёгся к ней спиной и укрылся плащом.

Айриэ, переглянувшись с гномами, ухмыльнулась и последовала его примеру, благо вокруг царили тишина и безмолвие, даже пёс ни один не лаял. Спала она чутко, но даже умудрилась увидеть во сне что-то смутное, о чём немедленно забыла при пробуждении. Разбудил её крик приятеля:

– Айнур-ра! От наших сигнал!..

Светящийся призрачно-синим ?письмоносец? тут же ткнулся ей в руку и развеялся, синей дымной струйкой указывая направление на юг. Рядом сидел и сонно хлопал глазами Мирниас, пытаясь понять, что происходит.

– Подъём и живо за нами! Не вздумайте отстать или потеряться! – приказала ему Айриэ.

– Хорошо, мэора! – недовольно откликнулся артефактор, однако же послушно побежал сзади, сопя и топоча, как табун тяжеловозов.

Было ещё довольно темно, рассвет едва обозначился тонкой светлой полоской на востоке. Под утро стало совсем холодно, стылость пробирала до костей, но от бега они быстро согрелись. Синеватый светящийся ?дымок-путеводитель? летел впереди, исправно указывая направление. Он тоже попадал под ?отвод глаз?, так что проехавшие по соседней улице патрульные гвардейцы не заметили ни бежавших, ни синеватый отсвет. Выбежали за деревню и свернули на дорогу, ведущую к одной из ферм. Дорога была немощёная, бежать, когда под ногами чавкает грязь, было не слишком приятно, и они пошли быстрым шагом, тем более что Мирниас совсем запыхался. Гномы и Айриэ умели держать дыхание, а молодой маг, очевидно, пренебрегал физическими упражнениями.

За поворотом, когда из-за деревьев впереди уже показалась труба фермерского дома, обнаружили двое гномов с обнажённым оружием. На обочине, густо оросив кровью пыльную придорожную траву, лицом вверх лежал человек в чёрно-зелёном мундире. Айриэ подсветила магическим ?светлячком?. Молодой совсем парень, не больше двадцати пяти, по-деревенски круглощёкий, ширококостный, с большими, сильными крестьянскими руками, бессильно разметавшимися по траве в попытке удержать ускользнувшую от него жизнь.

Неподалёку бродили две осёдланные лошади, периодически нервно всхрапывая и шарахаясь от любой тени (чуть позже выяснилось, что они сильно чем-то напуганы и никого к себе не подпускают, поймать их удалось с трудом).

Гномы Лоршах и Трондаз, пока ждали их, успели деловито обследовать место преступления при свете прихваченных с собой фонарей. Теперь они делились своими выводами:

– Тварь сзади напала. Гвардейцев было двое, а тварь сидела на ветке, пропустила их вперёд и сиганула на одного сзади. Это он на траве валяется. Он даже меч вытащить не успел, так и помер, не поняв отчего. Второго сбросила лошадь или сам успел спрыгнуть, но на ногах удержался – видите отпечатки глубокие? Он, похоже, один раз тварь задел – вон его меч валяется, на нём следы крови. Тела поблизости не видно. Хогрош его с собой утащил и сожрал? Или хозяину вручил?

– Скорее второе, – хмурясь, сказала Айриэ. – Живого...

– Вот мохнатая орочья задница! – ругнулся Лоршах. – А мы сидели где договорились, этих двоих видели несколько раз. Гвардейцы по одному маршруту ездили, примерно раз в час мимо нас проезжали. В очередной раз ждали их, даже время по часам засекали и поспорить с Троном успели на пару золотых. У нас часы точные, сама смотри, Айнура!

Гном продемонстрировал карманные часы на цепочке, магесса отмахнулась:

– Лоршах, я в гномьей работе никогда не сомневалась! Дальше что?

– Ну вот, смотрим мы, значит, – подхватил рассказ Трондаз, – а гвардейцев всё нет и нет, на полчаса задержались, на сорок минут. Тихо было, мы же прислушивались, хотя от того места, где мы сидели, всё равно бы ничего и не услышали, далеко же. В общем, решили мы с Лорхом пойти гвардейцам навстречу, проверить на всякий случай, ну и вот... нашли. Он уже больше часа как умер, когда мы его обнаружили. Мы сразу ?письмоносца? тебе послали, а потом пошли следы искать.

– И ещё одно, – добавил Лоршах, вытаскивая что-то из кармана и поднимая повыше. – Смотрите, что валялось рядом с телом.

Перед глазами Айриэ закачался смутно знакомый серебряный овальный медальон на затейливой цепочке. Пока она пыталась припомнить, где уже видела эту вещицу, Мирниас вскрикнул, подтолкнув её память.

– Мирниас, ваш?

– Мой, мэора, – глухо и безнадёжно подтвердил маг. – Но я не...

– Да не лепечите вы! – прикрикнула магесса. – Так, надо послать за Пауреном, сейчас отправлю ему ?письмоносца?.

Мирниас, не принимая участия в общей суете, ссутулившись, уселся на поваленное дерево и со вкусом печалился, от расстройства совершенно забыв, что у него имеется алиби. Магесса отправила магическое послание капитану – голосовое, писать было нечем и не на чем. Потом тоже принялась за осмотр места преступления, согласившись с выводами гномов. Похоже, дело именно так и происходило. Но какая наглость! Напасть на герцогских гвардейцев?! Интересно, что скажет его светлость...

Странный выбор жертвы, что и говорить, но, возможно, магу требовалось срочно подкормить хогроша. Иначе тот мог вырваться из-под контроля хозяина и отправиться на охоту самостоятельно, а маг монстром явно дорожит и опасается потерять. Создать ещё одного так легко не получится, магу придётся расплачиваться собственной жизненной силой – и с каждым разом всё больше. Очевидно, хогрош нужен для решения некой глобальной задачи. М-да, устранение короля на такое вполне тянет, но Айриэ с трудом могла представить, что Файханасы попытаются действовать грубо и прямолинейно. Нет, сейчас на Кайнира никто не станет натравливать хогроша, даже при помощи некоего проклятого предмета. Это всё равно что громогласно признаться в собственной виновности, ведь теперь Драконий Орден знает о хогроше, резвящемся возле Файханас-Манора. Айриэ допускала, что памятное убиение рыжего хряка вполне могло быть репетицией покушения на короля, но теперь герцог должен был отказаться от этого плана, этого требовало обычное благоразумие. Пока остаётся шанс занять трон мирно, благопристойно и якобы на законных основаниях, Рольнир Файханас будет следовать по этому пути. Меньше всего ему нужна междоусобная война в Юнгироде или клеймо убийцы короля. Знать бы ещё, для чего ему понадобился трон... Только не говорите о притягательном блеске короны и заманчивой мягкости трона, это смешно. Не тот человек.

Почти совсем рассвело, хотя по-прежнему было туманно и серо. День рождался неприветливый и хмурый, угрожавший серыми дождевыми тучами и резким северо-западным ветром. Капитан Паурен появился достаточно быстро, но не один, а со своим господином. Герцог прихватил с собой молодёжь – двоюродных племянников Койдира и Фирниора. Его светлость изволил сильно гневаться, и это был гнев тяжёлый, липкий, скрытый под маской бесстрастности, однако ясно различаемый в его ледяном взгляде и застывших, крепко стиснутых губах. Герцог молча выслушал откорректированный рассказ гномов (заявивших, что они охраняли свои повозки, тем более что маршрут пары гвардейцев действительно пролегал мимо постоянного двора), а также их соображения по поводу действий хогроша и спросил отрывисто:

– Мэора Айнура, вы согласны? С выводами уважаемых гномов?

– Да, герцог. Видимо, всё примерно так и происходило, я смотрела следы. Увы, я почти уверена, что второго гвардейца живым вы больше не увидите. Думаю, хогрош унёс его в своё логово и... употребил. Тварь пристрастилась к человеческой крови.

– Да, мэора, вы предупреждали, что так и будет... Я надеялся, что вы ошибаетесь...

– Я сама на это надеялась, мэор Рольнир.

Койдир и Фирниор коротко переглянулись. Смысла этих взглядов магесса не уловила, но кузенам, кажется, сильно не нравилось то, что они видели. Гномы рассказали про найденный медальон. Стоявший рядом Мирниас сильно побледнел и часто, нервно сглатывал.

– Мэор Мирниас! – В голосе герцога перекатывалось сухое, колкое ледяное крошево. – Этот медальон – с вплетённым в него защитным заклинанием – я вручил вам в начале лета в качестве платы за ваши магические услуги. Вы это признаёте?

– Ваша светлость, медальон тот самый, я не спорю. Но...

– Молчать! – рявкнул герцог, бешено раздувая ноздри. Клокотавший глубоко внутри гнев картинно прорвался наружу и готов был испепелить всех вокруг. Ну или обледенить. – Капитан Паурен, взять его!

– Подождите, герцог! – вмешалась Айриэ, повелительно выдвинув подбородок. Шагнувшие было к магу гвардейцы замерли, не дожидаясь приказа своего господина. – Мэор Мирниас никак не мог оставить здесь свой медальон – по крайней мере, нынешней ночью.

– Что? – Льда в голосе заметно прибавилось. – Объясните, пожалуйста, мэора.

– Потому что он провёл эту ночь со мной, – абсолютно честно сказала магесса.

Рыжеватые брови Койдира изогнулись домиком, щегольские светленькие усики шевельнулись, в глазах было весёлое любопытство. Юный Фирниор, напротив, брови сдвинул так, что между ними залегла глубокая вертикальная морщинка, а костяшки его стиснутых кулаков побелели. Герцог смерил артефактора несколько недоумённым взглядом, будто пытаясь отыскать в нём некие достоинства, тщательно скрытые от постороннего глаза. Потом, прищурился, очень вежливо спросил:

– Мэора Айнура, вы уверены? Прошу простить мне мои сомнения, мэора, но вы с точностью можете утверждать, что мэор Мирниас находился рядом с вами в течение этой ночи? Никуда не отлучался? Или хотя бы не колдовал втайне от вас, раз уж этим хогрошем управляют на расстоянии?

– Рядом со мной, герцог, тайно колдовать невозможно. Это влечёт за собой колебания силовых магических нитей. Я непременно замечу, – с достоинством поведала магесса, глядя Файханасу прямо в его ледяные светло-голубые глаза. – И да, мэор Мирниас находился

рядом начиная с половины одиннадцатого и до того момента, как нас разбудили. Мы разделили с ним одно ложе. Это, кстати, могут подтвердить уважаемые брай Конхор и брай Стагир, которые были вместе с нами.

Гномы важно, степенно кивнули; Конхор при этом нежно обвил могучей рукой стан магессы. Молодой Койдир Файханас тихонько хмыкнул, видимо, представив себе это весёлое времяпрепровождение... квартетом. Герцог, не сдержавшись, позволил окружающим заметить искреннее изумление, на миг проступившее на его породистом лице, и только потом нацепил привычную маску невозмутимости. А магесса успела заметить злой, с прищуром взгляд, брошенный Фирниором на злосчастного артефактора – будто последний сделал что-то, сильно нарушившее планы юного аристократа. Молодой маг после пикантного заявления магессы покраснел до корней волос – видимо, тоже нервно относился к квартетам. Хм-м, каждый понимает в меру своей испорченности, лукаво подумала про себя Айриэ.

– Что же, мэора Айнура... – кашлянул герцог, – кхм, в таком случае, ваши показания полностью снимают подозрения с мэора Мирниаса. Но мне непонятно, как его медальон мог оказаться здесь?

– Ваша светлость, я сам не могу понять! – торопливо заявил Мирниас. – Я снял медальон вчера... то есть уже позавчера, когда переодевался, и просто забыл его надеть. Честно говоря, я не заметил, что медальона на мне нет... но я и не носил его каждый день.

– Очевидно, медальон подбросили недоброжелатели мэора Мирниаса, – вежливо внесла предположение Айриэ. Никто возражать не стал.

– Мэора Айнура, вы вновь не сможете отследить, куда исчез хогрош? – Теперь Рольнир Файханас намеренно добавил в свой голос недовольство и даже лёгкое осуждение.

– Увы, герцог, магия не всесильна, – спокойно ответила Айриэ, не собираясь ни смущаться, ни оправдываться.

– Я уже понял это, мэора, – с сарказмом ответил герцог и поджал губы.

– Капитан, – улучив момент, спросила Айриэ, пока герцог с племянниками был занят осмотром места преступления. – Почему ваши люди ездят всего по двое? Раньше же было две тройки и четвёрка.

Паурен недовольно скривился, но тут же вспомнил о необходимости держать лицо перед посторонними и ответил почти бесстрастно, успешно подражая герцогу:

– Потому что, мэора Айнура, так приказал мэор Орминд. Его светлость поручил ему это дело, а мэор Орминд рассудил, что так у гвардейцев больше шансов заметить что-то необычное. Выделить больше десятка человек его светлость не согласился – солдаты нужны в замке, нельзя ослаблять охрану.

– О, теперь понятно, благодарю, капитан!

Хм, молодой Орминд взялся командовать, но его новшество удачным не назовёшь. Будь гвардейцы втроём, они бы наверняка отбили от хогроша, а то и уничтожили бы его, ведь мечи, заговорённые Мирниасом, были у каждого, кто выезжал патрулировать Кайдарах.

Возвращаясь домой вместе с Мирниасом и гномами, магесса недовольно размышляла, есть ли смысл продолжать ночные бдения с гномами. Сегодня хогрош и его хозяин их знатно провели, хотя, скорее всего, даже не подозревали о расставленной по деревне гномьей страже. Вдобавок ко всему ?маг-враг? ещё и везунчик, чтоб его корявое Равновесие на атомы распылило! Вместе с везением.

– Мэора Айнура, я уже просто не знаю, как и чем буду с вами расплачиваться, – с

нервным смешком проговорил топавший рядом Мирниас. Айриэ краем сознания уловила, что он давно уже мнётся, вздыхает и сопит, не зная, как начать разговор, но особого внимания не обращала.

– Мирниас, я не ростовщик, долги и проценты не взимаю.

– А я не побирושка, чтобы брать в долг без возврата! – неожиданно окрысился юнец, совершенно непонятно, с какой стати.

– Вас вроде бы никто побирושкой и не именовал, – хмыкнула Айриэ, недружелюбно на него покосившись.

– Хуже, – с едкой горечью отозвался он. – Вы вообще не считаете меня достойным отблагодарить вас за помощь.

– Скажите мне сердечное спасибо и отправляйтесь домой, пообещав навеки сохранить в сердце нашу незабываемую ночь, – нетерпеливо предложила она, мечтая поскорее избавиться от назойливого артефактора. – И мы квиты!

– Мэора Айнура! – вспыхнул Мирниас. – Вы можете думать обо мне что угодно, но я не стану компрометировать вас перед вашим... мэором Тианоринниром. Он ведь теперь будет думать, что мы с вами...

– Ага, и с нами тоже! – раскатисто расхохотался Конхор, тоже вынужденный вместе со Стагиром слушать бред, что нёс этот юнец.

Мирниас поперхнулся, уже успев позабыть о квартете.

– Мирниас, вы не переживайте, Тианор – полуэльф разумный, и, главное, взрослый. Давно уже, – снисходительно успокоила его Айриэ, и юнец не выдержал, сочтя за благо распротиться и сбежать домой как можно скорее.

Тианор, к слову, услышав о квартете, долго и искренне смеялся. И, постанывая от смеха, немедленно предложил составить квинтет.

ГЛАВА 14

Айриэ с Конхором сидели в таверне, потихоньку цедили пиво и вполуха слушали немудрящие песенки, что лениво напевал менестрель. Дело шло к вечеру, но посетителей у папаши Брэддора наблюдалось совсем немного. Местным было не до веселья, да и работы на полях оставалось немало, а дни становились всё короче. Человек десять на всю таверну набралось, включая троих постояльцев Гриллода, заезжих торговцев.

Магесса сидела недовольная и толком не высыпающаяся уже третью ночь подряд. Она бы с удовольствием провела время в обнимку с подушкой у себя в номере, но Конхор уговорил выбраться в таверну. Ему надо было доставить папаше Брэддору заказ – несколько бочонков гномьего пива и обсудить ещё какие-то торговые дела, а магесса делала вид, что слушает треньканье Тина. Ночью на земле спалось совсем не так чудесно, как на удобной кровати в номере, да и сон был некрепкий, одно название только. После таких ночей Айриэ совсем не чувствовала себя отдохнувшей. Гномы хоть через раз нормально высыпались, а она от постоянного недосыпа становилась более злобной, чем обычно, и готова была покусать всех, кроме разве что Конхора.

Потом Конхор вернулся, и они решили приятно провести время за пивом и лёгкой дружеской болтовнёй. Конхор, разумеется, выставил на столик привезённое с собой тёмное пиво, но папаша Брэддор несколько не возражал. Наоборот, готов был с гнома пылинки сдувать – видимо, сделка была весьма выгодной. Установив ?глушитель?, Айриэ расспрашивала о Броморе и о фиарштадских делах, рассказывала кое-что о своих странствиях – без имён и географических названий, впрочем. Наболтавшись всласть, они

уже собирались уходить, когда появился новый посетитель, случайно привлёкший внимание магессы. Точнее, внимание привлекла сказанная хозяином фраза:

– А, Чарп, здорово! Давно ты ко мне не заходил. Что, покойнички тебе работы прибавили?

– А то не знаешь, Брэдор, – мрачновато отозвался невысокий, тощий и жилистый старик с острым красным носом. – Через день-два новые похороны, что за жизнь пошла, так её разэтак!

Старик уселся за стойкой и медленно тянул из кружки красное вино, изредка болтая с хозяином. Айриэ подумалось, уж не смотритель ли это местного кладбища, с которым она собиралась поболтать о старом семейном маге Файханасов. Подозвав Брэдора, она задала ему вопрос и убедилась в правильности своей догадки. Попросила пригласить старика за их столик и принести то, что он закажет. Старик подошёл неторопливо, с достоинством, но в светлых мутноватых глазах любопытство цвело пышным цветом.

– Звали, мэора маг? Чарп я, смотритель кладбищенский. Чего изволит ваша милость?

– Поговорить, брай Чарп. Да вы присаживайтесь, сейчас ваш заказ принесут

– Ай, мэора маг, шутить изволите? Какой я вам брай? – захихикал старик, но видно было, что он польщён уважительным обращением. – Меня браем сроду не называли, я совсем простого роду-звания. В молодости батрачил у фермеров, потом, когда состарился, меня его светлость облагодетельствовал, место дал. Не смотрите, что старый, мэора, я ещё крепкий, могилу запросто могу в одиночку выкопать и плиту установить, хотя помощников его светлость мне выделяет, дайте ему Лунные богини здоровычка побольше!.. А, так о чём, мэора маг, вы поговорить-то хотели? Или это брай гном чего-нибудь изволит?

– Оба мы изволим, горы-долы! – подмигнул ему Конхор. – Герцогским фамильным склепом мы интересуемся. Айнура, спрашивай, я молчу-молчу, не лезу куда не просят.

Испепелив гнома неласковым взглядом, Айриэ приступила к расспросам.

– Вы, брай Чарп, помните, как прежний герцогский маг погиб? Магистр Стейриг?

– Помню, конечно, мэора, память-то у меня пока что отличная. Три года уж прошло с тех пор, шуму тогда много было.

– Помните, как магистра нашли?

– Чего ж не помнить, я его и нашёл. Ключ-то от склепа у меня хранится, да у его светлости собственный есть, само собой, – пояснил старик. – Я должен хоть раз в декаду вниз спуститься, проверить, всё ли в порядке, прибраться, опять же, если требуется – цветы там засохшие выбросить или ещё что. В тот день я и не собирался, просто обход кладбища делал, да увидел, что калитка ограды и дверь склепа приоткрыты. Непорядок же! Я взволновался да сдуру прямо в склеп и сунулся, вместо того чтоб на подмогу кого позвать. Повезло мне, дурню старому, что мэор Стейриг упыря прикончить успел, хоть и сам не выжил, а то мы бы сейчас с вами, мэора, тут не сидели.

Чарп шмыгнул остреньким носиком и передёрнулся, очевидно, заново переживая испытанный когда-то страх.

– Вы, брай Чарп, так сразу и увидели, что это маг из Файханас-Манора? – спросила Айриэ.

– Сразу, мэора, лицо ему упырь не тронул, грудь разворотил только. Когтищи у него были – во, с мою ладонь длиной, а то и побольше! Кровищи там было – ужас! Да ещё стены попорчены выжженными пятнами – это маг в упыря огненными шарами кидался, а тот, видать, уворачивался. А там внутри же стены мрамором белоснежным дорогушим

облицованы, я насилу отгёр потом...

– Так чем маг упыря убил? Заклинанием? – перебил его нетерпеливый гном, не желавший обогащаться полезными сведениями об уборке в склепах.

– Нет, брай гном, кинжалом зачарованным да ядом смазанным. В сердце маг не попал, бил уже, видать, из последних сил и куда придётся. Но капитан Паурен тогда всё осмотрел и после его светлости докладывал, а я слышал. Тогда и узнал, что кинжал ещё сверх чар ядом усилили, чтоб если бить, так наверняка.

Способ отчасти спорный – иной яд и чарам может помешать правильно сработать – но для человеческих магов действенный, особенно если маг плохо владеет оружием. Сама Айриэ, к слову, тоже привыкла полагаться на заклинания, оставляя мечи воинам. Но без правильного оружия (лучше из лунного серебра) магу иногда не обойтись, хотя ядами Айриэ всё-таки почти не пользовалась. Но Стейриг молодец, даже умирая, сумел добить опасную тварь и не допустил больше ничьей гибели. И неважно, защищал ли он при этом тех, кому служил, или позаботился о простых жителях Кайдараха. Интересно, кстати, а что это был за ?упырь??..

– Как он выглядел?

Старик удивлённо воззрился на магессу.

– Ну как... обыкновенно он выглядел, человек как человек, темноволосый, нестарый ещё...

– Да нет же, упырь!

– А-а-а, понял, мэора. Ну так волос у него тоже тёмный был, кожа синюшная такая просвечивала сквозь проплешины, когти длинные, я говорил уж.

– Морда вытянутая или нет? Нос длинный? Уши какие?

– Морда... ну, приплюснутая малость, нос круглый, чёрный. А уши... не помню, мэора, вроде остроконечные... а может, нет, – с сомнением пожевал губами старик. – Я ведь его недолго разглядывал, да по правде сказать, и охоты особой не было. Боялся, что мне этот упырь во сне станет сниться. Покойников я вот сроду не боялся, а тварь эту поганую – да, хоть и дохлая она была давно.

В общем, явно не классический упырь, а нечто, подозрительно напоминающее нынешнего хогроша. Возможно, первый экземпляр вырвался из-под контроля хозяина, и магистр Стейриг его уничтожил, хотя и ценой собственной жизни. Возможно также, что хозяином первого был сам маг. А нынешнего создал его ученик?.. Или обоих? А тогда Стейриг просто уничтожил опасную тварь. В этом случае откат от оборванной связи должен был ударить по хозяину...

– Брай Чарп, а не помните случайно, кто тогда кроме капитана в склепе был?

– Его светлость, понятно, был с сыном. Солдаты тоже... Они тушу упыря вынесли и сожгли по приказу герцога.

– Ага, – покивала магесса. – А может, в замке тогда болел кто-нибудь? Не припоминаете?

– А ведь и верно, мэора, – наморщив лоб, сказал Чарп. – Мэор Орминд тогда приболел. Полдекады в постели провалялся, мудрёное у него что-то было, так что и целители не сразу справились.

Но ведь оборванная связь ударяет по магу сразу, не с опозданием. Значит, Орминд не мог быть хозяином твари, чем бы он там ни болел. Совпадение, не более того.

– Брай Чарп, а кроме герцогского сына больше никто в Файханас-Маноре не чувствовал

себя плохо в тот день?

– Ну да, мэора, вот вы спросили, в памяти сразу и всплыло, – торжествующе сказал старик, радуясь победе над склерозом. – Мэор Фирниор тогда тоже хворал. Он даже раньше герцогского сына слёг, ночью. И тоже вроде слабость да жар, а ничего мудрёного целители не нашли. Но он быстрее мэора Орминда оправился, это я точно помню.

Прелестно, опять вездесущий Фирниор. Три года назад ему было пятнадцать. Мог ли мальчишка по неопытности не справиться с ручным, но крайне опасным монстром?.. Версия не самая глупая, но как же ей это надоело, корявое Равновесие!.. У Айриэ от всех этих предположений, догадок, улик и алиби уже голова кругом шла. И как только несчастные профессиональные дознаватели всю жизнь в подобном супе варятся? Она этого решительно не понимала, но от души сочувствовала: определённо, их хлеб был нелёгок. А тут ещё вдобавок постоянно приходится напрягаться, чтобы не перепутать, кому, сколько и что именно говорить. Ну до чего же противно всё время врать, сил больше никаких нет!..

В глазах старика явственно читалось любопытство по поводу странных вопросов магессы, однако спрашивать он не решился. Вместо этого получил пару серебряных ?коронков? и рассыпался в благодарностях.

– Вот ещё что, брай Чарп. Мне бы в склеп сходить, посмотреть. Говорите, ключ от него у вас?

– Ключ-то у меня, мэора, – покряхтел старик, не сразу решившись продолжить – видимо, опасался рассердить всесильного драконьего мага. – Да только не велено мне никого туда пускать без ведома его светлости. Вы уж простите, мэора маг, но надо прежде у герцога разрешения спросить...

Чарп смотрел опасливо, будто ожидал от магессы громов и молний, и та поспешила успокоить старика, миролюбиво согласившись съездить в Файханас-Манор и просить у герцога разрешения на осмотр склепа. Она могла бы войти и так, сломав замок на двери заклинанием, но было интересно посмотреть на реакцию Рольнира Файханаса в ответ на её просьбу.

В качестве реакции магессу одарили старательным удивлением. Слишком старательным, чтобы не учуять под ним замаскированную досаду и злость. Кажется, у Айриэ опять получилось наступить герцогу на мозоль, следовательно, в склеп сходить стоило непременно. Если раньше она намеревалась сделать это больше забавы ради, в поддержание своего образа орденой ищейки, то теперь осмотреть место давнего преступления требовалось всерьёз. Интересно, почему герцог не хочет, чтобы она навестила его покойных предков?..

– Если вы, мэора Айнура, считаете, что можете обнаружить там нечто, связанное с нынешними нападениями хогроша, то, разумеется, я буду только рад вам помочь, – сказал герцог предельно вежливым тоном. Но вместо заявленной радости в голосе опять скрежетало давешнее ледяное крошево недовольства. – Мэора, вы желали бы отправиться прямо сегодня или завтра с утра?

– Лучше сегодня, герцог, ещё совсем не поздно. Да и потом, даже если возвращаться я буду уже в темноте, меня это вполне устроит. Я бы хотела, чтобы хогрош попытался на меня напасть... – мечтательно протянула она, улыбаясь несколько хищной улыбкой.

– Понимаю, мэора Айнура. Ну что же, в таком случае, я пошлю с вами моего племянника Фирниора, он покажет вам склеп и ответит на ваши вопросы, если они возникнут.

Кто бы сомневался! Айриэ подозревала нечто подобное: вряд ли герцог отпустил бы её рыскать среди могил предков без присмотра. А на роль соглядатая лучше всех годился юный Фирниор – ведь они с Айриэ почти приятельствовали, не считая того, что мальчик периодически делал попытки за ней ухаживать. Ничего, юноша ей не помешает, к тому же попутно его можно будет снабдить кое-какой ложной информацией...

Шоко и вороной Фирниора неторопливой рысцой двигались по дороге к кладбищу. Лето таяло, и зелень деревьев уже кое-где была щедро разбавлена осенней желтизной. Солнце почти совсем ускользнуло за дальний лес и окрасило всё вокруг мягким, тёплым закатным золотом. На западе клубились лёгкие облака – розовые с тёмной серо-фиолетовой оторочкой, резко выделявшейся на прозрачно-голубом фоне. Случайно взглянув в глаза спутнику, когда отвечала на его шутливую реплику, Айриэ с любопытством отметила, что цвет его радужки совпадает с фиолетовыми переливами на небе.

– Фирниор, у вас сейчас глаза цвета вон тех закатных облаков, серо-фиолетовые. Необычно.

Юноша взмахнул ресницами и бросил на магессу долгий, странный взгляд. Глаза, кажется, потемнели ещё сильнее.

– А вам, мэора Айнура, очень идут изумрудные глаза ... как в тот раз, когда вы фантом дракончика создали. У вас глаза так необычно светились, то золотом, то изумрудом. Это было очень красиво!

– Да когда вы заметить успели? Вы же дракончиком были всецело поглощены, – добродушно усмехнулась Айриэ.

– Но сначала я смотрел на вас! Я на вас часто смотрю... особенно когда вы не замечаете, мэора Айнура. – Голос юноши чуть охрип. – А тогда, на какой-то миг вы показались такой необычной, нездешней даже!.. и свободной, неистойвой... удивительно настоящей. Словно в остальное время вы носите маску... Простите, если я вас оскорбил, мэора.

– Все мы носим маски, Фирниор, разве нет? – Айриэ продолжала удерживать на губах усмешку, но смеяться ей уже не хотелось. – Без них не обойтись. Бывает, что они слетают на миг, но это неважно, это ничего не значит.

– Бывает, маски прирастают к коже, особенно если их носить слишком долго... – эхом откликнулся Фирниор.

Прирастают, ещё как. Нельзя слишком долго носить чужое лицо и примерять на себя чужую жизнь. Но что, если своей жизни – четыре дня в году, а чужой – все прочие триста шестьдесят четыре?..

Герцогский фамильный склеп снаружи был облицован дорогим угольно-чёрным мрамором, благородно поблёскивавшим в гаснущих солнечных лучах. Склеп был обнесён ажурной кованой решёткой, калитка и дверь самого склепа открывались одним ключом. Внутри во дворике душно благоухали розы, тёмно-красные, белоснежные и жёлтые. Вниз вели несколько ступеней, дверь была прочной, массивной.

Шагнув внутрь первым, Фирниор зашарил по стене справа в поисках магического светильника.

– Мэора Айнура, пожалуйста, закройте глаза и дайте мне руку! – таинственным полусёпотом попросил он, доверчиво и заразительно улыбнувшись.

Айриэ не стала спорить, только усмехнулась про себя, опустила ресницы и прошла вслед за ним внутрь помещения. Мысль о возможной ловушке мелькнула и, устыдившись самой себя, умчалась прочь. Угрозы Айриэ не чувствовала. Дверь за спиной захлопнулась,

отрезая их от закатных солнечных лучей.

– Теперь можете открывать глаза! – В его голосе слышалось нетерпение и предвкушение, а тонкие, сильные пальцы чуть сжали её ладонь.

Зрелище, открывшееся её глазам, было поистине завораживающим. Тем неожиданней, что это должно быть место последнего упокоения усопших и скорби по ним. Но внутреннее помещение склепа изображало место светлое и радостное – мифический Светлолунный мир, куда после смерти якобы попадали достойно прожившие свою жизнь (и ели счастье большими ложками до скончания времён). Стены помещения были облицованы белоснежным, словно светящимся изнутри мрамором, потолок же изображал тёмное ночное небо с тысячами звёзд и пятью лунами Акротоса, в виде которых были выполнены красивые магические светильники тонкой работы – металл и хрусталь. Видимо, все светильники активировались одновременно, в том числе те, что висели на стенах и заливали склеп ярким светом, похожим на лунный. Потолок поддерживался изящными светлыми колоннами из того же мрамора, в стенных нишах стояли статуи Лунных Сестёр Скорбящих и, будто в противовес им, тех же пятерых богинь, но уже радующихся, принимающих умерших в своей обители вечной жизни. Забавные у людей представления о жизни и смерти... однако же местами красивые, с этим не поспоришь.

– Фирниор, это ошеломительно красиво! – признала магесса, осмотревшись – Никогда бы не подумала, что склеп можно оформить подобным образом. Но мне нравится.

Стены, кстати, были безупречно чистыми – ни следа давнишней копоти от разорвавшихся файерболов, ни вмятинки, ни щербинки. Ну, это-то как раз понятно, файербол средней мощности не способен поцарапать дорогой, очень прочный ?снежный мрамор?.

Фирниор издал удовлетворённый вздох, и его тёплое дыхание пощекотало ей волосы. Его глаза были совсем близко и казались теперь очень тёмными в псевдолунном свете. Он смотрел на Айриэ не отрываясь, в волнении лизнув пересохшие губы, но так и не отважился ни на что большее, чем ещё раз легонько пожать её пальцы и убрать руку. Инстинкт самосохранения уберёг мальчика от крупных неприятностей; Фирниор решил продолжить исполнять обязанности гида.

– Да, мэора, я и сам, когда это в первый раз увидел, был просто поражён. Здесь Файханасов хоронят последние пятьсот лет. В прежнем склепе всё в строгом соответствии с традициями: низкие потолки, мрачные голые стены из серого камня, магические светильники в виде факелов. Правда, саркофаги правивших герцогов и там сделаны из редкого ?инеистого гранита?, это традиция. Потому что такой саркофаг у основателя нашего рода, Эйдигира Неистового Ястреба. В этой галерее, что справа от нас, хоронят только герцогов или их совершеннолетних наследников, умерших раньше правящего герцога. Всех прочих Файханасов сжигают по обряду Лунных сестёр, а прах помещают в урны.

На каждом гранитном саркофаге, тёмно-розовом с игольчатыми светлыми узорами, имелась табличка с именем и годами жизни усопшего. Впрочем, в галереях, где на постаментах стояли урны с прахом, подобные таблички также были. Айриэ задумчиво прошла вдоль длинного ряда, читая имена и даты. Самые древние были дальше от входа, недавно умершие располагались ближе.

– Фирниор, а почему перестали хоронить в старом склепе?

– Не знаю, мэора, – пожал он плечами. – Тогдашний герцог пожелал выстроить новый склеп, только и всего. Кажется, никаких эпохальных событий с этим не связано. Ход в

древний склеп ведёт через замковые подвалы. Первые могилы появились там ещё при драконах, наш род очень древний. Ниарасы – часть рода, боковая ветвь, мы пошли от графов Мэй-Ниарас. Первым графом был второй сын второго герцога Файханас, с тех пор наши семьи так и жили рядом, лишь укрепляя узы крови и иные связи. Много лет назад один из графов Мэй-Ниарас совершил измену королю, и его наследник, носивший титул виконта Ниарас, не пожелал принять запятнанное имя. С тех пор графов Мэй-Ниарас не стало, но род остался и по-прежнему верен старшей ветви.

Магесса рассеянно кивнула и продолжила неторопливый осмотр. Она и сама не знала, что надеялась здесь обнаружить. Герцог явно не хотел, чтобы она пришла сюда, хотя его нежелание отнюдь не походило на тревогу. Видимо, здесь имелось что-то, во что Айриэ, по его мнению, совать нос не полагалось, однако Файханас, кажется, не особенно опасался, что магесса это скрытое нечто обнаружит. Ха, ради одного этого здесь надо обследовать каждую щёлку.

– Фирниор, а легенды? Страшные истории, которые принято рассказывать зимним вечером у зажжённого камина? – лениво поддразнила она. – Сейчас не зима, но уж хоть одну-то страшную историю я заслужила?

– Мэора, вам обязательны истории о герцогах или подойдут любые? – невинно поинтересовался он, обозначив ямочку на щеке.

– Ведь мы же в герцогском склепе! – резонно заметила Айриэ. – Ну же, признавайтесь, кто из ваших предков был уличён в колдовстве и употреблении девственниц?

– По прямому назначению? – Его голос подрагивал от смеха.

– По прямому – само собой, для этого колдуном быть не нужно!

– Среди Файханасов не было ни одного мага, если верить легендам. Только сам основатель рода, говорят, мог превращаться в ястреба. А ещё говорят, что Эйдигир так и не пожелал обрести покой после смерти, навсегда оставшись хранить своих потомков. И в час великой нужды он обязательно придёт на помощь, если его позвать, исполнив необходимый ритуал.

– И что же это за ритуал? – Айриэннис притворилась, что подавляет зевок, хотя на самом деле моментально насторожилась.

– Я не знаю, мэора, – покачал головой юноша. – Это известно лишь герцогам и их наследникам. Всё-таки это тайна рода. Но о том, что Эйдигир поклялся хранить своих потомков и отказался ради них от посмертия, рассказывается в древних легендах, в этом нет никакого секрета. Кстати, Эйдигир никогда не был женат, вторым герцогом стал его младший брат, от него и пошли остальные Файханасы.

Смотря что считать посмертием. Мало кому из людей известно, что после смерти тот сгусток энергии, что составлял их личность, развеивается и присоединяется к энергетической оболочке мира. Вот высшая награда и подлинное бессмертие, на самом-то деле – быть частью мира... При определённых условиях дух мог остаться неразвеянным и даже обрести некое подобие призрачной жизни, но это было дурное, вымороченное, неправильное существование. Хотя кому как. Право же, в реальной жизни встречается не так уж много приведений, которые, увидев мага, немедленно кидаются к нему и просят их упокоить. Призраки тоже ценят жизнь, хоть бы и... призрачную. Впрочем, пока они не вредят живым по собственной воле, их не трогают, так что первый Файханас тоже мог не опасаться, если он и в самом деле ждал долгие века, дабы ?помочь потомкам в час нужды?.

– Хм, этот ваш Эйдигир не помогал потомкам раньше?

– Дважды, мэора Айнура. Так рассказывают легенды. Первый раз – своему внучатому племяннику, четвёртому герцогу. Второй – во время войны лет восемьсот назад, когда Файханас-Манор был осаждён. Говорят, тогда у защитников замка почти не осталось шансов продержаться до прихода помощи, а единственный уцелевший из Файханасов, шестнадцатилетний юноша, оказался в смертельной опасности. Тогда на осаждающих напал сам Неистовый Ястреб – призрак, которому не могло повредить ни обычное оружие, ни заклинания магов. Наутро от вражеского войска осталась лишь жалкая горстка уцелевших, а Файханас-Манор с тех пор никто больше не решался осаждать.

– А чем тот юный герцог заплатил за помощь предка? – любопытствовала магесса.

Фирниор бросил на неё внимательный взгляд.

– Интересно, что вы об этом спрашиваете, мэора. Об этом мало где упоминается, однако в семейных хрониках сохранилась запись, сделанная рукой самого Брайнира Файханаса, а после – его тринадцатилетнего наследника. За помощь предка Брайнир должен был отдать свою жизнь – такова плата за магию, однако получил отсрочку до тридцати лет, потому что был последним в роду, не считая Ниарасов. Он успел жениться и оставить двоих сыновей, прежде чем в день своего тридцатилетия спустился в древние подземелья под замком. Брайнир ушёл к гробнице Эйдигира Неистового Ястреба и не вернулся назад. Его тела больше никто никогда не видел. В старом склепе – кенотаф.

Любопытно... Древнее заклинание магии крови, призракный Хранитель рода, плата за вызов которого – жизнь одного из его потомков. Айриэннис доводилось слышать о подобном, но по вполне понятным причинам подобная магия не пользовалась популярностью. Тем более что, по представлениям лунопоклонников, стать защитником рода означало навсегда пожертвовать возможностью оказаться в Светлолунном мире после смерти.

– Фирниор, получается, что это не такая уж и тайна? Раз вы знаете, чем платят за вызов Хранителя рода.

– Вообще-то тайна, – смутился юноша. – На самом деле, мэора, я не должен был видеть эти хроники, их позволялось читать только Орминду. Но я сунул в них нос из мальчишеского любопытства, мне тогда было всего двенадцать. Это получилось случайно, и я едва не попался, а то бы, наверное, занимался чисткой конюшен не меньше полугода. – Он насмешливо фыркнул. – Однако о ритуале вызова я не знаю ничего, это правда.

Да ритуал-то, в сущности, неважен, стандартный наверняка, главное – кровь. Никто не сможет вызвать Эйдигира, если он не из рода Файханасов. Призрак привязан к замку, иначе и быть не может, так что, видимо, Файханасы, решившие пожертвовать собой во имя рода (а эта жертва может быть только добровольной), спускаются к гробнице и произносят что-то вроде: "Приди на помощь своей крови, Эйдигир, как клялся некогда!" – ну и про плату, наверное, добавляют. Вот и вся великая тайна... Хранитель рода может лишь избавить от врагов, напавших на Файханас-Манор, его не вызовешь и не натравишь на неугодного тебе – скажем, на короля, находящегося в Юнгире... Впрочем, даже если бы Кайнир вдруг оказался в замке, Хранитель рода ничего бы не смог ему сделать, потому что король первым на Файханасов не нападал. Плату за вызов при этом Эйдигир взял бы, это закон магии, иначе никак. Кстати, Фирниор говорил всего о двух известных случаях обращения к Хранителю рода, но ведь их могло быть и больше, просто не все попали в общедоступные семейные хроники.

– Ну вот видите, Фирниор, страшная легенда и нашлась, – вслух произнесла Айриэ,

продолжив неторопливую прогулку среди изящных урн на постаментах.

– Почему же она страшная? Брайнир поступил самоотверженно и храбро, это красивая и печальная история. На самом деле ему, наверное, было страшно жертвовать собой и своим посмертием, однако он это сделал, а значит, победил свой страх. Не знаю, впрочем, смог бы я поступить так же, – задумчиво заметил он. – Хотя в детстве я часто примерял на себя роль Брайнира и ни капли не сомневался, что если придётся, сделаю это не задумываясь – чтобы жили дядюшка Рольнир, Орминд, Юминна...

– Что-то изменилось с тех пор? – негромко спросила Айриэ.

– Я вырос, мэора, – криво улыбнулся он. – Я не оказывался в положении Брайнира, поэтому не могу сказать, хватило бы у меня смелости поступить как он... Я уже не так наивен, как в детстве, и более трезво оцениваю свои возможности. Однако я надеюсь, что если бы вдруг пришлось, я не окажусь трусливее моего далёкого предка.

– М-да, но всё это – дела прошлого, а ведь не далее чем три года назад в этом склепе тоже произошли довольно печальные события.

– Вы о смерти магистра Стейрига, мэора? – нахмурился юноша. – Да, тогда магистр тоже поступил как настоящий герой. Он выследил страшную тварь и сумел убить, хотя потерял собственную жизнь. Очень жаль, магистр мне нравился, да и наставник он был хороший.

– Наставник?

– Да, магистр учил и Орминда, и впоследствии меня, основам магии, хотя у нас ни капли магического дара, как он говорил. Но мы должны были знать теорию. Потом ещё учил составлению зелий, этим особенно интересовался Орминд, я как-то не слишком. И немного лекарскому делу – очищение ран, перевязки, мази и всё такое прочее.

– Понятно... А откуда взялся упырь, вы не знаете, Фирниор?

– Н-не знаю, мэора, – поколебавшись, ответил он, и тут магессе показалось, что юноша не вполне искренен. Быть может, он не знал наверняка, но мог о чём-то догадываться. Хотя было бы странно, если бы он вдруг решил сказать что-то, могущее навредить интересам Файханасов.

– Наверное, магистру пришлось тяжело. Я слышала, это была славная битва, – закинула пробный шар Айриэ.

– Да, мэора Айнура, магистр сражался очень храбро. Здесь все стены почернели от копоти, Чарп, смотритель кладбища, жаловался не переставая, когда потом отмывал мрамор. Магистр пытался убить упыря файерболами, но тот, судя по всему, был намного быстрее и увертливее. Потом он набросился на магистра и разорвал его когтями, но магистр, уже смертельно раненный, успел достать тварь кинжалом. На кинжал было наложено некое заклинание, я не знаю точно, а лезвие – смазано ядом. Оно светилось бледно-зелёным, как будто фосфором было намазано или чем-то подобным. А на морде твари виднелась пена, тоже зеленоватая, разве что не светящаяся. Всё это случилось ночью, а наутро туша твари уже выглядела раздувшейся и быстро начала разлагаться. Ох, мэора, ну и запах тут стоял, просто кошмар! Его светлость тогда приказал сжечь упыря, и того с трудом подняли шестеро солдат. Вынесли его за ограду кладбища и сожгли ?лунным огнём?, на всякий случай, чтобы тварь не восстала. Дядюшка Рольнир тогда специально позвал Лунных сестёр, чтобы и магистру Стейригу достойное погребение устроить, и тварь сжечь.

Юноша, увлечшись воспоминаниями, говорил живо и жестикулировал, а магессу не покидало странное ощущение. Фирниор рассказывал как очевидец тех событий. Значит,

либо ему в своё время попался хороший рассказчик, описавший всё до мельчайших деталей, либо...

– Фирниор, так вы это всё своими глазами видели? – небрежно спросила Айриэ. – Ну и зрелище, должно быть!..

– Да, мэора, я тогда был тут с его светлостью. Действительно, такое раз увидишь, до конца жизни не забудешь, и... – оживлённо начал Фирниор и вдруг резко замолчал. Глаза у него расширились, вид был испуганным, как у человека, внезапно проговорившегося о чём-то важном.

– Что, Фирниор? – выждав некоторое время, спросила магесса. – Вы начали о чём-то говорить и вдруг замолчали. Что с вами?

– Нет, н-ничего, мэора, – запнувшись, через силу выговорил он, нервно утирая вспотевший лоб.

– Тогда продолжайте, прошу.

– Я... я забыл, что хотел сказать, мэора, – быстро ответил он, но прозвучала его ложь на редкость неубедительно, особенно для человека, столь виртуозно умеющего лгать.

Впрочем, Айриэ не стала настаивать, он явно ни в чём не признается, а продолжит врать. Но почему он испугался? Допустим, он приходил в склеп вместе с дядюшкой и кузенком, зачем это надо было скрывать? Или всё дело в том, что Фирниор был в склепе во время битвы Стейрига с первым хогрошем?.. Ну так и говорил бы спокойно, что приходил утром вместе со всеми, не привлекая внимания к скользкому моменту. В конце концов, кто станет проверять такие мелочи, а если даже и станет (как сама Айриэ), нагло стоять на своём. Кому поверят скорее, сыну виконта или старику смотрителю? Фирниор же не мог знать, что лично она в такой ситуации поверит именно Чарпу, даже если герцог и Орминд дружно станут утверждать, что юноша был с ними.

Айриэ вздохнула. Придётся подвергнуть риску беднягу Чарпа, при этом не ставя его в известность. Разумеется, она постарается, чтобы со старичком ничего не случилось, но если он всё-таки пострадает, совесть её загрызёт... Однако если она не сделает ничего, а хогрош снова загонит добычу для своего хозяина, будет хуже. Тварь надо уничтожать, иначе маг успеет убить ещё нескольких человек. И ладно бы просто убивал, а то ведь он копит силы для некоего масштабного злодейства. Гибель нескольких человек сама по себе трагична, но для мира в целом отнюдь не критична. Вошедший в силу чёрный маг намного, намного опаснее.

– Фирниор, – окликнула она юношу, начавшего было успокаиваться после допущенного промаха. – А старый Чарп говорил, что вас тогда в склепе не было – вы, мол, болели.

Промелькнувшее в его глазах выражение, весьма напоминавшее панику, уверило магессу, что она на правильном пути.

– Не знаю, мэора Айнура, он, наверное, запомнил, – нарочито равнодушным тоном отозвался сын виконта, но взгляд он отводил с почти виноватым видом. Будь на его месте кто другой, Айриэ, пожалуй, подумала бы, что ему крайне неприятно прибегать ко лжи.

– Всё может быть, старичок ведь, память уже не та...

– Да, мэора, – вымученно улыбнулся Фирниор.

ГЛАВА 15

Айриэ, играя на нервах своего спутника, продолжила неторопливую экскурсию по склепу. Если сначала Фирниор был чуть ли не по-щенячьи счастлив находиться рядом с ней, то теперь герцогское поручение явно превратилось для него в обузу. Он то и дело отставал и

украдкой смахивал пот, выступавший над верхней губой. И морщился страдальчески, когда думал, что магесса его не видит – наверное, мечтал, бедняжка, о скорейшем окончании этой пытки. Однако было непохоже, чтобы он опасался открытий, которые могла сделать Айриэ, просто переживал из-за своего ляпсуса. Но раз его светлость не желал её присутствия в склепе – следовательно, рысканье среди могил надо было продолжать. Надо полагать, герцог знал об этом месте гораздо больше своего двоюродного племянника.

Айриэ очень добросовестно осмотрела едва ли не каждую урну с прахом, перечитала все таблички и прошла до самого конца галереи с саркофагами. И не нашла абсолютно ничего, что могло бы привлечь её внимание. И только когда она уже собиралась вернуться и дочитывала табличку, стоя над саркофагом первого из Файханасов, похороненных в новом склепе, удача соизволила бросить ей подачку.

Взгляд рассеянно скользнул и зацепился за небольшое полустёртое пятнышко на ?снежном? мраморе пола возле соседнего саркофага. Айриэ готова была поклясться, что она туда не вставала, да и подошвы её сапог давно уже высохли. В остальных местах полы сверкали своей белизной в свете магических светильников, ибо на пол склепа было наложено заклинание очистки, срабатывавшее, скорее всего, раз в несколько дней. Поэтому Айриэ стало любопытно, откуда здесь могла взяться грязь. Она присела на корточки и подсветила себе ?светлячком?. Пятнышко было бурым и сильно напоминало засохшую кровь, будто кто-то выпачкал в ней самый кончик сапога. Или краешек лапы.

– Что вы там обнаружили, мэора Айнура? – с умеренным любопытством спросил Фирниор,

Айриэ мельком взглянула на юношу, не обнаружив ни малейшего следа страха на его лице: если он и переживал, то, как уже говорилось, по поводу допущенной ранее ошибки, пятна на полу его не интересовали. Она гораздо внимательнее обследовала тёмно-розовый саркофаг, в котором, согласно табличке, покоился герцог Саймир Файханас. На светлых прожилках ?иней? на углах крышки также обнаружились бурые грязноватые следы, словно кто-то брался за них мохнатой лапой и, возможно, сдвигал крышку.

– Фирниор, помогите-ка мне снять эту крышку! – решила последовать нехорошему примеру магесса.

– Мэора, не опасаетесь потревожить покой моего предка?

– А вы возражаете?

– Пожалуйста, мэора, мне не жалко! – великодушно позволил он, улыбнувшись уже по-настоящему. – Если не секрет, что вы надеетесь отыскать?

– Видите, тут следы? Похоже на засохшую кровь.

Его улыбка моментально исчезла, юноша взглянул пронзительно, эдак по-файханасовски, слегка наклонив голову к левому плечу.

– Действительно, мэора... Что это и откуда?

– Сдвинем крышку и посмотрим, – пропыхла с натугой Айриэ. – Ну, помогайте же!

Благодаря их совместным усилиям тяжёлая гранитная крышка дрогнула и отъехала в сторону. Магический ?светлячок? любезно завис над саркофагом, освещая то, что лежало внутри: бесформенный, изрядно обмусоленный комок из мяса и костей, обряженный в остатки изодранного, грязного чёрно-зелёного мундира.

– Корррявое Равновесие тебе в глотку и провернуть три раза!

– Это наш пропавший гвардеец, мэора? – деревянно-скрипучим голосом спросил Фирниор и раза три-четыре нервно сглотнул, но от тошноты удержался.

Что же, ничего удивительного: в присутствии Айриэ с её нечеловеческим хладнокровием любому нормальному мужчине было бы зазорно выглядеть слабее, будь она хоть трижды боевым магом. Вот и Фирниор старался выказать не меньшую невозмутимость, чем его спутница. И ведь неплохо получалось, надо отдать ему должное. Вырастет – какой мужчина будет!.. Если вырастет.

– Он, – хмуро подтвердила магесса. – Точнее, то, что от него осталось, – после того, как хогрош с аппетитом позавтракал.

Фирниор нервно дёрнул щекой и отвёл глаза.

– Но как он здесь оказался?

– Хозяину твари виднее. Наверное, счёл кладбище и ваш фамильный склеп в частности подходящим местом для того, чтобы спрятать труп.

– А ключ откуда? Ведь склеп всё время заперт? – наморщил лоб юноша и в волнении прикусил губу. – Неужели это... кто-то из Файханас-Манора?

– Не обязательно, – медленно проговорила Айриэ, пристально глядя на младшего Ниараса. – Это могли сделать в Кайдарахе. Например, украли у старого Чарпа ключ, сделали дубликат и подбросили обратно. Он мог и не заметить. Это же не ключ от герцогской сокровищницы, в конце-то концов!

Фирниор просветлел лицом: у него явно полегчало на душе от такой возможности. Странно, вот так посмотришь – можно подумать, что он ничего не знает о маге. Или и правда не знает?.. Гоблины лысые бы побрали эти предположения, допущения и прочие версии!

– Фирниор, отправляйтесь-ка вы к его светлости, расскажите ему о нашей находке. Но оставьте мне ключ от склепа.

– Вот ключ, мэора, пожалуйста. А что вы намерены делать?

– Приготовлю ловушку для хогроша. Раз недоеденное... мясо он спрятал в саркофаге, значит, бывает здесь с хозяином. Скорее всего, вернётся сегодня ночью, чтобы доесть остатки. Это шанс покончить наконец с проклятой тварью и поймать мага! Я с друзьями гномами притаюсь внутри, а кого-нибудь попросим запереть нас снаружи, чтобы не насторожить заранее хозяина твари. Фирниор, передайте его светлости, чтобы не вздумал посылать сюда своих людей, иначе могут быть новые жертвы. Не говоря уже о том, что его гвардейцы могут просто-напросто насторожить хогроша и его хозяина, тогда опять придётся начинать всё сначала.

– Хорошо, мэора Айнур, я обязательно передам, – заверил её юноша, помогая прикрыть массивную дверь склепа.

Они вышли за ограду кладбища и разъехались в разные стороны: Фирниор повернул к замку, Айриэ – к постоялому двору, пустив Шоко галопом.

Вихрем промчавшись по деревне, Айриэ ворвалась в комнату Конхора и безжалостно растолкала только-только прикорнувшего перед ночным бдением приятеля. Объяснила, в чём дело, и колесо завертелось. Айриэ решила брать с собой десятерых, остальные гномы остались при повозках. Вскоре с постоялого двора выехала одна гномья повозка и магесса верхом на Шоко. Все они исправно доехали до кладбища и дружную толпой устремились к склепу в сгустившихся сумерках, развеиваемых только одной золотисто-медовой Эфией. Гномы мрачно и грозно поблёскивали кольчугами и сдержанно звенели топорами, магесса гордо предводительствовала воинством, ограничившись кожаной курткой вместо доспехов. Все зашли внутрь, за исключением одного гнома, торжественно запершего ключом дверь и

после вернувшегося с повозкой на постоялый двор. Шоко был рассёдлан и оставлен свободно бродить вокруг кладбища. По крайней мере, именно так всё и выглядело в глазах любого стороннего наблюдателя.

На самом же деле у входа в склеп Айриэ наложила ?отвод глаз? на себя, Конхора и ещё четверых шедших вместе с ними гномов. После этого они, двигаясь максимально бесшумно, отправились к стоявшему на краю деревни дому кладбищенского смотрителя.

Если Айриэ хоть сколько-нибудь разбиралась в людях, Фирниор не станет молчать о допущенном промахе, ибо это может нанести ущерб интересам рода. Нет, магесса была уверена, что юноша расскажет всё дядюшке – возможно даже, не догадываясь, к чему это приведёт. Сложно вообразить, что восемнадцатилетнего мальчишку, да ещё и несколько сомнительного происхождения, станут подпускать к важным тайнам рода. Наследника – да, родного брата тоже, а вот Фирниора, скорее всего, использовали втёмную. Если, разумеется, не он – ?маг-враг?, но от одной мысли об этом хотелось взвыть тоскливой волчицей.

Вряд ли его светлость придёт в восторг, узнав, что Фирниор проговорился о том, что был в склепе, когда нашли погибшего магистра Стейрига. Почему-то это являлось важным, но в любом случае, теперь им придётся придерживаться версии Фирниора, чтобы не насторожить Айриэ. А опровергнуть слова юноши мог только старый Чарп. Паурен не в счёт, герцог прикажет ему, и капитан будет молчать о том дне, посылая магессу с расспросами к его светлости и с полным правом ссылаясь на полученный приказ сюзерена. Гвардейцев, бывших в тот день в склепе, можно отослать под благовидным предлогом – например, охранять какое-нибудь дальнее поместье. Следовательно, только старик опасен, и герцог может попытаться устранить беднягу, заодно предоставив чёрному магу новую жертву.

Именно поэтому Айриэ решила устроить засаду в доме Чарпа. Если убивать старика, то сегодня ночью, пока магесса предположительно ждёт хогроша в склепе. Если бы у Айриэ была хоть малейшая уверенность в том, что хогрош действительно придёт в склеп доедать ?остатки? гвардейца, она бы нейтрализовала Фирниора на одну ночь тем или иным способом, а сама бы дождалась твари. Но увы, зная немного о повадках сотворённых магических питомцев, Айриэ могла утверждать, что хогроша еда сейчас не интересует – он уже вылечен и сыт, а тело гвардейца спрятали в саркофаг, чтобы его не нашли.

Для того она и устроила всё это представление, чтобы Файханасы даже не сомневались, что магесса сидит в склепе и ждёт. Ну а если она всё-таки ошиблась, то пятеро вооружённых гномов вполне способны ликвидировать хогроша даже без помощи магессы.

Домик смотрителя утопал в зелени лип, берёз и старых раскидистых яблонь, так что с улицы вход в дом не просматривался. Кстати, был он довольно большим для одинокого старика. Сняв ?отвод глаз? и легонько стукнув в дверь дома Чарпа, магесса дождалась появления хозяина и попросила впустить гостей. Старик распахнул дверь и изумлённо выпучил глаза при виде вооружённых гномов, с деловым видом протопавших в комнату.

– Мэора маг, а... – начал он, но Айриэ сделала ему знак замолчать.

Только установив ?полог тишины?, сказала:

– Вот теперь, брай Чарп, и поговорить можно. Не пугайтесь и простите уж за вторжение, однако мне птичка на хвосте принесла, что на вас нынешней ночью могут напасть. Тварь на прогулку выйдет и захочет поужинать или позавтракать, уж как получится. Но непременно вами, – веско добавила она. – Если я ошибаюсь, ничего страшного, мы просто посидим здесь до утра и уйдём.

– М-мэора, а как же... Да за что?.. – жалобно проблеял перепугавшийся до полусмерти Чарп, идя за магессой в комнату.

Гномы со своей обычной непосредственностью уже расположились на старых скрипучих стульях вокруг стола и деревянном топчане у стены и теперь доставали притащенные с собой бутылки с пивом и съестные припасы. Чарп не успел рта раскрыть, как ему сунули в руки бутылку крепкого светлого и велели запить новость, сочувственно похлопав по плечу. Старик с перепугу поперхнулся и долго выкашливал пиво, попавшее не в то горло.

– Брай Чарп, вы мне заново расскажите, что в тот день увидели в склепе, когда упыря нашли. И, главное, кого, – велела Айриэ, когда старик немного успокоился и влил в себя с треть бутылки пенного успокоительного.

– Да я ж рассказал вам уже всё, мэора маг, – удивился слегка захмелевший старик. – Но если вам угодно, слушайте по второму разу.

Айриэ слушала, куда денешься, и несколько раз специально уточнила про Фирниора. Чарп твёрдо стоял на своём: из Файханасов были герцог и Орминд, Фирниор заболел ночью.

– А поправился когда, не помните?

– Ну, дня четыре он проболел точно. А мэор Орминд ещё дольше, я уж говорил вам.

Болезни Орминда её не интересовали, он не маг, как и его отец, раз оба были в склепе. Но и Фирниор, получается, тоже, раз присутствовал... Только когда? Ночью заболел, хм, а рассказывал об утренних событиях как очевидец. Ладно, допустим, побывал тайно, но зачем, зачем это скрывать?!

– Трупы в тот же день убрали? – на всякий случай уточнила магесса.

– В тот же, мэора, а как же! Не оставлять же тварь поганую рядом с благородными покойниками валяться! И магистра Стейрига сразу же сожгли да похоронили на нашем кладбище. Могу вам завтра могилку его показать, если интересуетесь, – предложил Чарп и шмыгнул покрасневшим носом, а после основательно приложился к бутылке, уверившись в чудодейственной силе гномьего снадобья от страха.

– Не интересуюсь, спасибо, – коротко отказалась Айриэ, продолжая размышлять. Может быть, всё зависит от того, с кем был юноша в склепе? Ну и кого он покрывает в таком случае? Или в склепе был под ?отводом глаз? и тогда уж он точно знает, кто маг?.. Правда, сомнительно, что хозяин твари, страдающий от оборванной связи с питомцем и разом лишившийся магического резерва, смог бы наложить ?отвод глаз?. Ничего не понятно... – Брай Чарп, подпол у вас имеется?

– Ну да, картошку я там храню, – ответил старик и осоловело захлопал глазами, с явным трудом держа их открытыми.

– Возьмите-ка тюфяк, одеяло какое – укройтесь и отправляйтесь туда спать. Нам вы только помешаете, если вдруг что. А там вы в полной безопасности выспитесь.

– Давай-давай, папаша, – подхватил один из гномов и увёл старика на кухню, где был лаз в подпол. Засыпающий на ходу Чарп не сопротивлялся, вот и хорошо. Люк на всякий случай придавили большим ларём, чтобы хозяин не вылез без спросу и не попался случайно монстру.

Гномы быстренько убрали остатки своей трапезы и сноровисто рассредоточились по дому, занимая позиции в каждой комнате, даже там, где явно никто давно не жил. Сам Чарп, похоже, пользовался только кухней да меньшей из двух спален. Возможно, раньше старик жил не один или дом был выстроен для зрителя кладбища с большой семьёй, а Чарп его

просто унаследовал вместе с должностью.

Айриэ сняла ?полог?, чтобы не насторожить тварь, если та хорошо чувствует магию. Гномы заранее воспользовались охотничьими амулетами, отбивавшими запах, устроились поудобнее и приготовились ждать. Ни шороха, ни скрипа, ни стука. Айриэ, в свою очередь, наметила контуры ловчего заклинания, стянув его вокруг дома, но пока не напитывая магией.

По дому сновало несколько невидимых ?сторожевичков? – настолько слабых, что их наличие никто не должен был учуять. Однако любого, вошедшего в дом, они заметят и магессу предупредят. Айриэ устроилась на топчане, подстелив старое, пыльное хозяйское одеяло, и с чистой совестью подремала часа полтора. Всё легче будет, а то от бессонницы глаза слипаются и настроение портится прямо-таки стремительно. Скоро на своих бросаться начнёт, хоть бы наконец хогрош под руку подвернулся, усмехнулась про себя магесса.

Придёт, не придёт?.. Верно ли она рассчитала или никто и не думал покушаться на жалкого старика? Мало ли что он там лепечет после нескольких кружек пива... Поправив серебряный перстень с головой дракона, надетый на левую руку, в очередной раз проверила, полностью ли заряжен артефакт, хотя делала это уже дважды.

Висящие на стене кухни старенькие, ободранные ходики мерно тикали, и это было единственным, что нарушало тишину в доме. Если не знать о затаившихся гномах, то и не угадаешь, что они тут бдят. Кто-то один с комфортом устроился на хозяйской постели, пусть и лишённой тюфяка. Зато если хогрош полезет в окно спальни, увидев укутавшегося одеялом ?Чарпа?, его ждёт неприятный сюрприз. Гном в кольчуге – добыча не всем по зубам, иные зубки и обламываются, знаете ли...

На улице слегка шумел ветер, взлаивали-взвывали собаки, орали любовные песни коты: чья-то кошка, освободившись от докучливого потомства, снова пришла в охоту и собрала вокруг себя целый гарем голосистых красавцев. А потом всё как-то неожиданно стихло, даже распалённые любовным марафоном коты и кричавшие среди кладбищенских деревьев какие-то ночные птицы. Магесса насторожилась, бесшумно выпрямившись и потихоньку разминая мышцы. Топчан при этом пытался поскрипывать, но Айриэ приноровилась не ёрзать.

Несколько следующих минут проползли медленно и томительно, пока из спальни старика не донёсся слабый звук. Вроде бы тихонько звякнуло оконное стекло, потом всё снова стихло. Айриэ готовилась мгновенно активировать ловчую сеть, которая воспрепятствует кому бы то ни было покинуть дом. Вот тихо, еле уловимо скрипнула половица в спальне, потом другая: старые разошедшиеся доски отзывались, когда на них вставали, даже если вошедший старался не шуметь.

Взрыкнуло, скрежетнуло, будто чьи-то когти с силой проехали по металлу кольчуги. Айриэ, больше не скрываясь, активировала сеть и метнулась в спальню старика. Туда же устремился Конхор, прочие отстали, чтобы не мешать друг другу и поучаствовать по мере необходимости. Крик ?получи, тварь! – и яростный рёв обиженного хогроша, метнувшегося обратно к окну. Тварь и управлявший ею хозяин, наткнувшись на засаду, мгновенно оценили обстановку и поняли, что нужно спасать волосатую шкуру хогроша. Но сеть Айриэ держала крепко, отбросив хогроша назад, прямо под топор Конхора и второго гнома – кажется, это был Трондаз или его брат Нимшир, в пылу схватки не разглядишь.

Айриэ набросила на ноги твари спутывающее заклинание, пока гномы азартно, остервенело даже, рубили тварь топорами. Гномье оружие наносило болезненные раны,

ускоренная регенерация твари не справлялась, но когти хогроша представляли собой серьёзную угрозу. Загнанной в угол твари терять было нечего, и она бешено сопротивлялась, стараясь забрать с собой жизни своих обидчиков. Вот, страшно вскрикнув, под ударом могучей лапищи отлетел назад Нимшир; тяжело стукнувшись о стену, он остался лежать неподвижно. Рядом валялся слетевший от страшного удара рогатый шлем. Айриэ, улучив момент, залепила файерболом в открытую пасть твари, заставив хогроша подавиться собственным рёвом. Остальные гномы, метнувшись в комнату, встали рядом с Конхором и вступили в схватку.

У твари, в общем-то, не было шансов. Победный удар, кажется, нанёс всё-таки Конхор, а может, кто-то ещё. Айриэ поспособствовала скорейшему издыханию хогроша, добавив пару молний. Хрипы, бульканье и конвульсивное содрогание туши продолжалось ещё некоторое время, и гномы старательно жались к стеночкам, чтобы агонизирующий хогрош не полоснул кого-нибудь из них когтями. Айриэ поспешила помочь Трондазу, оттащившему пострадавшего Нимшира подальше. Тот, к счастью, был жив, но изрядно потрепан, и магесса послала голосового ?письмоносца? гномам на постоянный двор с просьбой пригнать повозку: Нимшира надо было поскорее доставить к Лунным сёстрам.

Конхор дождался, пока хогрош перестанет содрогаться и, приблизившись, хладнокровно отрубил тому голову от тела. Не с первой попытки получилось, между прочим, хотя гномье оружие было отменным, а обращаться с топором Кон умел с сопливого детства.

– Горы-долы, Айнур-ра, ну и умаялись же мы! – вытерев широкой ладонью пот со лба, признался Конхор, а прочие согласно загудели и наперебой принялись обмениваться впечатлениями от схватки, в волнении то и дело сбиваясь с Всеобщего на гномий.

– Братцы, а ведь мы молодцы, а? – заметил Стагир, улыбаясь до ушей и теребя и без того растрепавшуюся косицу бороды. – Какую погань уделали!..

– Честь нам и хвала за сей подвиг! – полунасмешливо поддакнула Айриэ, и гномы довольно расхохотались, сбрасывая накопившее напряжение.

– Эй, хозяина кто-нибудь из подпола достаньте, пусть тоже полюбуется, – распорядился Кон. – А то он уже давно снизу в люк колотит.

Действительно, бедняга Чарп, не имевший возможности выйти, должно быть, совсем извёлся, слыша вопли и грохот над головой. Правда, вскоре выяснилось, что милосерднее было бы оставить его в неведении: увидев тушу хогроша и оценив размеры когтей, бедняга закатил глаза и рухнул в обморок.

– И это вместо благодарности за спасение жизни, – неодобрительно покачав головой, проговорил Стагир, но в голубых глазах плясали смешинки. – Слабаки эти люди!

– За тобой бы такую тварь послали, посмотрел бы я, что ты стал бы делать! – поддел его Кон.

– Как это что? Позвал бы вас на помощь! – хохотнул Стагир. – А если бы никого из наших рядом не случилось, дрался бы в одиночку.

Вообще все были довольны, перешучивались и добродушно подначивали друг друга. Для них-то всё уже закончилось, а у Айриэ основная работа только начиналась. Уничтожение хогроша – это победа, да ещё какая, но для магессы это ещё не даже не половина дела на сегодняшнюю ночь. Она отозвала приятеля в сторонку и попросила:

– Кон, слушай, опасаясь я немного за старика. Посторожите его, пока вы в Кайдарахе? Его всё же могут попытаться убрать, хотя я попытаюсь его максимально обезопасить. Прозрачно намекну его светлости, что буду весьма недовольна, если Чарпа убьют... В конце

концов, Чарп мне всё рассказал, а что он может знать ещё такого важного – не представляю. Боюсь, сам он тоже понятия не имеет. В общем-то, скорее всего, герцог про Чарпа забудет, зачем ему рисковать.

– Алмазная моя, о чём речь! Приставлю я к нему пару своих парней, будут днём и ночью рядом, по очереди. Это ж ненадолго.

– Дня на три-четыре, и то больше для успокоения моей совести, – приподняла уголок рта Айриэ. – Спасибо, Кон, за мной должок!

– Сочтёмся, алмазная моя! – лукаво подмигнул гном. – Сейчас ты куда?

– В Файханас-Манор, сообщать о великой победе, – усмехнулась магесса, снова скривив уголок губ, на этот раз саркастически. – Правда, там о ней уже знают, могу ручаться.

– Отдача? – понятливо откликнулся гном.

– О да! – Айриэ хищно сверкнула глазами. – Магу сейчас не до радостей жизни, он должен лежать пластом и страдать от оборванной связи и полного истощения. Думаю, на этот раз ему ещё хуже, чем тогда, три года назад. Я никогда бы не подумала, что хогрошем можно управлять так быстро и так легко освободить его от чужих заклинаний. Видимо, связь у них была предельно тесной, а значит, хозяину сейчас очень плохо. Вот и посмотрим, кто у нас сегодня ночью внезапно заболел... Думаю, чьё-то отсутствие станет достаточной уликой – для меня, даже если я не увижу заболевшего своими глазами. А я постараюсь увидеть, и плевать, что там на сей счёт думает его светлость!

– Ты поосторожнее там, Айнур-ра! – напутствовал её гном, внезапно посерьезнев. – Я, конечно, помню, про ?ответное проклятье?, и Файханасы о нём тоже не забывают, но всё-таки...

– Не переживай, Кон, всё будет в порядке! – заверила она приятеля.

Она не была бессмертной или неуязвимой, но для желающих покончить с драконьим магом имелось несколько неприятных сюрпризов... со смертельным исходом. Предпоследний аргумент, так сказать, хотя прибегать к нему Айриэннис не хотелось бы. Видит Равновесие, очень не хотелось бы, но если понадобится, сделает. Даже если потом каждый раз на душе остаётся такой мерзкий осадок...

– Хогроша во двор вынесите, – попросила она Конхора. – Пусть пока там полежит, завтра его Лунные сёстры сожгут, я не стану возиться. Да и предъявить монстра надо всем желающим, только посторожите, пока из замка гвардейцев не пришлют вам на смену.

На улице послышался скрип колёс – это прибыла повозка за раненым. Айриэ вышла и, не скрываясь, зашагала к кладбищу. Встретила патруль, коротко уведомила гвардейцев о случившемся и отправилась дальше, к склепу. Она выпустила карауливших там гномов, отправила их в дом Чарпа и оседлала Шоко.

Было довольно светло, сияли звёзды и уже четыре из пяти лун – не было видно только Юдрисы. Шоко неторопливо цокал копытами по мощёной дороге, а магесса лениво любовалась пейзажами в лунном полусумраке и размышляла, удастся ли ей наконец выяснить личность чёрного мага.

Впереди возвышался мощный, древний, полный мрачноватых тайн Файханас-Манор, обласканный лунным светом. Магесса подъехала к подъёмному мосту и предвкушающе улыbnулась.

Конец первой книги